

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками— по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. Подписка принимается: въ **ВОРОНЕЖѢ**: въ Редакціи Филологическихъ Записокъ.

Въ Редакціи также можно получать слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «Филологическихъ Записокъ» за 1864 г., цѣна **5** р., за 1865 г. **3** р., за 1866 г. **3** р., за 1867 г. **6** р., за 1868 г. **5** р., за 1869—1879 г. по **6** р. каждый.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр. А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер. съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна. Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова. Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Искусство въ Греціи, III вып. Цѣна 60 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній, въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго составляютъ **Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи**, изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКАГО
КАДЕТСКАГО КОРПУСА

Отдѣль XV^т

№ 4207 3623

~~И-12764~~

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

68

Кол-во предм. выдачи

6
ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ.

05
954
вѣ
1880г.

ЖУРНАЛЬ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ
вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по срав-
нительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

19754

Изд. А. Хованскимъ.

— годъ девятнадцатый. —

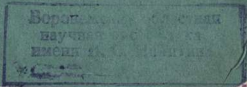
ВЫПУСКЪ
1880.

Воронежъ.
Въ Типографіяхъ В. И. Псаева
и
Губернскаго Правленія.

60
49
5.

-0578666-

СОДЕРЖАНІЕ V ВЫПУСКА.

Пушкинъ, какъ поэтъ европейскій. Рѣчь, проф. Варш. Унив., произнесенная на Пушкинскомъ праздникѣ въ Варшавѣ 4 Юня 1880 г.

Н. И. Карѣва.

Къ вопросу о значеніи подлежащаго въ предложеніи.

Я. К. Грота.

Объ изученіи древней русской письменности. Языкъ русскій. (Продолженіе.)

А. А. Котляревскаго.

Сравнительный синтаксисъ именит., зват. и винит. падежей въ санскритѣ, Zend., греч., лат., нѣмец., литов., латыш. и слав. нарѣчіяхъ. III. (Продолженіе.)

А. В. Попова.

Средне-болгарскій служебникъ 1532 г. Опытъ Палеографико-глоттологическаго изслѣдованія. Особенности въ лексическомъ составѣ. (Окончаніе.)

В. В. Плотникова.

Производство слова „человѣкъ“.

В. М. Добровскаго.

БИБЛИОГРАФІЯ:

О нарѣчій Венеціанскихъ Словенцевъ. Сочин. А. Клодича. С.-Пбр. 1878. 8° 27 стр.

Карл Аппель: 1) Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ. 2) Къ Славянскому народному словопроизводству. 5) Библиографія — *Zarés do Grammatikj Kašébsko-Slovinskje Mòvé napisel é védel Dr. Cendva.* 1879 г. 8° 44 стр.

О бѣлорусскомъ нарѣчій. Замѣтки Карла Аппеля. Особ. отд. изъ Рус. Фил. Вѣст. Варшава. 1880 г.

И. А. Бодуэна-де-Куртеня.

„Филологическія Записки“ будутъ издаваться въ 1881 году. Объявленіе будетъ въ слѣд. книжкѣ. Подписка принимается.

ПУШКИНЪ, КАКЪ ПОЭТЪ ЕВРОПЕЙСКІЙ.

(Рѣчь профессора Варшавскаго Университета Н. И. Карева, произнесенная на Пушкинскомъ праздникѣ въ Варшавѣ 4-го юня 1880 года).

Мм. Гг.!

Я не стану распространяться о причинѣ нашего сегодняшняго праздника: каждый русскій пойметъ, почему съ особымъ торжествомъ празднуется въ Россіи день открытія памятника нашего великаго поэта, который, по собственному сознанию,

Народу долго будетъ тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ онъ былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

И поняли значеніе нынѣшняго дня тѣ, которые хлопотали въ Москвѣ устроить этотъ праздникъ, и тѣ, которые съ разныхъ концовъ Россіи съѣхались на это торжество въ родной городъ поэта, какъ поняли и всѣ, собравшіеся на нашъ вечеръ въ память Пушкина. Россія чествуетъ своего національнаго поэта. Но, господа, на нашъ національный праздникъ изъ отдаленныхъ странъ Европы шлютъ свои привѣтствія и люди другихъ націй: ихъ не такъ, правда, много, чтобы наше торжество могло принять характеръ обще-европейскаго, однако между ними называютъ извѣстныя въ литературѣ имена. Что заставляеть ихъ соединиться съ нами въ чествованіи памяти нашего поэта? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: и имъ понятенъ Пушкинъ, и они находятъ въ немъ то, что дѣйствуетъ на умъ ихъ, на сердце, на воображеніе, и для нихъ онъ въ извѣстной степени свой, — словомъ, причины иной тутъ быть не можетъ, какъ та,

что Пушкинъ былъ поэтъ и европейскій, не переставая быть національнымъ.

Три условія опредѣляютъ главнымъ образомъ фізіономію каждаго поэта и значеніе его литературной дѣятельности. На первомъ планѣ стоитъ личность поэта, тѣ духовные дары, которыми надѣлила его природа, которые развились въ немъ подъ вліяніемъ его личной судьбы, воспитанія, жизненной обстановки. Эта истина до такой степени проста, что въ біографіи поэта ищутъ ключа для разумѣнія его произведеній, которыя въ тоже время могутъ быть ключемъ для пониманія его нравственной фізіономіи. Другое условіе—родная страна поэта, вся окружающая его матеріальная обстановка, всё существующія вокругъ него общественныя отношенія, охватывающая его духовная среда: здѣсь, въ природѣ, въ людскихъ отношеніяхъ, нравахъ и обычаяхъ, стремленіяхъ и преданіяхъ родной страны почерпаетъ онъ матеріалъ для своихъ произведеній; здѣсь, въ національномъ духѣ дана ему судьбой та призма, черезъ которую разсматриваетъ онъ явленія изъ жизни чуждыхъ странъ. Но это не все: на поэзіи отражается не одинъ духовный складъ самого поэта, не одинъ характеръ его родины—отражается на ней исторія, та эпоха, тотъ историческій моментъ, въ который живетъ поэтъ. И чтобы быть по истинѣ великимъ, недостаточно имѣть творческій даръ, недостаточно говорить народу знакомыми ему образами: только тогда поэтъ будетъ, какъ Пушкинскій пророкъ, *глаголомъ жечь сердца людей*, когда онъ чутьемъ проникнетъ въ душу каждаго и каждому скажетъ его завѣтную думу. У каждаго времени, у каждой эпохи есть такая дума, болѣе или менѣе объединяющая всѣхъ современниковъ, такое преобладающее чувство, которое является слѣдствіемъ переживанія извѣстнаго историческаго момента. Эта дума охватываетъ душу поэта сильнѣе, чѣмъ иныхъ смертныхъ, и никто не умѣетъ повѣдать ее міру съ такимъ могуществомъ, какъ поэтъ. Отсюда его сила, отсюда его вліяніе на современниковъ: что другой выскажетъ въ видѣ отвлеченной, сухой формулы, то выразитъ поэтъ въ живомъ и яркомъ образѣ. И тотъ именно поэтъ великъ,

который умѣетъ сочетать въ одномъ чудномъ аккордѣ поэтическія свои дарованія съ отраженіемъ въ поэзіи своей и быта родины, и идей вѣка. Такой поэтъ прежде всего— поэтъ національный, и въ то же время онъ можетъ стоять и выше все-таки тѣсныхъ рамокъ національности, когда его народъ живетъ общою жизнью съ другими народами и вмѣстѣ съ ними испытываетъ одинаковую смѣну историческихъ теченій. Россія узнала такого поэта впервые только въ лицѣ Пушкина. Взгляните вглубь его поэзіи:

Тамъ русскій духъ!.. тамъ Русью пахнетъ!

Но какъ несомнѣнно то, что Пушкинъ поэтъ національный, такъ точно несомнѣнно и то, что съ другой стороны, онъ, по собственнымъ словамъ,

Искалъ вознаградить въ объятіяхъ свободы

Мятежной младостью утраченные годы

И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Вотъ здѣсь-то и сказывается другая заслуга Пушкина: стремясь усвоить себѣ просвѣщеніе вѣка, отражая въ поэзіи своей его идеи, общія всемъ европейскимъ странамъ, Пушкинъ былъ поэтъ европейскій. Онъ послѣ Россіи принадлежитъ Европѣ, и въ ней онъ не стоитъ особнякомъ: онъ по праву одинъ изъ той блестящей плеяды европейскихъ поэтовъ, которые были выразителями идей и чувствъ историческаго момента, называемаго переходомъ въ новѣйшее время. Изъ нихъ былъ старшій Байронъ; но онъ былъ только одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, когда Пушкинъ увидѣлъ свѣтъ. Пять мѣсяцевъ отдѣляютъ день рожденія Мицкевича отъ дня рожденія нашего поэта. Ровесникомъ обоихъ былъ и Гейне. Викторъ Гюго моложе ихъ года на три. Вотъ сверстники его, но эти сверстники были и братья по духу, которымъ дышала ихъ эпоха. Непохожи другъ на друга эти братья, и въ этомъ несходствѣ заключается оригинальность и самобытность каждого; они принадлежатъ несходнымъ націямъ, оставаясь каждый поэтомъ національнымъ;

они воспитались и жили при различныхъ условіяхъ,—все это правда, но есть между ними нѣчто общее, что ихъ роднитъ въ глазахъ потомства. Они не стоятъ, подобно своимъ предшественникамъ, на отвлеченно-космополитической почвѣ ложнаго классицизма XVIII вѣка. Каждый изъ нихъ является самостоятельнымъ творцомъ съ своей собственной манерой, а не подражателемъ чуждымъ образцамъ, подобно классикамъ минувшаго столѣтія. Они всѣ явились съ новымъ словомъ, и всѣхъ ихъ съ злобнымъ шипѣніемъ встрѣтили старыя литературныя школы, отживавшія свое время, и всѣ общественные слои, которые видѣли въ сохраненіи ихъ традицій спасеніе отъ всякихъ золъ. За то ихъ всѣхъ привѣтствовало съ восторгомъ, съ энтузіазмомъ все молодое, все живое, не скованное условными правилами школьной мудрости, не изуродованное пошлостью жизни. Они всѣ, наконецъ, явились выразителями новыхъ идей, и было же, значитъ, нѣчто такое и въ Байронѣ, напр., и въ Мицкевичѣ, что заставило Пушкина въ извѣстную пору жизни бредить первымъ и что влекло его къ личному общенію со вторымъ. Мрачный геній гордаго британскаго поэта, типическаго представителя англо-саксонской расы, привлекалъ Пушкина своимъ развитымъ индивидуализмомъ, своимъ стремленіемъ къ свободѣ личности отъ всѣхъ стѣсненій, налагаемыхъ жизнью, и намъ извѣстно, что у Пушкина была пора, когда онъ могъ говорить словами автора Донъ-Жуана:

Теперь однимъ желаньемъ я стою
Вести войну хоть на словахъ пока,
Бой противъ всѣхъ, кто нашу мысль стѣсняетъ.

Съ Мицкевичемъ равнымъ образомъ сближали Пушкина извѣстные идеалы, но эти идеалы были иного рода, болѣе свойственные мягкой, славянской натурѣ Мицкевича. Самъ Пушкинъ признается въ этомъ, такъ вспоминая время дружбы съ нимъ:

Мы жадно слушали поэта. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,

И пѣснями. (Онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

Но тѣ же идеи о свободѣ личности и братствѣ народовъ проводилъ и Гейне, и теперь еще ими одушевленъ старикъ В. Гюго, одинъ оставшійся въ живыхъ изъ всей нашей плеяды.

Да, въ началѣ нынѣшняго вѣка совершался важный литературный переворотъ во всѣхъ странахъ Европы, и Пушкинъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей этого переворота; условныя формы классической школы замѣнились живыми образами родной дѣйствительности, и дидактическія разсужденія на отвлеченныя темы—художественными отзывами на вѣчные, волнующіе душу вопросы и на задачи, поставленныя переживаемой эпохой. Послѣ этого переворота поэтъ и его читатели стояли уже на одной почвѣ, дышали однимъ воздухомъ; поэтъ жилъ теперь жизнью общества; онъ былъ теперь плотью отъ плоти и костью отъ костей его, и общество находило что-то свое въ его поэзи, свою мысль и свое чувство; они говорили на одномъ языкѣ; они должны были понимать другъ друга. Притомъ поэзія заговорила о чемъ-то новомъ, но такомъ, которое всякій человѣкъ находилъ уже существующимъ въ глубинѣ своей души. Впечатлѣніе было сильное: поэта слушали, за нимъ шли, ему поклонялись. Теперь такъ не умѣютъ поклоняться поэтамъ. Новая поэзія была первымъ голосомъ самосознанія въ области искусства, первую художественную проповѣдь благородныхъ, гуманныхъ, либеральныхъ идей вѣка. Тема была богатая, неисчерпаемая: ее уже давно разрабатывали философы и моралисты, политики и публицисты, но они разрабатывали ее отвлеченно, строя свои системы, составляя кодексы, сочиняя разные проекты, проводя ее въ своихъ памфлетахъ. Велика была эта работа мысли, работа, ставившая личный разумъ верховнымъ критеріемъ истины, работа, искавшая основъ морали не въ правилахъ, предписан-

ныхъ извнѣ, а въ природѣ самой нравственной личности, работа, противопоставлявшая права отдѣльнаго человѣка правамъ государства, общества, традиціи, работа, подготовившая протестъ противъ всякаго рабства и идеальное стремленіе къ лучшему порядку на землѣ. Теперь за тему взялась поэзія и создала цѣлый міръ представленій, въ которыхъ идея воплощалась въ формѣ художественныхъ образовъ. Эпосъ и драма полны были героями, которые держатъ высоко знамя своего я въ борьбѣ со всѣмъ, чѣмъ стѣснено это я, что стоитъ поперекъ его пути, а лирика нерѣдко служила выраженіемъ стремленія ко всему возвышенному, разумному, свободному, да и не въ одной сатирѣ умѣла эта поэзія задѣть отрицательную сторону жизни. Чуткое сердце человѣка узнавало вездѣ, во всякой формѣ, подъ всякимъ видомъ освободительную мысль, даже когда она доходила до мрачной односторонности одинокаго байроновскаго отчаянія, даже когда на нее надѣвала уродливую маску растрепанная муза Виктора Гюго, даже, наконецъ, когда причудливый Гейне выворачивалъ ее совсѣмъ наизнанку, чтобы посмѣяться надъ удивленнымъ читателемъ, не ожидавшимъ такого фокуса. Этой освободительной тенденціи нельзя было не проникнуть въ поэзію начала XIX вѣка: ее завѣщало пушкинскимъ современникамъ все литературное развитіе великаго XVIII вѣка: вѣдь и Пушкинъ росъ на почвѣ его традиціи, читая въ раннемъ возрастѣ Вольтера, Руссо, Гельвеція, потомъ увлекаясь музой Шенье—школьные товарищи не даромъ же называли его французомъ. Но все громадное значеніе французской литературы XVIII вѣка заключается именно въ ея освободительномъ, просвѣтительномъ, преобразовательномъ направленіи: она была протестомъ противъ созданныхъ исторіей уродливостей жизни и проповѣдью лучшаго общественнаго строя, какъ современная ей нѣмецкая литература протестомъ противъ пошлой прозы будничнаго прозябанія и проповѣдью поэтическихъ идеаловъ: вѣдь и все значеніе Байрона въ томъ, что онъ былъ олицетвореніемъ этихъ двухъ протестовъ.

Мы долго не понимали однако того, что дѣлалось на Западѣ, хотя съ Петра мы были постоянно въ общеніи

съ нимъ: мы заимствовали оттуда всю нашу старую поэтику и подражали чуть не всѣмъ европейскимъ писателямъ, но понимать мы часто ихъ не понимали. Какъ близорукъ былъ, напр., Сумароковъ, можно видѣть изъ того, что онъ серьезно воображалъ себя русскимъ Вольтеромъ. Западныя литераторы для нашихъ въ XVIII вѣкѣ были учителя, наши смотрѣли на себя, какъ на учениковъ, обязанныхъ слѣпо повиноваться ихъ предписаніямъ. Само собою разумѣется, что они не могли понимать своихъ учителей какъ слѣдуетъ: ни по умственному, ни по общественному развитію русскіе люди того времени не доросли еще до правильнаго ихъ пониманія, такъ что Сумароковъ въ дѣятельности Вольтера цѣнилъ выше всего то, что менѣе всего имѣло цѣны. Иначе и быть не могло. Чтобы изъ учениковъ превратиться въ младшихъ братьевъ, не подражающихъ старшимъ, а въ силу естественной необходимости повторяющихъ уже ранѣе пережитое старшими, наши писатели должны были имѣть вокругъ себя иное общество. Такое общество стало складываться у насъ къ тому только времени, когда Пушкинъ выступилъ на свое поэтическое поприще: сближеніе съ Европой дѣлало свое дѣло, и мы, усвоивъ формы, начинали осваиваться и съ ихъ содержаніемъ; преобразовательная дѣятельность Александра, патриотическая борьба съ Наполеономъ въ союзѣ съ другими народами Европы, надежда на то, что Россія, освободивши себя и Европу отъ деспотизма Наполеона, начнетъ свое внутреннее перерожденіе на началахъ либеральныхъ идей вѣка, долговременное пребываніе нашихъ войскъ за границей,—все это двинуло русское общество сильно впередъ. Въ немъ началась работа мысли въ новомъ направленіи, именно въ томъ, въ какомъ работала новая Европа. Началась разработка общественныхъ вопросовъ. Изъ этого общества и вышелъ Пушкинъ. Онъ уже не могъ быть подражателемъ, ибо подражательная литература—удѣлъ обществъ, погруженныхъ въ глубокой сонъ. Гдѣ движется общественная жизнь, тамъ она, а не чужіе образцы для подражанія возбуждаютъ поэта къ дѣятельности, и она же доставляетъ ему матеріалъ, такъ что пора заимствованій уже должна пройти. Такая жизнь втягиваетъ въ себя

поэта: онъ не можетъ сторониться отъ нея, обходить живую дѣйствительность, не можетъ смотрѣть на себя иначе, какъ на общественнаго дѣятеля: для Байрона, напр., это безусловно вѣрно; онъ доказалъ это и въ Италіи, гдѣ дружилъ съ патріотами, и въ Греціи, за свободу которой поѣхалъ драться съ оружіемъ въ рукахъ; для общественной дѣятельности Пушкина не было подходящей арены, тѣмъ не менѣе для него задача поэзіи была не въ развлеченіи празднои скуки, не въ томъ, чтобъ быть „какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“: онъ видѣлъ въ ней органъ для голоса общественной совѣсти. Поэтъ въ его глазахъ былъ тотъ пророкъ, которому Богъ далъ заповѣдь такую:

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей...

Признаніемъ этого открывается новый періодъ въ исторіи нашей литературы, періодъ все большаго и большаго сближенія ея съ жизнью. Поэзія русская до Пушкина.... Но пусть лучше скажетъ намъ Бѣлинскій, чѣмъ она была, тѣмъ болѣе, что, говоря о нашемъ великомъ поэтѣ, было бы грѣшно ни разу не упомянуть о великомъ критикѣ, лучшемъ до сихъ поръ истолкователѣ поэзіи Пушкина. „Поэзія русская до Пушкина была отголоскомъ, выраженіемъ младенчества русскаго общества. И потому это была поэзія до наивности невинная: она гремѣла одами на иллюминаціи, писала нѣжные стишки къ милымъ и была совершенно счастлива этими идиллическими занятіями. Дѣйствительностью ея была мечта, а потому ея дѣйствительность была самая аркадская, въ которой невинное бляеніе барашковъ, воркованье голубковъ, поцѣлуи пастушковъ и пастушекъ и сладкія слезы чувствительныхъ душъ прерывались только не менѣе невинными возгласами: „пою“ или: „о ты, священна добродѣтель!“ и т. д. Даже романтизмъ того времени былъ такъ наивно-невиненъ, что искалъ эффектовъ на кладбищахъ и пересказывалъ съ восторгомъ старья бабы сказки

о мертвецахъ, оборотняхъ, вѣдмахъ, колдуньяхъ, о дѣвѣ, за ропоть на судьбу заживо увезенной мертвымъ женихомъ въ могилу, и тому подобные невинные пустяки. Въ трагедіи тогдашняя поэзія очень пристойно выплясывала чинный менуэтъ, дѣлая изъ Донского какого-то крикуна въ римской тогѣ. Въ комедіи она преслѣдовала именно тѣ пороки и недостатки общества, которыхъ въ обществѣ не было, и не дотрогивалась именно до тѣхъ, которыми оно было полно,—такъ что комедіи Фонъ-Визина являются въ этомъ отношеніи какими-то исключеніями изъ общаго правила. Въ сатирѣ тогдашняя поэзія нападала скорѣе на пороки древнегреческаго и римскаго или старо-французскаго общества, чѣмъ русскаго“. (Бѣлинскій, VIII, стр. 443; изд. 3).

Какъ не похожа наша современная литература на это изображеніе, и начало этого несходства было положено именно Пушкинымъ. Невинная наивность исчезла изъ нашей поэзіи, какъ исчезаетъ она у ребенка при переходѣ его въ тотъ возрастъ, когда начинаетъ дѣйствовать мысль. Вотъ почему Пушкинъ, жившій въ эту переходную пору нашей общественности, могъ пріобрѣсти такое значеніе въ нашей исторіи: мы догнали нѣмного Европу, и нашъ поэтъ изъ знакомства съ ея литературой вынесъ не желаніе подражать тому или другому писателю, а стремленіе творить въ ея духѣ, не обезличивая себя и не отрекаясь отъ своей національности. Онъ такъ-же самостоятельно отнесся къ своимъ предшественникамъ въ родной и иностранной литературѣ, какъ Байронъ, Мицкевичъ, В. Гюго и Гейне, и въ томъ же личномъ вдохновеніи, озаренномъ просвѣщеніемъ вѣка, находилъ, какъ и они, лучшіе перлы своей поэзіи. До Пушкина мы либо подражали, либо переводили; иностранцы переводили изрѣдка кое-что и изъ нашей литературы, но больше ради курьеза. Серьезно же насъ стали переводить съ Пушкина. Что это значитъ, какъ не то, что Пушкинъ былъ первый русскій писатель, заинтересовавшій западъ настолько, что люди, принадлежащіе разнымъ національностямъ, стали читать его какъ своего писателя? Но это было возможно только при одномъ условіи, именно при

соединеніи самобытности и національности поэта съ отраженіемъ въ его произведеніяхъ европейской мысли. Такъ это и было. Пушкинъ, дѣйствительно, поэтъ европейскій, родной каждому образованному человѣку; у него люди разныхъ націй найдутъ выраженіе тѣхъ же идей, которыя высказывали и ихъ поэты. Какъ Петръ Великій, преобразовавъ Россію внутри, въ тоже время вдвинулъ ее въ европейское общество, такъ и Пушкинъ своей поэтической реформой приобщилъ нашу литературу къ обще-европейской. Давно уже было прорублено Петромъ окно въ Европу, но долго мы передавали черезъ него чужимъ народамъ только произведенія рукъ своихъ, произведенія своей мысли мы оставляли для домашняго обихода: могучее слово Пушкина первое понесло черезъ это окно въ Европу продукты нашего ума. Можно-ли, слѣдовательно, удивляться участію иностранцевъ въ русскомъ національномъ праздникѣ, въ чтеніи памяти поэта, который одновременно и въ одномъ духѣ съ ихъ родными поэтами подымалъ голосъ за побѣду истины надъ ложью, добра надъ зломъ, свѣта надъ тьмою и умѣлъ говорить такимъ властительнымъ языкомъ:

Да здравствуютъ музы! Да здравствуетъ разумъ!

Ты, солнце святое, гори!

Какъ эта лампада блѣднѣетъ

Предъ яснымъ восходомъ зари,—

Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ

Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума!

Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!

Н. Карѣевъ.

КЪ ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПОДЛЕЖАЩАГО ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ.

Учитель Корочанской Александровской Прогимназіи (Курской губерніи) А. А. Дмитревскій напечаталъ въ *Филологическихъ Запискахъ* двѣ статьи о составѣ предложенія *), а вслѣдъ за тѣмъ началъ тамъ же помѣщать „Опытъ учебника русскаго синтаксиса“. Обѣ предшествовавшія этому статьи доставлены авторомъ, въ видѣ особыхъ оттисковъ, во Второе отдѣленіе Академіи Наукъ съ просьбой рассмотреть ихъ и дать о мысляхъ г. Дмитревскаго свой отзывъ.

Нельзя не радоваться, когда преподаватели отечественнаго языка, не довольствуясь старою рутиной, подвергаютъ серьёзной повѣркѣ установившіеся взгляды, и результаты такого пересмотра излагаютъ въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ. Поэтому мы съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили трудъ г. Дмитревскаго и охотно приняли на себя исполненіе его желанія. Къ сожалѣнію, однако, мы должны тутъ же прибавить, что удовольствію, съ какимъ мы приступили къ чтенію его брошюръ, нѣсколько повредила излишняя увѣренность автора. Особенно поразила насъ въ этомъ отношеніи вторая статья, составляющая отвѣтъ на основательныя замѣчанія г. Миловидова, напечатанныя въ томъ же изданіи по поводу первой статьи.

Въ чемъ же заключаются новыя мысли, проводимыя г. Дмитревскимъ съ такою настойчивастью? Съ одной стороны, онъ присоединяется къ тѣмъ педагогамъ, которые, будучи сбиты съ толку неудачнымъ опредѣленіемъ подлежащаго („то, о чемъ говорится“), считаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможнымъ принимать за него имя сущ. въ косвенныхъ

*) «Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ» въ 1878 году и «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго» въ 1879.

падежахъ; съ другой, встрѣчая въ рѣчи множество безличныхъ предложеній, изъ которыхъ иные даже не носятъ на себѣ никакого признака подлежащаго (напр. нельзя, пошелъ, угостили), г. Дмитревскій пришелъ къ убѣжденію, что подлежащее не можетъ считаться однимъ изъ главныхъ членовъ предложенія, а должно быть низведено въ разрядъ второстепенныхъ, и именно *дополненій*. Это, по мнѣнію автора брошюръ,—главное дополненіе сказуемаго, но не болѣе. Въ подтвержденіе своей мысли, желая всячески унизить роль подлежащаго, онъ старается какъ можно выше поставить безличное предложеніе, входитъ въ весьма произвольныя толкованія о постепенномъ развитіи человѣческой рѣчи и между прочимъ оспариваетъ неопровержимое замѣчаніе г. Буслаева, что такъ называемый безличный глаголъ имѣетъ грамматическое подлежащее либо въ своемъ личномъ окончаніи (темнѣетъ, смеркается), либо, какъ въ другихъ языкахъ,—въ неопредѣленномъ мѣстоименіи (*il pleut, man sagt*). Г. Дмитревскій не признаетъ существеннымъ даже того возраженія, что каждый глаголъ въ личной формѣ уже самъ по себѣ заключаетъ или соединяетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ сказуемымъ, и подлежащее, такъ какъ личныя окончанія первоначально были мѣстоименіями. Чтобы опрокинуть эту неоспоримую истину, онъ прибѣгаетъ къ странному предположенію, что мѣстоименные суффиксы глагола присоединились къ нему не въ прямой, а въ косвенной формѣ, т. е., что напр. въ формѣ: ѣмъ или дамъ окончаніе *м* означаетъ не *я*, а *мнѣ* или *меня*!

Для každого, кто посмотритъ на дѣло безъ предубѣжденія, совершенно ясно, что не только когда въ безличномъ предложеніи сказуемое выражено своею главною формою—глаголомъ, но и тогда, когда выразителемъ его служитъ прилагательное въ среднемъ родѣ, напр. *должно, тепло, холодно*, самое окончаніе формы этого сказуемаго уже указываетъ на какой-то предполагаемый въ умѣ, хотя и не высказываемый, и даже опредѣленно не мыслимый, субъектъ. Когда мы говоримъ: *свѣтаетъ, морозило*, то въ сущности логическимъ субъектомъ служатъ предметныя понятія *свѣтъ, морозъ*, которыя, будучи представляемы дѣятелями, получили

въ языкѣ форму глаголовъ *); грамматическими же субъектами такихъ сказуемыхъ служить то нѣчто, которое выражается въ окончаніяхъ безличныхъ глаголовъ. Важныя недоразумѣнія въ наблюденіяхъ надъ языкомъ происходятъ отъ смѣшенія логическихъ началъ съ грамматическими. По логическому смыслу предложенія, понятіе, выраженное подлежащимъ, можетъ дѣйствительно гораздо менѣе значить нежели то, которое заключается наприм. въ косвенномъ дополненіи, но грамматика имѣетъ свои законы и требованія. Г. Дмитревскій самъ сознаетъ разницу обѣихъ точекъ зрѣнія **), и однакожь онъ между прочимъ такъ рассуждаетъ: „Скажетъ ли г. Миловидовъ, что въ предложеніяхъ: *собака лаетъ на вора, птица летитъ отъ охотника, ученики шумятъ безъ учителя*, собака, птица, ученики есть единственные виновники, творцы дѣйствія сказуемаго и что это дѣйствіе явилось благодаря единственно желанію первой полаять, второй полетать, третьихъ пошумѣть? И воръ вѣдь не меньше, если не больше собаки, виновникъ лая; охотникъ, а не одно желаніе птицы, причина ея полета; не хорошо, что шумятъ ученики, да и учитель не безвиновенъ если оставилъ учениковъ однихъ“ и т. д. Не очевидно ли изъ этого примѣра, что авторъ смѣшиваетъ житейскія условія и логическія отношенія съ грамматическими?

Когда безличное сказуемое заключается въ словѣ, не представляющемъ никакихъ признаковъ подлежащаго, напр. *нелзя, пора*, то понятно, что тутъ опущенъ глаголь *есть*, который необходимо является въ прошедшемъ и будущемъ времени (было, будетъ). Такого опущенія не допускаетъ г. Дмитревскій и вообще, когда сказуемымъ служить имя безъ глагола: по его мнѣнію, имя въ такомъ случаѣ получаетъ „вербальную форму или спрягаемость и само въ себѣ заключаетъ уже признакъ настоящаго времени“. Ему не при-

*) Это всего яснѣе изъ сравненія такихъ безличныхъ глаголовъ, какъ *il pleut, il neige, es regnet, es schneit*, съ русскими выраженіями: дождь идетъ, снѣгъ идетъ.

**) См. его статью «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго», стр. 6—9.

ходить на мысль, что еслибъ имя само въ себѣ вмѣщало понятіе настоящаго, то оно не могло бы уже терпѣть при себѣ глагола ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ времени. Можно ли, не грѣша противъ здраваго смысла, отрицать, что когда мы говоримъ напр. *земля планета*, то мы въ умѣ своемъ соединяемъ эти два понятія не высказываемымъ утвержденіемъ *есть*? По мнѣнію г. Дмитревскаго, выраженія: *земля планета* и *земля есть планета* не однозначны: любопытно было бы услышать, въ чемъ же собственно заключается полагаемая между ними разница? Возставая противъ рутинныхъ объясненій, авторъ не замѣчаетъ, что самъ подчиняется предубѣжденію, которое съ недавняго времени стало распространяться въ преподаваніи русскаго языка, именно взгляду, будто никакого способа выраженія нельзя объяснить подразумеваемыми словами. Конечно, нельзя утверждать, будто для пополненія того или другого идиотизма необходимо подставить именно такое-то слово, но неоспоримо, что въ русскомъ предложеніи очень часто встрѣчается недосказанная мысль. Вслѣдствіе разныхъ особенностей языка, а также и по самому характеру русскаго ума, наша народная рѣчь особенно богата эллиптическими оборотами. Примѣровъ можно найти множество въ пословицахъ, въ басняхъ Крылова, въ комедіяхъ Островскаго и проч.

Одно изъ главныхъ основаній для признанія подлежащаго дополненіемъ г. Дмитревскій видитъ въ томъ, что именительный падежъ, наравнѣ съ другими падежами, принадлежитъ къ склоненію, слѣдовательно онъ, будто бы и въ синтаксическомъ отношеніи, однороденъ съ ними. До какого абсурда такой взглядъ доводитъ наконецъ автора, становится всего виднѣе въ его опытѣ синтаксиса, гдѣ отношеніе сказуемаго къ подлежащему оказывается вмѣстѣ и управленіемъ и согласованіемъ. Въ параграфѣ озаглавленномъ: *Управленіе словъ*, говорится, что подлежащимъ управляетъ сказуемое, а въ слѣдующемъ за тѣмъ параграфѣ о *согласованіи* замѣчено: „Подлежащее, находясь подъ управленіемъ сказуемаго, часто и само оказываетъ на него вліяніе, выражающееся въ согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ“.

Такимъ образомъ выходитъ, что сказуемое и управляетъ подлежащимъ, и согласуется съ нимъ: именительный падежъ причисленъ къ управляемымъ.

Къ утверженію г. Дмитревскаго въ его взглядѣ на подлежащее способствовало наблюденіе, что когда оно выражено не словомъ, а цѣлымъ предложеніемъ, то это предложеніе безспорно (?) признается дополнительнымъ. Напр. въ стихъ Крылова:

„Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ“, второе предложеніе считается дополнительнымъ; оно отвѣчаетъ на вопросъ: что извѣстно? и замѣняетъ именительный падежъ, въ которомъ могло бы стоять существительное *диковинность* или *рѣдкость* (слоновъ). Слѣдовательно и это существ. имя, или простое подлежащее не что иное, какъ дополненіе сказуемаго.

Повидимому, выводъ получился совершенно правильный, но дѣло въ томъ, что какъ скоро подлежащее замѣнено предложеніемъ, то это послѣднее не можетъ быть соединено съ другимъ (сказуемымъ) иначе, какъ посредствомъ союза, въ настоящемъ случаѣ союза *что*, и вотъ причина, почему подлежащее обратилось въ придаточное предложеніе; но это предложеніе служитъ не дополненіемъ сказуемому *извѣстно*, а опредѣленіемъ или поясненіемъ, развитіемъ подразумеваемаго подлежащаго заключающагося въ указательномъ мѣстоименіи *то*. Здѣсь имѣется случай, очень близкій къ тому, который самъ г. Дмитревскій приводитъ въ доказательство, что сказуемое, какъ слово, не можетъ быть замѣняемо придаточнымъ сказуемымъ предложеніемъ. Именно, тутъ онъ опирается на слова г. Буслаева: „Въ предложеніи: *Истинно благотворительный человекъ есть тотъ, который дѣлаетъ добро не изъ тщеславія*, придаточное служитъ опредѣленіемъ не цѣлому сказуемому *есть тотъ* и не глаголу *есть*, а подразумеваемому слову *человекъ* при опредѣлительномъ *тотъ*, т. е. тотъ человекъ, который и т. д.“ Такимъ же образомъ и придаточное предложеніе, которое становится на мѣсто подлежащаго, служитъ, по крайней мѣрѣ иногда, опредѣленіемъ опущеннаго, или и прямо выраженнаго подлежащаго *то*. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ осо-

бенной категоріей придаточнаго предложенія, на которую въ нашемъ синтаксисѣ еще не было обращено достаточнаго вниманія, но которая требовала бы подробнаго изслѣдованія. Когда мы говоримъ: „До какой степени это важно, видно изъ того, что оно стало извѣстно“, или: „Желательно, чтобъ онъ пришелъ“, или: „Что онъ боленъ, это доказывается его отсутствіемъ“, неужели подчеркнутыя предложенія суть дополненія сказуемыхъ: видно, желательно, доказывается? Нѣтъ, эти предложенія служатъ опредѣлительными, а иногда, можетъ быть, и дополнительными или обстоятельными словами подлежащаго *то* или *это*, высказаннаго или подразумѣваемаго, точно такъ же какъ въ первомъ примѣрѣ выраженіе: „что оно стало извѣстно“ составляетъ опредѣленіе слова *того*. Это опредѣленіе, присоединяемое къ опредѣляемому посредствомъ союза *что*, конечно не подходитъ подъ тѣ виды опредѣленія, которыми до сихъ поръ ограничивалось понятіе этого члена предложенія, но едвали можно во многихъ случаяхъ подвести такое поясненіе указательнаго мѣстоименія подъ какую-либо другую категорію. Мы приходимъ къ заключенію, что когда подлежащее состоитъ изъ цѣлаго предложенія, то въ синтаксическомъ разборѣ и надобно говорить о немъ какъ о *подлежащемъ, выраженномъ въ формѣ придаточнаго предложенія такого-то*.

Сказаннаго повидимому достаточно, чтобы убѣдить всякаго въ несостоятельности теоріи, которую г. Дмитревскій думаетъ вытѣснить утвержденное вѣками пониманіе подлежащаго. Очень жаль, что нѣкоторыя дѣльные замѣчанія, разбѣянные въ его статьяхъ, заслоняются такимъ крупнымъ парадоксомъ, который неминуемо подрываетъ довѣріе ко всему его труду.

Я. Гротъ.

ОБЪ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Языкъ русскій.

57. Общія историческія соображенія и отзывы о русскомъ языкѣ появляются довольно рано ¹⁵⁵), но собственные изслѣдованія начинаются не ранѣе сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, пожалуй даже позднѣе... Всмотриваясь пристальнѣе въ движеніе русской филологіи, нельзя не видѣть, что и въ отношеніи историческаго изученія русскаго языка — первый шагъ или починъ былъ сдѣланъ Востоковымъ; но не его „Русскою Грамматикою“ ¹⁵⁶), а извѣстнымъ уже намъ „Разсужденіемъ о Славянскомъ языкѣ“, которое можетъ быть разсматриваемо, какъ образецъ приложенія историческаго метода къ объясненію стараго языка и его явленій.

жн 19764.

Казалось бы, что послѣ того, какъ Востоковъ на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ — установилъ періоды исторіи церковно-славянскаго языка и показалъ, что явленія его должны быть изучаемы не иначе, какъ въ ихъ историческомъ измѣненіи, начиная съ старѣйшихъ, болѣе правильныхъ формъ, сохранившихся въ древнѣйшихъ памятникахъ, и постепенно идя къ позднѣйшимъ, — казалось бы, говорю, этотъ истинно научный методъ найдетъ немедленное дальнѣйшее примѣненіе и усердныхъ продолжателей..., случилось иначе: прошли цѣлыя десятки лѣтъ, прежде чѣмъ онъ былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству. Не только практическіе грамматисты, но и лица, бравшіяся за ученое изслѣдованіе отечественнаго языка — оставались или вовсе чужды историческаго метода, или отвѣчали его требованіямъ случайно. Въ послѣднимъ принадлежатъ такіе труды, какъ „Словарь Церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ“ ¹⁵⁷) и знаменитыя

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

- 0578666 -

въ свое время (нынѣ, впрочемъ, несправедливо забытыя) „Филологическія Наблюденія надъ составомъ русскаго языка“ о. пр. Павскаго¹⁵⁸⁾.

¹⁵⁵⁾ Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя, болѣе замѣчательныя: С. Бандтке: „Замѣчанія о языкахъ богемскомъ, польскомъ и нынѣшнемъ Россійскимъ“, переводъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1815, № 21 и 22, с. 23—35, 118—124; К. Калайдовича: „О бѣлорусскомъ нарѣчій“ въ Сбор. „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества любит. Россійской Словесности“, 1822, ч. I, кн. I, с. 67—80; О. М. Бодянскаго: „Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ Сѣверныхъ и Южныхъ Руссовъ“ въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1835, № 3, 472—491.

¹⁵⁶⁾ „Русская грамматика А. Востокова: по начертанію сокращенной грамматики полнѣе изложенная, Спб. 1831, 8°, XXIV+408 стр. Было нѣсколько изданій.

¹⁵⁷⁾ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, Спб. 1847, 4°, т. I—XXII+415; т. 2 с. 471; т. 3;—стр. 589; т. 4, с. 487; второе изданіе (безъ перемѣнъ), Спб. 1867—8, 8°. Превосходная рецен. этого Словаря написана И. И. Срезневскимъ въ Журналѣ Минис Нар. Просв, 1848. № 3, с. 167—188; № 6, с. 217—251; № 12, с. 161—181. Здѣсь дано мѣсто и оцѣнкѣ иныхъ Словарей, какъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, такъ и русскаго языка.

¹⁵⁸⁾ Было два изданія: въ 1841—2, Спб въ трехъ книгахъ и въ 1850, Спб. въ четырехъ

РДБ
201
186

книгахъ. Изъ рецензій вниманія заслуживаютъ двѣ: пр. Буслаява, въ Отечеств. Зап. 1852, № 4, стр. 49—76 и № 5, с. 21—48 и С. Лебедева, въ Современникъ 1851, № 8, с. 25—44. Рец. Надеждина, пом. въ „Отеч. Запискахъ“, 1844, № 6, с. 33—48 и № 8, с. 17—32—стоитъ не на исторической почвѣ; о рецензій И. Давыдова, Москвитянинъ 1843 ч. I, с. 521 sq. II, с. 195 sq; III, с. 178 sq.—можно сказать: „охота смертная, да участь горькая“.. Весьма важны замѣчанія на нѣкоторыя стороны труда Павскаго, сдѣланныя О. Бётлингомъ, въ его: „Beiträge zur russischen Grammatik, помѣщ. въ Mélanges russes“, т. II. Spb. 1854, с. 26—104: по русски въ Запискахъ Академіи Наукъ по I и 3-му отд. Спб. 1853, т. I, с. 58—124.

58. Изъ этого времени, однако—заслуживаютъ полнаго вниманія попытки Максимовича ¹⁵⁹⁾ и Надеждина ¹⁶⁰⁾, пытавшихся установить на основаніи данныхъ отношенія языка русскаго къ прочимъ славянскимъ. Въ статьѣ Надеждина, писанной по поводу выхода въ свѣтъ Копитарова „Русскаго глоссатора къ Гесихію“ ¹⁶¹⁾. и вполне известной понынѣ только въ нѣмецкомъ текстѣ—весьма замѣчательна попытка привести въ связь историческое движеніе народа съ постепеннымъ развитіемъ книжнаго языка. Исправленіе церковныхъ книгъ было, по мнѣнію Надеждина—ничѣмъ инымъ, какъ борьбой между книжнымъ церковнымъ языкомъ и русскою народною рѣчью, которая брала и взяла перевѣсъ надъ старинными формами.

¹⁵⁹⁾ Первоначально въ Журн. Мин. Нар. Пров. 1838, № 3, стр. 531 sq. и отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Историко-критическое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ“. Спб. 1838; потомъ въ Ис-

торіи древней русской Словесности, Кіевъ, 1839, кн. I, с. 96—207; см. Собраніе сочиненій т. III, Кіевъ 1880, стр. 3—84 и 398—461.

¹⁶⁰⁾ Первоначально въ „Энциклопедич. Лексиконѣ“, изд. Плюшаромъ, т. IX, ст. „Великая Россія“, с. 273—6; потомъ въ „Jahrbücher der Literatur“ 1841, томъ 95, стр. 181—240. Часть сей статьи въ переводѣ въ Жур. Минист. Нар. Пр. 1857, № 2, с. 302—14.

¹⁶¹⁾ В. Коритар: *Hesyhii Glossographi discipulus et epiglossistes Rusus*, Vind. 1840. Статья въ *Jahrbücher d. Liter.* есть именно рецензія сего изданія.

59. Историческое изученіе русскаго языка началось у насъ подъ вліяніемъ „Нѣмецкой Грамматики“ Як. Гримма, произведенія основавшаго историческое языкознаніе. Впервые это изученіе въ скромныхъ размѣрахъ проявилось у насъ въ замѣчательной по своему времени книгѣ Ѳ. И. Буслаева: „О преподаваніи отечественнаго языка“ ¹⁶²⁾, которой вся 2-ая часть посвящена разсмотрѣнію данныхъ исторіи русскаго языка или вѣрнѣе—исторической грамматики и стилистики его. Во многихъ частяхъ книга полезна и поучительна еще и теперь, Въ отношеніи стилистики она представляетъ богатый подборъ фактовъ, извлеченныхъ изъ извѣстныхъ въ то время памятниковъ нашей древней словесности, причемъ многое, темное и загадочное, въ послѣднихъ получаетъ мѣткое объясненіе. Образцовый трудъ г. Каткова: „объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ ¹⁶³⁾, хотя въ точномъ смыслѣ и принадлежитъ болѣе къ области сравнительнаго языковѣдѣнія, чѣмъ историческаго, но своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ историческимъ даннымъ—занимаетъ очень видное мѣсто и въ послѣднемъ. Оригинальное явленіе въ исторіи русскаго историческаго языкознанія представляетъ трудъ Константина Ак-

сакова: „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“¹⁶⁴). Здѣсь сдѣланъ довольно подробный разборъ данныхъ языка, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ и оканчивая XVII вѣкомъ, съ цѣлью установить и объяснить отношенія между народнымъ языкомъ и церковнославянскимъ .. Опредѣляя свою задачу изслѣдованіемъ стилистической стороны предмета, Аксаковъ не входитъ въ анализъ историческихъ измѣненій въ звукахъ, формахъ и синтаксисѣ: онъ довольствуется общими философскими разсужденіями о формахъ древне-русскаго языка, разсужденіями праздными и для науки непригодными.

¹⁶²) Первое полнѣйшее и лучшее изданіе въ Москвѣ, 1844, 8⁰, ч. I, с. V+335; II, с. III+375; второе изданіе, безъ нужды ископленное авторомъ—въ одномъ томѣ, Ibid. 1867, стр. 472.

¹⁶³) Москва 1845, 8⁰, с. 257.

¹⁶⁴) Москва, 1846, 8⁰, стр. 517 и 4 неп. второе изданіе, въ Полн. Собраніи сочиненій К. С. Аксакова, т. II, М. 1875, стр. 25—388.

60. Въ 1848 году появился замѣчательный во многихъ отношеніяхъ трудъ М. А. Максимовича: „Начатки русской филологіи“, книга I,¹⁶⁵) заключающая въ себѣ изслѣдованія объ отношеніи русской рѣчи къ западно-славянскаго. Кромѣ „Введенія“, въ которомъ разсматриваются системы славянскихъ нарѣчій и степени сродства между ними, въ книгѣ мы находимъ изслѣдованіе о тк. изв. Полногласіи и критическій разборъ примѣтъ, которыя русскую рѣчь соединяють съ юго-западною. Книга Максимовича, заканчивая его прежнія изслѣдованія о предметѣ—только отчасти можетъ быть отнесена къ историческому языкознанію, такъ какъ она идетъ отъ современнаго состоянія языка и на немъ опирается; тѣмъ не менѣе она не должна быть забыта здѣсь: въ ней, говоря словами

Бодянского— всюду проглядывает наблюдательный ботаникъ-филологъ, подмѣчающій часто такія—по видимому, мелочи, которыя потомъ обращаются въ основу весьма важныхъ явленій.

Историческое вліяніе Польши на языкъ русскій послужило предметомъ особой монографіи г. С. Лебедева ¹⁶⁶). Рѣшеніе его любопытно, но едва ли оно было удовлетворительно даже и въ свое время: авторъ едва-ли былъ знакомъ съ научной разработкой предмета: изъ богатой польской литературы предмета ему извѣстно очень немного, почти что ничего. Кромѣ того—сочиненіе имѣетъ тенденціозный характеръ, написано на тему о полной умственной и литературной независимости Руси отъ Польши...

¹⁶⁵) Кіевъ, 1848, 8°, с. 211, и въ III т. „Собранія сочиненій, К. 1880, с. 25—155. Къ сожалѣнію вторая книга „Начатковъ“, содержащая въ себѣ изслѣдованія о звукахъ русской рѣчи—исчезла, пока, безслѣдно. Что она была написана и даже процензурована цензоромъ—намъ извѣстно изъ частнаго письма автора къ намъ.. Упоминаемая въ нѣкоторыхъ каталогахъ книга Максимовича: „Русская Рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою“ Кіевъ 1845—въ свѣтъ не была выпущена и вся (за вычетомъ вводной статьи „о значеніи и происхожденіи слова“) вошла въ „Начатки“.

¹⁶⁶) „Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и устройство училищъ въ Россіи. Спб. 1848, 8°, стр. 84.

61. Настоящее, строго методическое изученіе исторіи русскаго языка, начивается съ книги И. И. Срезневскаго: „Мысли объ исторіи русскаго языка“ ¹⁶⁷). Трудъ этотъ не имѣетъ характера подробнаго, спеціальнаго изслѣдованія предмета, а скорѣе представляетъ сжатое извлеченіе изъ

такого изслѣдованія, но извлеченіе, передающее не одни общіе выводы, а и выборъ изъ историческихъ данныхъ. Во вступленіи къ труду Срезневскій разсматриваетъ общіе законы историческаго движенія или развитія языка и примѣняетъ ихъ къ исторіи языка русскаго: насколько позволяли историческія и сравнительныя данныя авторъ обозначаетъ черты древняго первобытнаго русскаго народнаго языка въ его составѣ, строѣ и степени развитія формъ, преимущественно со стороны тѣхъ немногихъ отличій, которыми разнился древній народный русскій языкъ отъ старославянскаго (церковнаго). Время XIII—XIV вв. было — по мнѣнію Срезневскаго — какъ для народнаго русскаго языка, такъ и для нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій, временемъ рѣшительнаго перехода къ новому строю, выказавшему рѣзко все свои особенности въ XV—XVI в. Тогда же (т. е. XIII—XIV вв.) образовались мѣстныя отдѣльныя нарѣчія — Великорусское и Малорусское. Затѣмъ авторъ переходитъ къ исторіи языка книжнаго, показываетъ, что хотя онъ и отличался отъ народнаго всегда, но до XIV в. отличія одного отъ другаго заключались болѣе въ привычкахъ слога (мысль эта была въ первый разъ высказана еще г. Катковымъ), чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Рѣзкимъ образомъ книжный языкъ началъ отдѣляться отъ народнаго въ тоже время XIII—XIV в., когда народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XIV в. отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять... Въ заключеніе авторъ касается вопроса о соотношеніи исторіи русскаго языка съ исторіей русской литературы, но — къ великому сожалѣнію — очень кратко, почти исключительно со стороны ритма и слога. Книгу заключаютъ „дополнительныя Примѣчанія“ (с. 129—210), представляющія

весьма важный и любопытный разбор иностранных словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ и образцы переходнаго состоянія западныхъ славянскихъ нарѣчій и русскаго языка изъ памятниковъ XIII—XIV в. съ важными филологическими объясненіями или вѣрѣе—указаніями постепенныхъ отклоненій отъ древняго строя. Изслѣдованіе Срезневскаго стоитъ на положительной, твердой почвѣ историческихъ и сравнительныхъ данныхъ: первыя онъ заимствуетъ изъ памятниковъ книжнаго старо-славянскаго языка, переписанныхъ на Руси въ XI—XIV в., съ русскими отклоненіями изъ памятниковъ народнаго русскаго языка XII—XIV в., на которыхъ совсѣмъ, или почти совсѣмъ не налегло вліяніе книжное, и изъ данныхъ новаго народнаго языка въ его мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, сохранившихъ во многомъ черты глубокой древности, вторыя—онъ беретъ изъ памятниковъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, преимущественно чешскаго и сербскаго, какъ болѣе древнихъ... Уже изъ этого сжатаго обзорѣнія труда г. Срезневскаго можно видѣть важность его какъ для филологической науки, такъ и для науки исторіи русской литературы: имъ положены основанія собственной исторіи русскаго языка, столь тѣсно связанной съ исторіей письменности.

¹⁶⁷⁾ Сначала въ Актѣ Импер. С.-Петербургскаго Университета 1849 г.—безъ приложеній, потомъ отдѣльно, Спб. 1850, 8°, с. 210. Изъ рецензій, какъ на единственную, имѣющую ученый характеръ, можно указать на ст. профес. О. И. Буслаева въ Отечеств. Запискахъ 1850, № 10, стр. 13—58. Рецензія И. И. Давыдова (Отчеты 2-го Отд. Акад. А. 1852 г. с. 320—329) не стоитъ истертаго гроша.

62. Вліяніе „Мыслей“ Срезневскаго незамедлило сказаться въ наукѣ: дальнѣйшему развитію положеній, высказанныхъ въ этой книгѣ, былъ посвященъ трудъ П. А. Лав-

ровскаго „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“¹⁶⁸), въ которомъ, за историко-филологическимъ введеніемъ, посвященнымъ разсмотрѣнію вопроса о первоначальномъ единствѣ русскаго языка и позднѣйшемъ раздѣленіи его на два нарѣчія, — изслѣдуются отличительныя свойства его въ древнемъ его строѣ, равно принадлежація всѣмъ областямъ Государства Русскаго, затѣмъ — представляется характеристика стариннаго языка русскаго, образовавшагося послѣ забвенія древнихъ формъ изъ замѣны ихъ новыми, наконецъ — опредѣляются тѣ особенности языка русскихъ сѣверныхъ лѣтописей, которыя отличаютъ его, какъ нарѣчіе мѣстное. Трудъ г. Лавровскаго представляетъ превосходный дополнительный комментарий къ „Мыслямъ“ г. Срезневскаго; наиболѣе самостоятельная часть его касается синтаксическихъ особенностей древняго языка. Къ тому же роду изслѣдованій относятся и два другіе мемуара, П. А. Лавровскаго: „Замѣчанія объ особенности словообразованія и значенія словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ“¹⁶⁹) и „О русскомъ полногласіи“¹⁷⁰).

Странности языка „Договоровъ Русскихъ съ Греками“ уже давно обратили вниманіе ученыхъ; установилось убѣжденіе, что „Договоры“ переведены съ греческаго. Подробному филологическому доказательству сей темы посвященъ трудъ Н. А. Лавровскаго¹⁷¹). Онъ видитъ въ Договорахъ византійское вліяніе и во внѣшней формѣ, въ построеніи періодовъ и отдѣльныхъ предложеній, въ синтаксическихъ особенностяхъ, въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. Объ этомъ трудѣ г. Н. Лавровскаго мы еще разспроостранимся впоследствии. Въ 1855 г. проф. Буслаевъ издалъ рядъ филологическихъ характеристикъ нѣкоторыхъ рукописей синодальной бібліотеки, подъ заглавіемъ: „Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ Славянскихъ“¹⁷²), къ нимъ пр. Срезневскій прибавилъ нѣкоторыя дополненія¹⁷³).

¹⁶⁸⁾ Спб. 1852, 8^о, с. 160 и 2 неп. Рецензія (Корелкина) въ Отеч. Зап. 1843, № 2, с. 27—30.

¹⁶⁹⁾ Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. II, 1853, с. 273—291, и Историческія чтенія о языкѣ и словесности, Спб. 1854, с. 195—219.

¹⁷⁰⁾ Матерьялы для сравнительнаго словаря и грамматики, т. V, Спб. 1859, с. 191—240.

¹⁷¹⁾ „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками“. Спб. 1853, 8^о, с. 159.

¹⁷²⁾ Въ книгѣ: „Матерьялы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ“, изготвл. къ столѣтнему юбилею Московскаго Университета. М. 1855, in f^о с. 1—58.

¹⁷³⁾ „Матерьялы для сравнительнаго словаря и грамматики, т. III, Спб. 1856, с. 167—171.

63. 1856 г. появилась достопамятная „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ“ ¹⁷⁴⁾ М. П. Погодина, достопамятная не своими учеными достоинствами (ихъ въ ней почти нѣтъ), а тѣмъ, возбужденіемъ, которое она вызвала въ филологической литературѣ. Погодинъ утверждалъ тождество языка русскаго со старославянскимъ или происхождение перваго отъ послѣдняго, утверждалъ, что до татарскаго времени не существовало ни Малороссіянь, ни Малороссійскаго нарѣчія, что Великороссіяне — древнѣйшіе поселенцы полянской земли.... Указываемъ важнѣйшія статьи сюда относящіяся или вызванныя филологическими положеніями Записки Погодина:

а) М. А. Максимовича: „Филологическія письма“, въ Русской Бесѣдѣ 1856, кн. 3-я, стр. 78—139. Въ высокой степени интересная и содержательная статья. ¹⁷⁵⁾

б) М. П. Погодина: „Отвѣтъ на „филологическія

письма М. А. Максимовича“, въ Русской Бесѣдѣ 1856, кн. 4-я, с. 124—141.

в) М. А. Максимовича: „Отвѣтныя письма М. П. Погодину“, въ Русской Бесѣдѣ 1857, № 2, с. 80—104 ¹⁷⁶⁾.

г) М. П. Погодина: „Отвѣтъ на два послѣднія письма М. А. Максимовича“, въ Русской Бесѣдѣ 1857, № 3, с. 97—107.

д) П. А. Лавровскаго: „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщ. 1859, № 6, стр. 225—266. Изслѣдованіе очень важное, рассматривающее предметъ исторически.

е) П. А. Лавровскаго: „Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину о нарѣчіи Малорусскомъ“ въ журн. „Основа“ 1861, № 8, стр. 14—40.

ж) П. А. Лавровскаго: „По вопросу о Южно-Русскомъ языкѣ“ въ журн. „Основа“ 1861, кн. 11—12, стр. 72—83.

з) М. А. Максимовича: „Новыя письма къ М. П. Погодину „О старобытности малороссійскаго нарѣчія“ и въ газетѣ „День“ 1863, № 8, 10, 15, и 16 и отдѣльно М. 1863, in 16°, с. 70. ¹⁷⁷⁾ Необходимое дополненіе къ статьѣ „Филологическія письма“.

Сказать, что полемика о старобытности южно-русскаго языка—привела къ опредѣленному рѣшенію вопроса тѣмъ менѣе можно, что этого рѣшенія—нѣтъ и понынѣ, послѣ открытія новыхъ данныхъ, послѣ серьезныхъ изслѣдованій гг. Потебни, Житецкаго и др. но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и не занести ее въ лѣтописи русской исторической филологіи, хотя бы и потому, что чрезъ нее многіе частныя вопросы получили свое освѣщеніе, что она собрала матерьялъ по исторіи языка въ знатномъ количествѣ.

¹⁷⁴⁾ Въ „Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ“ т. V, Спб. 1856 стр. 70—92 и „Историче-

скія чтенія о языкѣ и Словесности“ Спб. 1857, с. 8—40; статья перепеч. также въ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи“ Погодина, т. VП, 1856, стр. 410—442.

¹⁷⁵⁾ См. также „Собраніе сочиненій“ М. Максимовича, т. III, К. 1880, стр. 183—243.

¹⁷⁶⁾ См. также Ibidem 247—272.

¹⁷⁷⁾ И въ „Собр. сочиненій“ т. III, 273—311.

64. Въ 1858 году появился „Опытъ исторической грамматики русскаго языка“ написан. проф. Буслевымъ ¹⁷⁸⁾. Каковы бы ни были недостатки этого труда, замѣченные въ свое время критикой—нельзя не усвоить ему не только важнаго значенія вообще, но и значенія труда, дѣлающаго своего рода эпоху, не замѣненнаго пока ничѣмъ лучшимъ, обильнаго матерьяломъ, тщательно извлеченнымъ изъ огромнаго количества памятниковъ, труда—вліяніе котораго чувствуется чуть ли ни въ каждомъ изслѣдованіи, посвященномъ русскому историческому языкознанію или касающемся его вопросовъ. Второй томъ, содержащій синтаксисъ—работа совершенно новая и самостоятельная, ибо авторъ на семь полѣ не имѣлъ предшественниковъ.

Объ „Исторической Хрестоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ“—того же автора—мы имѣли случай распространяться выше, на стр. 79

Весьма удачный опытъ приложенія филологической критики текста къ рѣшенію одного историко-литературнаго вопроса представляетъ мемуаръ П. С. Билярскаго: „Замѣчанія о языкѣ сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи“ ¹⁷⁹⁾. Разности словоупотребленія (= слога) въ обоихъ произведеніяхъ ведутъ къ заключенію, что авторы ихъ различны. Работа—небольшая, но отчетливая!

¹⁷⁸⁾ Москва, 1858, 8°, ч. I, с. XL+244; ч. II, с. 428. Второе (1863), третье и четвер-

тое, (М. 1875)—изданія вышли уже подъ заглавіемъ: „Историческая грамматика русскаго языка“, но безъ важнаго „Предисловія“ перваго изданія, заключающаго, въ себѣ библиографическій перечень пособій. Рецензій труда было очень много, но вниманія заслуживаютъ только слѣдующія: К. Аксакова, въ Русской Бесѣдѣ 1859, т. V и IV, а равно и въ его „Филологическихъ Сочиненіяхъ (2-й томъ Полн. Соб.) 1875, с. 439—650; П. А. Лавровскаго: „Записка о 2-мъ изданіи I части Исторической Грамматики Ѳ. И. Буслева Спб. 1865 г. с. 52, какъ 3-е „Приложеніе“ къ VIII т. „Записокъ Академіи Наукъ“; Майкова въ „Библиотекѣ для чтенія“ 1859, № 10, с. 1—48; № 11, с. 1—50; № 12, с. 1—68; Гатталы въ *Časopis'ě česk. Musea*, 1862 I, 84—89; II, 133—160 и IV, с. 323—344 и отдѣльно Р. 1862 стр. 56; а равно и въ статьѣ: „Výsledky historickéh o jazykozpytu a mluvnice ruská“, въ *Časop. česk. Mus.* 1864, sv. II, 187—212 и III, 227—249, и отдѣльно. Колосова: „Замѣтки о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ (по поводу 3-го изд. Историч. Грамматики Буслева и т. д. въ „Филологическихъ Запискахъ 1872, годъ XI, с. 1—29 и отдѣльно, Воронежъ. 1872, 8^о. с. 29.

¹⁷⁹⁾ Записки Академіи Наукъ 1862, т. II, стр 109—120.

65. Самыми важными трудами послѣдняго времени въ области историческаго русскаго языкознанія должно признать изслѣдованія проф. А. А. Потебни:

а) „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка: 1—о полногласіи и 2—о звуковыхъ особенностяхъ рус-

скихъ нарѣчій. Воронежъ 1866, с. 156, 8°.

б) „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій“. Воронежъ 1871, с. 134, 8°.

в) „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ Воронежъ 1876, с. VI+с. 243 и П т. Варш. 1880, с. 31+70+25.

г) „Изъ записокъ по русской грамматикѣ: I—Введеніе, Воронежъ 1874, с. 157; II—Составные члены предложія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Харьк. 1874, 8°, с. 538¹⁸⁰).

„Изслѣдованіе о полногласіи“ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ предшествующими трудами: оно не только значительно увеличиваетъ матерьялъ вопроса, расширяетъ и исправляетъ прежнія рѣшенія, но, опираясь на данныхъ сравнительнаго языкознанія, пытается объяснить, почему полногласіе овладѣло не всею запасомъ словъ, гдѣ могло бы повидимому появиться, а только частью его, почему оно не явилось въ такихъ, напримѣръ, словахъ, какъ слава, трава, дремать и т. д.

Статья „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ самостоятельнымъ путемъ рѣшаетъ важный вопросъ о ходѣ раздѣленія русскаго языка, времени этого явленія и характеристическихъ признакахъ нарѣчій по отношенію, впрочемъ, только къ звукамъ.

Дальнѣйшему развитію тѣхъ же вопросовъ посвящены и „Замѣтки“ и ст. „Къ Исторіи звуковъ“ (№ 6 и в). Послѣдній трудъ снова пересматриваетъ вопросъ о нарѣчійхъ въ древнемъ русскомъ языкѣ и „полногласіи“.

* „Записки по русской грамматикѣ“—имѣютъ особый для насъ интересъ во 2-й своей части. Такого стройнаго, методическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго историческимъ и сравнительнымъ матерьяломъ изслѣдованія надъ синтаксисомъ русскаго языка въ его древнемъ и новомъ видѣ—еще не было въ нашей филологической литературѣ.

¹⁸⁰) За вычетомъ послѣдняго тома, представляющаго отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ

Харьковскаго Университета“, въ предыдущіе —оттиски изъ „Филологическихъ Записокъ“, изд. г. Хованскимъ въ Воронежѣ 1864—76 гг., а П т. „Къ исторіи звуковъ“—оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ 1879. Оцѣнку сихъ трудовъ И. И. Срезневскимъ см. въ „Запискахъ Академіи Наукъ“ т. XXVII, Спб. 1876, с. 78—121.

66. Трудъ проф. М. А. Колосова: „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол.“ Варш. 1872, 8^о, с. 190—имѣетъ своею задачею опредѣлить особенности звуковъ и формъ русскаго языка изъ столѣтія въ столѣтіе, отъ первыхъ памятниковъ письменности до XVI в. Это — систематическій и надобно сказать —очень тщательно и добросовѣстно выполненный—сводъ данныхъ, находящихся въ памятникахъ, и лингвистическое объясненіе ихъ... Между прочимъ—авторъ имѣлъ въ виду и потребности филологической критики, желалъ дать возможность опредѣлять время памятниковъ письменности на основаніи филологическихъ признаковъ. Можно, конечно, и не находить вполне удобнымъ расчлененія языка памятниковъ по столѣтіямъ; правильнѣе было-бы—на нашъ взглядъ —періоды развитія языка (или измѣненій въ немъ) опредѣлять иными стадіями, чѣмъ столѣтіями, тѣмъ не менѣе, это обстоятельство нисколько не уменьшитъ важности данныхъ, собранныхъ г. Колосовымъ—для филологической критики текстовъ. Книга его въ этомъ отношеніи—доселѣ единственная. Нужно умѣть только пользоваться ею... Пользуясь ею не должно напр. забывать, что авторъ работалъ почти исключительно по печатнымъ матерьяламъ, стало быть во многихъ случаяхъ былъ въ зависимости отъ исправности изданія, отъ умѣнія издателей правильно прочесть и издать тексты. Что неправильности въ чтеніяхъ и изданіяхъ существуютъ—въ томъ, кажется—не можетъ быть сомнѣнія.

Какъ „дополненіе“ къ „Очерку исторіи звуковъ и формъ“ должно разсматривать изслѣдованіе того же автора подъ заглавіемъ: „Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка“, Варш. 1876, 8°, с. 43. Такими загадочными звуками въ исторіи русскаго языка пр. Колосовъ называетъ звукъ ы и ѣ. Изслѣдованіе имѣетъ полемическій характеръ, тонъ его не вездѣ отвѣчаетъ достоинству ученаго спора, но фактическія замѣчанія автора представляются основательными и заслуживающими полнаго вниманія, хотя авторъ и не приходитъ къ твердымъ положительнымъ, — а только къ вѣроятнымъ предположительнымъ заключеніямъ.

67. Обойденный пр. Колосовымъ вопросъ о времени раздѣленія русскаго языка на два главныя нарѣчія подвергнутъ былъ специально разсмотрѣнію г. П. Житецкимъ, хотя только съ одной стороны, со стороны — малорусскаго нарѣчія. Сочиненіе Житецкаго носитъ названіе: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, Кіевъ 1876, 8°, с. 376. Для рѣшенія вопросовъ о происхожденіи и сущности малорусскаго нарѣчія, г. Житецкій считаетъ необходимымъ итти путемъ исторіи: сначала онъ предлагаетъ теоретическую попытку разграничить древнерусскій языкъ отъ старославянскаго и обоихъ ихъ отъ нарѣчій велико-и малорусскаго. Это приводитъ его къ вопросу о праязыкѣ вообще, праязыкѣ славянскомъ, праязыкѣ русскомъ и отношеніяхъ послѣдняго къ древне-русскому. Темные вопросы рѣшаются г. Житецкимъ путемъ болѣе теоретическимъ, чѣмъ опытнымъ: а потому при всемъ интересѣ и остроуміи его рѣшеній, они не вездѣ имѣютъ строго научный опредѣленный характеръ и ничего не прибавляютъ къ ученымъ достоинствамъ сочиненія. Иное выходитъ, когда авторъ выбирается изъ лабиринта праязычныхъ теорій на путь историческихъ фактовъ: здѣсь онъ идетъ твердою поступью и приходитъ иногда къ выводамъ не только новымъ, но и вѣрнымъ или очень вѣроятнымъ. Во многихъ пунктахъ критика разоидется съ авторомъ:

она можетъ указать не мало положеній, принятыхъ имъ на вѣру, исторически недоказанныхъ и необоснованныхъ (таково напр. одно изъ основныхъ его положеній, что движеніе звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ началось съ паденія глухихъ гласныхъ, что это послѣднее можетъ быть доказано въ древнѣйшихъ памятникахъ даже палеографически и т. д.), но сколько бы ни нашлось такихъ частныхъ недостатковъ въ его трудѣ, — они маловажны сравнительно съ положительными его достоинствами. Разсмотрѣніе исторіи звуковъ малорусскаго языка, наполняющее болѣе двухъ-третьей книги, сдѣлано очень тщательно. Все изслѣдованіе Житецкаго исполнено въ шлейхеровскомъ, болѣе фізіологическомъ, чѣмъ историческомъ направленіи; но безотрадно — суровый формализмъ натуралиста — учителя — ученика смягченъ и оживленъ: съ разсмотрѣніемъ вѣдшей звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія г. Житецкій соединяетъ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ не только по исторіи русской вѣтви славянскихъ нарѣчій (гл. IV: общіе выводы), но и вообще по славянской древности и языку (ib. и отчасти гл. I). Такое стремленіе связать исторію языка съ исторіею народа — заслуживаетъ признанія, хотя какъ всякаго рода первыя попытки — оно имѣетъ предположительный, теоретическій характеръ, заключаетъ въ себѣ не только много спорнаго, но и прямо неудачнаго. Весьма важны обильныя приложенія образцовъ малорусскаго нарѣчія и говоровъ съ объяснительными примѣчаніями автора. Вообще, несмотря на то, что трудъ г. Житецкаго и не вездѣ имѣетъ строго историческій характеръ и держится почвы положительнаго знанія, онъ и по обширности изслѣдуемыхъ вопросовъ и задачъ, по добросовѣтному и такъ сказать любовному отношенію къ дѣлу, и по очень многимъ удачнымъ частнымъ рѣшеніямъ, представляетъ весьма замѣчательную и не мало въ научномъ отношеніи полезную работу. Обстоятельныя рецензіи труда г. Житецкаго принадлежатъ: В. В. Ягичу въ Archiv für slav.

Phil. II, с. 348—363 и А. А. Потебнѣ въ Отчетѣ о двадцатомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, Спб. 1878, с. 764—839.

68. Разработкѣ особыхъ отдѣловъ и частныхъ вопросовъ исторіи русскаго языка, каковы: системы древняго правописанія, исторія отдѣльныхъ звуковъ и формъ языка, исторія словъ или лексиконъ, областныя видоизмѣненія языка какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексикальномъ отношеніи и пр. — посвящено не мало трудовъ и между ними нѣсколько очень замѣчательныхъ. Важность системъ древняго правописанія, необходимость строго отличать приемы его — ясны для каждаго, кто занимался вопросами развитія звуковъ и формъ языка и филологической критикой... Къ сожалѣнію этотъ важный предметъ вызвалъ доселѣ лишь два небольшихъ труда, скорѣе очерка, чѣмъ изслѣдованій въ строгомъ смыслѣ: одинъ изъ нихъ принадлежитъ Н. А. Лавровскому и находится въ его сочиненіи „О древне-русскихъ училищахъ“¹⁸¹⁾; другой — И. И. Срезневскому¹⁸²⁾. Оба очень важны, но столь кратки, что нельзя не пожелать болѣе подробныхъ. Для Н. А. Лавровскаго вопросъ о древнемъ правописаніи имѣлъ не столько критико-филологическій характеръ, сколько педагогическій, какъ часть старорусскаго „обученія письму“, очеркъ же Срезневскаго есть только начало труда, прсдложенію и развитію котораго онъ имѣлъ намѣреніе посвятить одинъ отдѣлъ составляемой имъ „славяно-русской палеографіи“.

Кочубинскому принадлежитъ небольшое, но весьма тщательное изслѣдованіе о томъ, „какъ долго жилъ русскій Супинъ“¹⁸³⁾.

Гатталѣ — о нѣкоторыхъ историческихъ вопросахъ русскаго письма и звукословія¹⁸⁴⁾..

¹⁸¹⁾ Лавровскій Н. А.: „О древне-русскихъ училищахъ“ Хар. 1854, 8°, стр. 132—171, гл. „Обученіе письму“.

¹⁸²⁾ Срезневскій: „О русскомъ правописаніи“ письмо первое, Спб. 1867, ст. 32, и въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. 1867, ч. СХХХІV, с. 449—480.

¹⁸³⁾ Кочубинскій: „Какъ долго жилъ русскій Супинъ“ Ворон. 1872, 8^о, с. 12, отд. отт. изъ „Филолог. Записокъ“ 1872, годъ ХІ, вып. ІV, 1—12.

¹⁸⁴⁾ Hattala: „Výsledky historického jazykozpytu a mluvnice ruska“ въ Časop. Česk. Musea, 1864, 187—212 и 227—249 и отдѣльно, 8^о, с. 48.

69. Историческій Словарь русскаго языка—одна изъ самыхъ существенныхъ, настоятельно необходимѣйшихъ потребностей русской историко-литературной науки: безъ него объясненія и критика памятниковъ письменности—не приобрѣтеть должныхъ, достовѣрно прочныхъ основаній... Къ сожалѣнію, такой словарь есть еще полная деэидерата нашей науки. Есть въ литературѣ нѣкоторыя подготовительныя къ нему работы, заключающіяся или въ словарныхъ указателяхъ и глоссаріяхъ къ древнимъ памятникамъ или въ объясненіяхъ группъ отдѣльныхъ словъ; но все это труды—частнаго характера. Занимался такимъ сравнительно-историческимъ словаремъ, какъ извѣстно—въ послѣднее время своей жизни—С. Б. Линде; но изданный (П. А. Мухановымъ) отрывокъ изъ сего труда, начало на букву К ¹⁸⁶⁾—не оправдалъ надеждъ и заставилъ даже сомнѣваться въ значительности и важности матерьяла, собраннаго знаменитымъ польскимъ лексикографомъ... Столь же мало отвѣчалъ требованіямъ историческаго словаря и изданный въ 1847 г. вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ: „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка (см. выше, число 57 in potis)“. Полный, строго историческій словарь древняго рус-

скаго языка по памятникамъ — извѣстно — былъ составленъ пок. И. И. Срезневскимъ: матерьялъ былъ весь собранъ и въ главныхъ статьяхъ даже приведенъ въ порядокъ. Окончательно обработанными мы видѣли въ 1874 году нѣсколько первыхъ тетрадей ¹⁸⁷). Пожелаемъ, чтобы это „наслѣдіе,, нашего знаменитаго ученаго — неукоснительно и въ достойномъ видѣ стало общимъ достояніемъ науки..

Должно также остановиться и на „Толковомъ Словарѣ живаго Велико-русскаго языка“ ¹⁸⁸), составл. В. И. Далемъ, потому что при всемъ такъ сказать — современномъ характерѣ своемъ, онъ имѣетъ немалое значеніе и для литературы, и для русскаго историческаго языковѣдѣнія. Не входя въ разсужденіе о томъ, въ какой мѣрѣ единичная личность, какъ бы ни были обширны ея знанія и таланты — можетъ быть носителемъ всего запаса языка народа, а слѣдовательно въ какой мѣрѣ выполняема идея Дала составить Словарь на основаніи лишь личнаго единичнаго опыта, — остановимся на томъ, что „Толковый Словарь“ представляетъ въ наличности. Значеніе словъ объясняется въ немъ не сухими, произвольными и бесплодными опредѣленіями, какъ во многихъ объяснительныхъ словаряхъ, а значительнымъ количествомъ синонимовъ и что еще важнѣе — многочисленными примѣрами, взятыми прямо изъ народной рѣчи, преимущественно — пословицами и поговорками. При каждомъ словѣ сначала объясняется широкое значеніе его, затѣмъ значенія частныя, подчиненныя, сродныя и противоположныя. Разсматривая „Толковый Словарь“ съ точки зрѣнія требованій филологической науки, нельзя не замѣтить въ немъ весьма важныхъ недостатковъ: онъ страдаетъ многими невѣрностями въ словопроизводствахъ, онъ нерѣдко сводитъ совершенно различныя слова къ одному корню, нерѣдко предлагаетъ и такіе своеобразныя грамматическія опредѣленія, которыя мало отвѣчаютъ современной наукѣ; очень слаба въ немъ также и обработка исторической стороны языка... Но эти, хотя и очень

существенные, недостатки выкупаются другими качествами и достоинствами: а) „Толковый Словарь“ представляет доселѣ самый полный сборникъ словъ живаго велико-русскаго языка въ его различныхъ развѣтвленіяхъ. Для утвержденія или опредѣленія историческаго значенія словъ, а потому и для занятій исторіей языка вообще — этотъ трудъ предлагаетъ пособіе и необходимое и почти всегда надежное, потому что весь основной матеріалъ его добытъ трудомъ личныхъ усилій и опытности автора, или — будучи взятъ изъ другихъ — критически провѣренъ имъ на народномъ употребленіи. Есть въ Словарѣ — слова составленныя, образованныя самимъ лексикографомъ, но они допущены лишь въ объясненіяхъ, а не въ основномъ текстѣ; б) Словарь Даля имѣеть важное значеніе, какъ источникъ историческій: онъ представляетъ итоги внутренней исторіи русскаго народа, выводъ, до котораго дошла она въ своемъ развитіи... Онъ столько же важенъ въ этомъ смыслѣ и для исторіи, сколько и для народности или этнографіи: стоитъ замѣнить словарное расположеніе предметнымъ, и изслѣдователь получитъ въ немъ изображеніе современной жизни русскаго народа, живую картину его современнаго нравственнаго бытія и дѣятельности, его нуждъ и потребностей, его мыслей, наивныхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ; в) наконецъ, — Словарь Даля можетъ имѣть немаловажное значеніе для дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго литературнаго языка и русской литературы вообще: предлагая собою чистый источникъ народной рѣчи, онъ можетъ оживить полекшую прозу русскаго современнаго литературнаго языка и до нѣкоторой степени возвратить ей образность и свѣжесть, которыя все болѣе и болѣе становятся однимъ преданіемъ...

¹⁸⁵⁾ Въ „Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики“ помѣщены, въ томѣ I, Спб. 1854: а) Н. Г.

Чернышевскаго: „Опытъ Словаря къ Ипатьевской лѣтописи, стр. 512 — 576; б) Протопопова: „Сборникъ словъ изъ Яренскихъ столбцовъ“, стр. 120 — 144, 198 — 209; въ томъ П, Спб. 1856; в) П. А. Лавровскаго: „выборъ словъ изъ лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ с. 1 — 33; г) А. Н. Пыпина: „Словарь къ Новгородской первой лѣтописи“, стр. 33 — 126; д) П. А. Лавровскаго: „Замѣчательныя слова изъ Переяславской лѣтописи“, стр. с. 126 — 128; Ст. Погодина: „Опытъ Историч. объясненія древнихъ словъ“ въ „Извѣстіяхъ П отд.“ П, 328 — 341 и въ „Историч чтеніяхъ о яз. и словесн.“ т. I, 1854, с. 230 — 249; Кромѣ сего въ указателяхъ при разныхъ изданіяхъ памятниковъ, въ Предисловіяхъ къ нимъ (напр. въ изд. „Псковской лѣтописи“ Погодина М. 1837 и разныхъ изд. О. М. Бодянскаго); сюда же отчасти относится и кн. Н. Я. Аристова: „О промышленности въ древней Руси“. Спб. 1866. Изъ рецензіи Срезневскаго (въ Отчетѣ о восьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1866, с. 14 — 16) извѣстно, что г. Носовичъ составилъ весьма важный объяснительный словарь стараго дѣловаго языка западной Руси по „Актамъ“, относящимся къ исторіи Западной Руси; но сей трудъ — сколько знаемъ — доселѣ неизданъ. Другія попытки въ этомъ родѣ принадлежатъ: г. Новицкому (Справочный Словарь юридическихъ терминовъ древняго актовaго языка юго-западной Россіи“, Кіевъ. 1871, 8о, 31 стр. и въ Университ. Извѣстіяхъ того же года. Трудъ не филологическаго, а указательнаго характера!) и Горбачевскимъ, въ его изд.: „Словарь

древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго“, Вил. 1874. Матерьяль хорошій, но обработка очень недостаточная и въ филологическомъ и въ историческомъ отношеніи, см. рец. Н. П. Барсова въ „Восьмнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова“, Спб. 1876, стр. 36—53.

¹⁸⁶⁾ Линде: „Матерьялы для сравнительнаго русскаго словаря“, Варш. 1845, 4°, с. ХП+24.

¹⁸⁷⁾ Планъ изданія этого Словаря изложенъ пок. Срезневскимъ, „О трудахъ перваго археологическаго съѣзда, М. 1871, I, стр. СXXXIV—СXXXVIII.

¹⁸⁸⁾ Толковый Словарь живаго Велико-русскаго языка. М. 1863—68, 4о, 4 тома. стр. LIV+2388 (въ цѣломъ) и много листовъ „Приложеній“, содержащихъ дополненія. Разборъ, написанный Я. К. Гротомъ—въ „Филологическихъ Разысканіяхъ“ послѣдняго (изд. 2-е) Спб. 1876, I: стр. 1—60; ср. мою замѣтку въ „Бесѣдахъ Общ. Любителей Россійской Словесности“, II, 1868, М., с. 91—4. Для исторіи Словаря см. ст. А. Н. Пыпина: „По поводу толковаго Словаря Даля“ въ Вѣстникѣ Европы 1873, № 12, с. 883—903.

70. Какъ существенная часть исторіи русскаго языка, какъ одинъ изъ важныхъ отдѣловъ историческаго словаря русскаго рѣчи—должны быть названы „иноземныя слова въ языкѣ русскомъ“. Предметъ сей стоитъ съ исторіей языка и литературы въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда: нигдѣ вліяніе чуждыхъ образованностей на народную жизнь не выступаетъ столь рѣшительно, какъ въ заимствованіяхъ чуждыхъ словъ. Нужно только умѣнье правильно опредѣ-

дять время сихъ заимствованій и степень необходимости или случайности ихъ.. Понятно, какое важное подспорье для своихъ рѣшеній получаютъ въ историко-филологическомъ изслѣдованіи чужеземныхъ словъ — наука исторіи литературы, которая стремится къ той же цѣли раскрытія состоянія общественной образованности въ литературныхъ произведеніяхъ даннаго времени, и наука исторіи языка, преслѣдующая между прочимъ отчасти ту же задачу по отношенію къ языку. При филологической критикѣ, при опредѣленіи источниковъ, мѣста и времени происхожденія письменныхъ памятниковъ — разборъ иноземныхъ словъ приводитъ нерѣдко къ весьма важнымъ заключеніямъ...

По разбору иностранныхъ словъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ (см. выше, подъ числами 47, 53) и русскомъ языкѣ въ особенности сдѣлано уже немало: есть спеціальныя изслѣдованія древнихъ словарныхъ заимствованій, отдѣльныхъ словъ и отдѣльныхъ группъ словъ, есть цѣлые словари иноземныхъ, преимущественно восточныхъ — словъ, вошедшихъ какъ въ общій русскій языкъ, такъ и въ областныя его части; но за вычетомъ очень немногихъ спеціальныхъ указаній — большинству сихъ трудовъ недостаетъ прочной исторической основы и приемовъ историческаго изслѣдованія, отчего и самыя сближенія нерѣдко страдаютъ произволомъ, а выводы шаткостью. Самыя важныя, хотя и отрывочныя замѣтки объ отдѣльныхъ словахъ принадлежатъ Срезневскому, Вуслаеву, Гроту и отчасти Шлейхеру¹⁸⁹⁾. Менѣе обстоятельны и менѣе обработаны сближенія русскихъ словъ съ восточными, сѣверными, финскими, предложенныя Эрдманомъ, Григорьевымъ, Казембекомъ, Шегреномъ, Березинымъ, Бобровниковымъ, Ковалевскимъ, Петровымъ, Сабининымъ, Бутковымъ¹⁹⁾ и др.; но и здѣсь находится очень немало годнаго матерьяла, которымъ наука воспользуется при будущемъ разборѣ дѣла....

¹⁸⁹⁾ а) Срезневскій въ кн. „Мысли объ исторіи русскаго языка“, Спб. 1850, стр. 129

sq.; б) Буслевъ: „Иностранныя слова въ славянскихъ нарѣчіяхъ“, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, № 8, стр. 540—560 и отд. от. в. т. 21 стр; в) Гротъ: „Областныя великорусскія слова финскаго происхожденія“ въ кн. „Матер. для сравнит. и объяснит. Словаря“ т. I, с. 65 sq. и въ кн. „Филологическія Разысканія“ Спб. 1876, т. I, с. 470—4; г) его-же: „Областныя великорусскія слова, сходныя съ скандинавскими“ въ „Матерьялахъ для срав. и об. Слов.“ I, 38 sq. и въ „Филол. Разысканія“ I, 456—69; д) его-же: „Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ“, Матер. I, 113 sq. III, 348 sq.; „Филол. разысканія“ I, 475—482; е) его-же: „Слова, взятая съ польскаго, или чрезъ посредство польскаго“ въ „Филол. Разыск.“ I. 483—6; ж) Шлейхеръ „Краткій очеркъ доисторич. жизни сѣверо-восточнаго отд. индо-германск. языковъ, Спб. 1865, стр. 4—8.

¹⁹⁰. 1) Эрдманнъ. „Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, перешедшихъ изъ восточныхъ языковъ въ Россійскій“. Казань. 1828, 8⁰, 23 и въ „Трудахъ и Лѣтоп. Общ. Ист. и древн.“ 1830. ч. V, стр. 215—245.

2) Григорьевъ В. В. „Областныя великорусскія слова восточнаго происхожденія“, въ изд. „Матерьялы для сравн. Словаря“, т. I, 14 sq. 68 sq.

3) Казембекъ. „Объясненіе русскихъ словъ сходныхъ съ восточными“ въ изд. „Матерьялы“ etc. I, 22 sq, 71 sq. 385 sq.

4) Шегренъ. „Матерьялы для сравненія областныхъ великорусскихъ словъ со словами

языковъ сѣверныхъ и восточныхъ“ въ кн. „Матерьялы для ср. Словаря“, т. I, 145 sq.

5) Березинъ. „Замѣчанія о восточныхъ словахъ въ областномъ великорусскомъ языкѣ“ въ изд. „Матерьялы для словаря“ I, 186 sq. 323 sq.

6) Березинъ. „Нѣсколько замѣчаній объ опредѣленіи иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ“ въ журн. „Москвитяинъ“ 1852, № 8, с. 106—9.

7) Бобровниковъ. „Областные великорусскія слова, заимствованы отъ Монголовъ и Калмыковъ“, въ изд. „Матерьялы для ср. Словаря“, I, 193 sq.

8) Ковалевскій. „Списокъ словъ великорусскихъ, заимствованныхъ изъ монгольскаго“ въ кн. „Матерьялы для ср. Словаря“ I, 377 sq.

9) Петровъ. „Списокъ нѣк. великорусскихъ словъ, сродныхъ или сходныхъ съ восточными“, въ кн. „Матерьялы для ср. Словаря“ I, 81

10) Сабининъ. „Матерьялы для сравненія русскаго языка съ скандинавскимъ“ въ кн. Матерьялы для срав. Словаря II, 129 sq.

11) Бутковъ: „О финскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ“. . Спб. 1842, 8°, с. 65 и въ „Трудахъ Россійской Академіи“ 1842, ч. V.

Упомяну еще о весьма странномъ ученомъ произведеніи проф. Мухлинскаго: „Zródłosłownik wyrazów, które przeszły do naszej mowy z języków wschodnich“ Spb. 1858, 8°, с. 158. Здѣсь уже все идетъ съ Востока.

71. Значеніе областныхъ нарѣчій для исторіи языка давно сознано: съ одной стороны въ нихъ нерѣдко находимъ такія грамматическія свойства, которыя, уцѣлѣвъ съ

глубокой древности, объясняютъ очень многое темное въ формальномъ строеѣ различныхъ историческихъ измѣненій языка; съ другой—областной языкъ сохранилъ еще во многихъ случаяхъ и древнія слова и свѣжія образныя знаменованія словъ, знаменованія древнія, а потому важныя при объясненіи древности вообще и внутренней бытовой стороны исторіи языка ¹⁹¹). Труды по областнымъ нарѣчіямъ начались еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, собирались матерьялы словарные и грамматическіе разными лицами, между прочимъ Макаровымъ, Шаховскимъ, Дмитрюковымъ, Фортунатовымъ, Суровцовымъ ¹⁹²) и въ особенности П. И. Кенпеномъ ¹⁹³). Были попытки приложенія данныхъ областного языка къ разьясненію темныхъ терминовъ въ древне-русскихъ памятникахъ ¹⁹⁴)—и попытки безуспѣшныя! Въ особенности оживился интересъ къ собиранію данныхъ областного языка съ того времени, какъ бывшая „Россійская Академія“ преобразовалась во „Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ“ и трудами по составленію Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка была приведена къ мысли о необходимости составленія такого же Словаря областного языка. Составленные по вызову II отдѣленія Академіи Наукъ—различными лицами по большей части преподавателями гимназій, училищъ и учениками—Сборники областныхъ словъ, сведенные въ одно—явились въ 1852 г. въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря“, а въ 1858 г. появилось полновѣсное „Дополненіе“ къ нему ¹⁹⁵). Оба изданія имѣютъ несомнѣнно важное ученое значеніе по богатству собраннаго матерьяла; но послѣднему недостаетъ полной ученой достовѣрности; ибо къ истинному народному въ немъ нерѣдко примѣшивается измышленное, и иногда завѣдомо намѣренно измышленное, или же дурно записанное, а потому—сомнительное. Только при умѣнїи отдѣлять истину отъ лжи—возможно пользоваться сими областными словарями надлежащимъ образомъ. Немаловажное значеніе при такой кри-

тической провѣркѣ можетъ имѣть „Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка“ Даля. Гораздо болѣе тщательности въ обработкѣ представляетъ „Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія“¹⁹⁶⁾, составленный Носовичемъ и даже скромный „Словарь малороссійскихъ идиомовъ“, собранный Н. Закревскимъ¹⁹⁷⁾. Трудъ Носовича—въ своемъ родѣ образцовый: „бѣлорусскіе слова объясняются переводомъ на русскій письменный языкъ или описаніями. Отмѣчены и отмѣнки значенія словъ. Къ объясненіямъ словъ приложены почти постоянно примѣры ихъ употребленія изъ живой рѣчи, изъ пословицъ и поговорокъ, изъ пѣсенъ, сказокъ, прибаутокъ... Матерьялъ драгоцѣнный, въ значительной части новый. Все приведенное на Бѣлорусскомъ нарѣчій, при соблюденіи однообразнаго, вообще хорошо выработаннаго правописанія, обозначено удареніями и другими знаками. Словарь Носовича важенъ и тѣмъ, что только при помощи его „можно начать подробныя разслѣдованія о составѣ Бѣлорусскаго нарѣчія и между прочимъ искать оправдательныхъ доказательствъ предположенію, что въ этомъ нарѣчій сохранилось очень много древняго, важнаго для исторіи русскаго языка“ (слова И. И. Срезневскаго).

Менѣе обширенъ, по матерьялу и даже филологической обработкѣ недостаточенъ трудъ Закревскаго, но какъ первый систематическій опытъ, исполненный, притомъ, со вниманіемъ къ исторической сторонѣ предмета—онъ вполне заслуживаетъ добраго признанія.

Ислѣдованіе филологическое и этнографическое областныхъ нарѣчій только-что начинается. Правда, существуютъ уже съ довольно давняго времени попытки объясненія свойствъ русскихъ областныхъ нарѣчій: для области великорусской—Далѣ;¹⁹⁸⁾ малорусской Головацкаго и отчасти Срезневскаго¹⁹⁹⁾, для Бѣлорусской—Калайдовича и Голотузова²⁰⁰⁾, но эти попытки настолько отрывочны, слабы или преслѣдуютъ инья (гео—и этнографическія не филологическія цѣли, что проф. М. П. Петровскій, пред-

ставивъ прекрасный очеркъ діалектологическихъ развѣтвленій славянскихъ нарѣчій²⁰¹⁾, остановился предъ вопросомъ о нарѣчіяхъ русскихъ — и не пошелъ далѣе, за неимѣніемъ, конечно, разработанныхъ матерьяловъ

Изъ трудовъ послѣдняго времени — важнѣйшіе принадлежатъ проф. Колосову, таковы: его наблюденія надъ фактами областного сѣверно-великорусскаго языка, изложенныя въ его Отчетахъ II отд. Академіи Наукъ и въ особой специальной статьѣ, а равно и въ обширномъ сочиненіи „Обзоръ звуковъ и формальныхъ особенностей нарѣчій великорусскаго языка“²⁰²⁾. Послѣдній трудъ представляетъ систематическую попытку свести въ одно отдѣльныя данныя по областнымъ нарѣчіямъ, уже существующія въ русской наукѣ. Г. Колосовъ разсматриваетъ предметъ съ строго формальной, физиологической стороны. Наличный матерьялъ имъ принятъ во вниманіе весь, или почти что весь, онъ обработанъ весьма тщательно; но, конечно, не такъ, чтобы сдѣлать излишнимъ его переислѣдованіе съ иныхъ точекъ зрѣнія, исторической и историко-этнографической. Тогда, быть можетъ, придется употребить и иные приемы изслѣдованія и дать иной порядокъ послѣднему. Во всякомъ же случаѣ — трудъ замѣчательный и очень полезный.

Если мы упомянемъ о статьѣ Лескина „О нарѣчій русскихъ пѣсенъ олонецкаго края“ (по пѣснямъ Рыбникова)²⁰³⁾ и небольшомъ изслѣдованіи Владимірова „О сѣверномъ великорусскомъ нарѣчій, въ памятникахъ письменности XVI—XVII в.“²⁰⁴⁾ — то, кажется, будемъ имѣть все, что существуетъ въ нашей наукѣ по разработкѣ областныхъ нарѣчій русскаго языка!

²⁰¹⁾ См основательную записку О. И. Буслаева: „Словарь областныхъ реченій великорусскаго языка“ въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ, I, стр. 167—177.

¹⁹² Перечень сихъ трудовъ въ предисловіи къ „Опыту областного великорусскаго Словаря“, Спб. 1852, стр. V—XII. Трудъ Макарова „Опытъ простонароднаго Словотолковника“, напечатанъ отчасти въ Маякѣ 1844, т. XVIII и вполне въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей“ 1846—7, именно: годъ I; кн. 4, с. 37—42; годъ II: кн. 3, с. 24—44; кн. 6, с. 1—24; кн. 7, с. 17—27; кн. 9, с. 1—21; годъ III: кн. 1, с. 1—19; кн. 2, с. 33—38; кн. 3, с. 89—120; кн. 4, с. 143—154; кн. 5, с. 145—159; кн. 9, с. 267—295. Оканчивается буквою Н. Трудъ, какъ все макарское—заключаетъ въ себѣ много полезнаго, но еще болѣе вздорнаго. Этимологіи—воловыя.

¹⁹³) Көррен: „Über die von P. v. Kөрren gesammelten russischen Sprachproben“, въ Bulletin de l'Ac. t. III, p. 506—511 и Mélanges russes, 1861, IV, стр. 210—217.

¹⁹⁴) Напр. въ ст. Суровцева: „Нѣчто о собраніи Областныхъ Словъ“ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета 1839, кн. II, стр. 193—206 и ст. Діева: „Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской“ въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1839, № 5, с. 47—80. cf. Соловьева въ „Матер. для ср. Слов. и Граммат.“ I, с. 107—110.

¹⁹⁵) а) „Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря“, Спб. 1852, 4°, с. XII+275. Рецензіи: Буслая въ Отечеств. Запискахъ 1852, т. LXXXV, № 11, с. 1—54, перепечат. въ авторовыхъ „Историческихъ очеркахъ рус. нар. литер“ т. I, стр. 151—209; В. Даля въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества, 1852, к. V и отдѣльно, и въ „Толковомъ Сло-

варѣ“ (см. ниже), см. замѣтку Я. К. Грота въ „Филологическихъ Разысканіяхъ“ т. I, Спб. 1876, с. 142 sq.; Косвенной рецензіей „Опыта“ можно назвать ст. Лавдовскаго: „Русскій языкъ въ областныхъ нарѣчіяхъ“, Москвитинъ 1855, № 13—16, с. 47—66. Ср. Соловьева: „Замѣчанія по поводу опыта области. Великор. Словаря“ въ Матерьялахъ для сравнит. Словаря и Грамм. т. I, с. 107—113.

б) „Дополненіе къ Опыту областного Великорусскаго Словаря“ Спб. 1858, 4^о, стр. 328.

¹⁶⁾ Носовичъ: „Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія“, Спб. 1870, 4^о, с. 756. Рец. Срезневскаго въ XXXIV присужденіи Демидовскихъ наградъ. Спб. 1866, с. 107—116.

¹⁹⁷⁾ Составляетъ третью часть изданія За-кревскаго: „Старосвѣтскій Бандуриста, М. 1860“, отъ стр. 274—624. Можно здѣсь упомянуть, что начало отдѣльнымъ Малорусскимъ Словарямъ было сдѣлано Аванасьевымъ—Чужбинскимъ въ „Матерьялахъ для сравнит. и объяснительнаго Словаря и Грамматики“, т. III, 1856, с. 1—176. и Шейковскимъ въ его „Опытѣ Южно-русскаго Словаря“, Кіевъ 1861, 8^о, вып. I, с. XVII+224 столб.—Только начало предпріятій—безъ продолженія.

¹⁹⁸⁾ Дала: „О нарѣчіяхъ Русскаго языка“ Спб. 1852, 8^о, 72 с., оттискъ изъ V кн. Вѣстника Русск. Геогр. Общ., перепечатанъ въ предисловіи къ IV вып. „Толковаго Словаря живаго Великорусскаго языка“, стр. XXV—LIV. Это—таже рецензія „Опыта областного Словаря“.

¹⁹⁹⁾ Головацкій: „Розправа о языкѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ“, Львовъ. 1849, 8^о, с. 56; Срезневскій: „Русь Угорская“. От-

рывокъ изъ „Опыта географіи русскаго языка“, Вѣстникъ Географ. Общества, 1852, ч. IV, с. 1—28. Сюда же относится и другая статья Срезневскаго: „Частные вопросы о мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ русскаго народнаго языка“ въ Извѣстіяхъ II отдѣл. Ак. Наукъ I, с. 185—8. ср. его же: „Замѣчанія о матерьялахъ для географіи русскаго языка“, Вѣст. Геогр. Общ. 1851, к. I, с. 1—24.

²⁰⁰⁾ Калайдовичъ: „О Бѣлорусскомъ нарѣчій“ въ изд. „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общ. Любит. Рос. Словесности, 1822, ч. I, кн. I, с. 67—80; Голотузовъ: „Замѣтки, касающіяся бѣлорусскаго нарѣчія“, Ми-тава, 1852, 4°, с. 49. Замѣтки грамматическія и лексикальныя.

²⁰¹⁾ Ученыя Записки Казанскаго Университе-та 1866, к. с. 388—480 и 1867, с. 155—191.

²⁰²⁾ Труды Колосова: а) „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ областномъ сѣверно-великорусскомъ нарѣчій“, Спб. 1877, 8°, с. 343, пом. въ Сборникѣ статей II отд. т. XVII, № 3; б) „Матерьялы для характеристики сѣверно-великорусскаго нарѣчія“ въ № 5 Варшав. Универ. Извѣстій 1874, стр. 1—62 отд. отт.; в) „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка“ Варшава, 1878, 8°. III+266. Къ слову—о послѣднемъ сочиненіи замѣчу, что немало для себя любопытнаго и важнаго Колосовъ нашель бы въ Матерьялахъ Келпена (отмѣченныхъ нами подъ примѣч. 193), хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

²⁰³⁾ Leskien: „Über den dialect der russischen Volkslieder des gouvernen. Olonec“, въ

Beiträge z vergleich. Sprachfor. VI, с. 152—187.

²¹⁴⁾ Владиміровъ: „Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII с. Казань, 1878, 8^о, с. 39.

72. Сводя все сказанное къ одному и принявъ въ расчетъ недавность времени, съ котораго русской историко-филологической наукѣ стали доступны памятники древне-русскаго языка (говорю о точныхъ, удовлетворяющихъ филолога, изданіяхъ ихъ), и вообще недавность нашихъ занятій исторіей отечественнаго языка, нельзя не признать значительныхъ успѣховъ, но если съ другой стороны — припомнить тѣ требованія и задачи, какія соединяются съ понятіями исторіи русскаго языка и русской историко-филологической критики, то придется сказать, что все доселѣ сдѣланное на этомъ полѣ — только хорошее начало. Петрунотыхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ — множество, такъ:

а) въ неясномъ свѣтѣ представляется судьба церковно-славянскаго языка на русской почвѣ и постепенный ростъ его руссификаціи;

б) неприведенъ къ положительному опредѣленному рѣшенію вопросъ объ образованіи мѣстныхъ нарѣчій и появленіи ихъ въ памятникахъ письменности;

в) бѣлыя, ничѣмъ ненаполненныя страницы представляютъ исторія слога;

г) системы древняго правописанія указаны лишь въ очень краткихъ очеркахъ;

д) нѣтъ историческаго словаря русскаго языка, а потому почти отсутствуетъ и самая филологическая критика памятниковъ; нѣтъ, наконецъ

е) историческаго изслѣдованія областныхъ нарѣчій.

А. Котляревскій.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИСЪ

ИМЕНИ., ЗВАТ. И ВИНИТ. ПАДЕЖЕЙ ВЪ САНСКР., ЗЕНДЪ, ГРЕЧ.
ЛАТ., НѢМЕЦ., ЛИТ., ЛАТЫШ. И СЛАВ. НАРѢЧІЯХЪ.

III.

Усложненія и специализированія значеній винительнаго.

Во второй главѣ представлены всѣ главныя основныя значенія винительныхъ независимыхъ и зависимыхъ. Факты показываютъ, что употребленіе основныхъ винительныхъ подверглось дальнѣйшимъ усложненіямъ и специализированіямъ (ограниченіямъ). Именно, съ одной стороны, такъ какъ въ одномъ и томъ же предложеніи по требованію рѣчи должны являться различные объекты, то отсюда открывается возможность *усложненнаго* употребленія винительныхъ: А) при глаголѣ можетъ быть нѣсколько простыхъ объектовъ (обыкновенно два—*двойные винительные*); В) при нѣкоторыхъ глаголахъ кромѣ простаго объекта можетъ быть еще *второй* объектъ съ предикативнымъ значеніемъ (*вторые винительные*); С) винительные, будучи зависимы (а) или независимы (б) отъ глаголовъ, могутъ становиться въ извѣстныя отношенія къ тому роду объектовъ, которые образуютъ категорію неопредѣленныхъ наклоненій, (*винительные съ неопредѣленнымъ*). Съ другой стороны, винительные объекта, вслѣдствіе присущаго всякому развитію стремленія къ дифференцированью, подвергаются различнымъ видамъ специализированія—ограниченія: 1, чрезъ разграниченіе категорій имени и глагола (*устраненіе винительныхъ объекта при именахъ существ. и прилаг.*); 2, чрезъ болѣе строгое разграниченіе глаг. переходныхъ и непереходныхъ (А, *винительные объекта при глаголахъ причинительныхъ* и В, — *сложныхъ съ предлогами*); 3, чрезъ болѣе строгое разграниченіе дѣйствительныхъ глаголовъ отъ среднихъ (*media*) и страд. (*устраненіе винительныхъ при глаг. среднихъ и страдательныхъ*).

А. Двойные винительные.

Такъ какъ винительный есть падежъ объекта въ широкомъ смыслѣ, а такихъ падежей объекта въ одномъ предложениіи можетъ быть нѣсколько, то отсюда а priori слѣдуетъ неизбѣжность употребленія въ предложениіи нѣсколькихъ винительныхъ. Винительные независимые въ такомъ употребленіи не представляютъ ничего особеннаго: какъ стоящіе внѣ вліянія глагола и близкіе къ роли отдѣльныхъ предложеній, они не имѣютъ близкаго отношенія къ другимъ вин., стоящимъ въ томъ-же предложениіи, —винительнымъ зависимымъ; такъ напр. въ предложениіи „мы преслѣдовали непріятелиа день и ночь“ вин. *день и ночь* не имѣютъ никакого отношенія къ вин. *непріятелиа*. Другое дѣло, если оба винительные одинаково находятся подъ вліяніемъ глагола; въ такомъ случаѣ, такъ какъ вин. объекта дѣлается постепенно противнемъ подлежащаго соотвѣтственнаго страдательнаго оборота (а подлежащее можетъ быть только одно), то обыкновенно въ болѣе позднихъ языкахъ присутствіе одного изъ нихъ мѣшаетъ присутствію другаго; такъ напр. въ лат. оборотѣ *eum sententiam rogat* оба вин. суть винительные объекта, но въ русск. оба винительные могутъ являться только въ отдѣльныхъ предложениіяхъ: *онъ спрашиваетъ его*, *онъ спрашиваетъ мнѣніе*; но, если оба объекта должны явиться въ одномъ предложениіи, въ такомъ случаѣ одинъ исключается другимъ: *онъ спрашиваетъ его о мнѣніи* или *онъ спрашиваетъ у него мнѣніе*. Такіе винительные объекта (которыхъ обыкновенно въ одномъ предложениіи бываетъ не болѣе двухъ ¹⁾) называются *двойными винительными*. При перемѣнѣ дѣйствит. обор. въ соотвѣтственный страд. только одинъ изъ винительныхъ дѣлается подлежащимъ, другой же остается винительнымъ объекта ²⁾.

¹⁾ Рѣдкій случай *тройнаго* винительнаго объекта приведенъ выше изъ зенда, см. Вин. завис. 3 а α, стр. 229.

²⁾ Въ этомъ заключается существенное различіе двойныхъ винительныхъ отъ *вторыхъ* винительныхъ, которые не имѣютъ значенія простыхъ объектовъ, а являются съ предикативнымъ зна-

Въ двойныхъ винительныхъ замѣчается два главныхъ вида: 1) оба винительные имѣютъ одинаковое первоначальное значеніе; 2) оба винительные имѣютъ различное первоначальное значеніе, т. е. возводятся къ различнымъ родамъ или видамъ простыхъ винительныхъ.

1. Двойные винительные одного значенія представляютъ собою два сходныхъ винительныхъ объекта, которые различаются между собою тѣмъ, что одинъ опредѣляетъ объектъ болѣе общимъ, другой—болѣе частнымъ образомъ.

а) 2(1Bb1a). *Два винительныхъ цѣли движенія.*

Въ зенд. jaṣe thwâ pathām ḡaṣâiti—кто идетъ къ тебѣ на дорогу, s. v. pathan.

Въ греч. ἐπεὶ μιν ἄχος κραδίην καὶ θυμὸν ἔκαθεν—къ нему въ сердце и душу входило горе, В 171; τὸν ῥ'ἔβαλε πρῶτος κόρυθος φάλον—онъ первый ударилъ его въ дугу шлема, Δ 459; также E 188, Л 240.

а²) Изъ этой же группы двухъ винительныхъ цѣли развивается особый оттѣнокъ значенія, для уясненія котораго хорошо можетъ помочь слѣдующій оборотъ Краледв. рук.: ide mlá mlá na jahody na zelena borcka, что значитъ: *идетъ моя милая въ борокъ за ягодами*, т. е. второй предметъ цѣли движенія получаетъ болѣе специальное значеніе предмета, къ которому идутъ, чтобы взять его. Такое значеніе получаетъ иногда въ скртѣ и дат. цѣли phalebhjo jāti=phalânj âhartuñ jāti—онъ идетъ за плодами, собств. къ плодамъ, Hübschm s. 144.

ченіемъ и сообразно съ этимъ при перемѣнѣ дѣйствит. обор. въ страд. вмѣстѣ съ вин. объекта дѣлаются именительными. Полезно было-бы отличать эти два существенно различныхъ вида винительныхъ и самымъ названіемъ: обыкновенно тѣ и другіе называются *двойными винительными*. Терминъ *вторые винительные* заимствованъ мною у проф. Потевни.

Въ скр. *tat tvâ jâmi brahmañâ*—къ тебѣ къ этому (т. е. за этимъ) я прихожу съ молитвой, R. V. 1, 24, 11; *ṛcâ jâmi... avo varṇjam*—съ пѣсню прихожу къ вамъ за высокою защитой, т. е. прошу, S. V. 1, 1, 1, 5, 4; *ṣarañ jâmi dâivatâni*—я прошу у божествъ защиты, букв. прихожу къ божествамъ къ защитѣ, Коссов. *Ṣarañ. 3.* ³⁾

Въ другихъ языкахъ винительный болѣе частной цѣли движенія является или уже съ предлогомъ (*πλέων ες Τερμέζην μετὰ ἡλκῶν*—плывя въ Т. за мѣдью, α 184; нѣм. *nach Etwas gehen*; млр. *иду по воду*), или вытѣсняется род. (лит. *ėjau vandenaczo*—пошла за водой, Les. 33, ср. млр. до Дунаю води ходили, Метл. 161).

b и *b*²) Двойные вин. при глг. схватывать, похищать, вырывать (*b*); просить, спрашивать (*b*²), т. е. 2(1*Bb*2γ). Какъ мы видѣли выше (стр. 211), глаголы эти по первоначальному своему значенію тождественны съ глаголами движенія къ цѣли; если глаголы съ значеніемъ устремляться къ кому, къ чему (т. е. за чѣмъ) могутъ имѣть при себѣ два вин. цѣли, то эти вин. могутъ оставаться и въ томъ случаѣ, если значеніе этихъ глаголовъ измѣнится въ значеніе схватывать, вырывать, просить и т. п.

Въ скр. *b) amuñitam avasam pañiñ gâñ*—вы (два) украли у Пани пищу-коровъ, R. V. 1, 93, 4, ⁴⁾; *gâñ doghdhi rajañ*—букв. корову доить молоко, Hübsch. s. 142; *avaçinoti kusumâni vṛkšâñ*—онъ собираетъ цвѣты съ де-

³⁾ Вслѣдствіе такого употребленія глг. *jâ* получаетъ значеніе *просить* у кого (вин.) что (вин.); ср. подобный же переходъ значенія въ греч. ἴξω, ἰκέτης.

⁴⁾ Сообразно съ такимъ сочиненіемъ глагола *muñ* страд. прич. *muñta* значитъ не только *украденный*, но и *обокраденный*, Benf. Chr. 100, 19.

ревъевъ, Williams 192, b.—b²) arth—просить съ вин. лица и вещи, Benf. Chr. Gloss. s. v. Chr. 199, 15; sa varañ mām ajācāta—онъ просилъ у меня дара, Kathāsr. 1, 31, a; arṛcēhañ vṛttāntan sarvam eva tam—они спросили его о всемъ случившемся, Nal. 4, 23; также Çak. 14, 10.

Въ зенд. b) jô mām tat draono zināt—который отнимаетъ у меня это Д. s. v. zi.—b²) tat thwâ reṛeçâ—объ этомъ тебя спрашиваю, vd. 19, 36; также Jaçna 31, 14, a. (на мѣстѣ вин. вещи встрѣчается также abl. или род. Mihirj. 2, Jaçna 28, 1, a, Коссов. 68; а на мѣстѣ вин. лица—дат. Jaçna 29, 8, b; Vend. 19, 14); при ġudh—просить, спрашивать кого о чемъ, Hübsch. s. 192.

Въ греч. b) ἐξαίνυτο θυμὸν ἀμφοτέρω—у обоихъ отнялъ жизнь, E 156, также ἀμφο θυμὸν ἀπὴύρα, Z 17; также K 495; ἀφαιρεῖσθαι τοὺς ἐνοικοῦντας Ἕλληνας τὴν γῆν—отнять (для себя) у жителей грековъ землю, Anab. 1, 3, 4; ἀποστερέω Курц. § 402; στερέω τινά τινος, но οἰκεῖα στερεῖσθαι—лишиться имущества, Bensl. b²) Νοήμονα ἤτεε νῆα—просилъ корабля у Н. β 387; ὑμᾶς δὲ ῥασιλεύς τὰ δπλα ἀπαιτεῖ—царь требуетъ отъ васъ оружiе, Anab. 2, 5, 38; ἦγ' ἐπέειπεν πόσιν ἐρέεινεν ἕκαστα—она спрашивала мужа обо всемъ, δ 137; ἐρωτάω, Курц. § 402.

Въ лат. b²) въ официальныхъ выраженiяхъ sententiam, testimonium aliquem rogare, Navest 46; въ др.лат. также aliquem aliquid posco, precor, oro, volo, Holtze p. 286—8.

Въ слав. b²) въ серб. Ја ћу вас упитати једну ријеч, Mat. 21, 24, Данич. 408.

с) Греческiй представляетъ еще нѣкоторые другiе случаи двойныхъ винительныхъ одного значенiя:

с¹)2(1B2α) ὄχρος τέ μιν εἶλε παρειάς — блѣдность схватила его (за) щеки, Г 38.

с²)2(3αδ) ποῖόν σε ἔπος φύγεν ἕρκος ὀδόντων — какое слово выбѣжало у (отъ) тебя изъ ряда зубовъ, Е 83 (частый гомерическій обор.); ср. а (поражать кого въ рядъ зубовъ).

2. Двойные винительные различнаго значенія. Какъ мы видѣли при изложеніи значеній вин. завис., глаголы движенія могутъ имѣть при себѣ различные объекты: объектъ можетъ означать предметъ, по которому происходитъ движеніе (1Ba²), къ которому происходитъ движеніе (1Bb) и съ которымъ происходитъ движеніе (2). Эти различные объекты могутъ встрѣчаться при одномъ глаголѣ. Такъ:

а, (1Ba²+1Bb) двигаться по чему къ чему.

б, (1Ba²+2) двигаться по чему съ кѣмъ, чѣмъ; нести, вести кого, что къ чему; ср. напр. въ скр. два вин. при раг—переправлять кого (что) чрезъ что и въ латыш. irbīt manī целю веда—куронатка ведетъ меня по дорогѣ, Спрог. 92, 7.

Но оба эти сочетанія вин. въ простомъ видѣ мало употребительны: обыкновенно они нуждаются въ предлогѣ при глаголѣ или одномъ изъ вин. (а позже и въ двухъ предлогахъ), напр. aliquem aliquid trajicio, traduco и т. п. (ср. ниже 2 В). Гораздо употребительнѣе третій видъ сочетанія тѣхъ же элементовъ:

с, (1Bb+2) двигаться къ чему съ чѣмъ; нести, вести пускать что (кого) куда. Сюда принадлежатъ двойные вин. при глаголахъ (α) *класть, давать, дѣлать кому что*, ср. стр. 190.

Въ скр. etān najasva vinaṣaṇ, стр. 191;

α) двойные винительные при kar, dhā при dā Петербург. слов. ⁵); см. также стр. 21.

Въ zendѣ эти двойные вин. составляютъ

⁵) Двойные вин. при этихъ глаголахъ являются большею частію въ Ведахъ; въ эпич. же и классич. скртѣ они рѣдки и

обыкновенное явленіе: mašjô mašim khšudrâo avi frañharezaiti—treibt Päderastie, букв. vir virum semina injicit, s. v. harez+fra, ср. выше стр. 21; vačem baraiti.... ahja zarezdâcâ—несеть слово въ сердце, обращаетъ рѣчь къ сердцу, Jaçna 31, 12 a и b, также s. v. араоša, čina;—α) hâirišis puthré verenavaiñti—кладутъ дѣтей въ женщинъ, т. е. оплодотворяютъ женщинъ s. v. var 2; urvānem méñ gairim dade—даю мою душу небу s. v. gairja; hazô nivarezajen daēva—причинили насиліе девамъ, s. v. çnuđ.; другіе примѣры выше, стр. 190 ⁶).

Въ греч. δούω, εὐδούω погружаю, одѣваю кого во что (обыкновенно глаголь этотъ является въ соединеніи съ предлогомъ, Курц. § 402); также εὐνοομαι, ἀμφιένοομαι (кор. vas) надѣваю что на кого (ср. εὐνοομαι τι—одѣваюсь во что), Курц. ib.—α) ἀμειβομαι τινά τι—давать, дарить кому что, Bensl. s. v. При глаголахъ *дѣлать, причинять кому что* преимущественно *дурное* или *хорошее*; въ Гомеридахъ вин. вещи еще не ограничивается значеніемъ *хорошо, дурно* и яв-

являются едвали не исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ вин. сливается съ глаголомъ въ одно слово, напр. tañ namaskṛtja—сдѣлавши ему поклонъ (что namaskṛtja понималось какъ одно слово, очевидно изъ самой формы kṛtja: еслибы эти два слова понимались отдѣльно, то вм. kṛtja было-бы kṛtvâ, Шерцль, Скр. гр. § 190 b), Amb. 9, 18; tasja vâkjañ çraddadhâno—вѣря его слову, Раñç, Benf. 113, 8, sa çraddadhe ča tam—и онъ повѣрилъ ему, Kathâsr. 5, 114. Что эти двойные вин. въ классич. скртѣ были уже архаизмами, очевидно также изъ того, что Саяна приведенный выше ведическій оборотъ devân çakrîma âgañ, R. V. 1, 185, 8 (см. Bb1a) комментируетъ, прибавляя при devân предлогъ prati. Въ эпич. и классич. скртѣ на мѣстѣ вин. перваго рода обыкновенно является дат. мѣста, и даже род.

⁶) На мѣстѣ вин. перваго рода, какъ и въ скртѣ, является также дат. и мѣстный.

ляется несомнѣнно объектомъ, напр. μέρμερα.... ὄσσα Ἐκτωρ ἔρρεξε δίφιλος υἱας Ἀχαιῶν— ужасныя дѣла (ужасное), которыя причинилъ Г. сынамъ Ах. К 49; τίς νύ σε τοιάδ' ἔρρεξε— кто сдѣлалъ тебѣ это, G. 509; ῥέξῃ κακὸν υἱας Ἀχαιῶν, В 195; κακὰ πολλὰ ἔοργεν Τρωῶας— причинилъ многія бѣдствія Троянцамъ, Е 175; также ἀγαθόν, εὔ (собств. ср. р. отъ прил. εὖς) ποιέω; позже вин. вещи или, какъ въ скртѣ, сливается съ глаголомъ въ одно слово, какъ καχοургέω, κακόω, или вытѣсняется нарѣчіемъ, какъ τινα κακῶς ποιέω; вин. же лица сохраняется довольно упорно (однако въ Нов. Зав. уже καλῶς ποιεῖτε τοῖς μισοῦσιν ὑμᾶς—Мат. 5, 44). По аналогіи съ этими винительными лица явились вин. также при ἀδικέω (ср. ἄδικον, ἀδίκως ποιέω), ὑβρίζω и т. п. 7).

Въ лат. induo (кор. av или u) и по аналогіи съ нимъ exuo;—α) лишь незначительные остатки: pessum do (у Теренція еще раздѣльно, Andr. 208) собств. кладу кого на дно; id operam do, Andr. 157, кладу трудъ въ это; credo вѣрю=скр. grad-dhâ, собств. кладу довѣріе во что (ср. anim—adverto съ вин.=animum adverto—обращаю духъ къ кому, чему), др.фр. croire Jhesu Christ=credere Jesum Christum, Dietz 3, 105; aliquem manum injicere, Holtze p. 196.

Въ нѣм. α) Etwas preisgeben (т. е. Preis g.) (если это архаизмъ).

с3) (1Bb16'+26'). При глаголахъ, означающихъ испущеніе звука, какъ мы видѣли выше, можетъ быть какъ вин. предмета, къ которому направляется звукъ (1Bb16'),

7) Возможно также и другое объясненіе винительныхъ лица при глаголахъ *причинять кому хорошее, дурное*: эти винительные могутъ быть винительными коммодальными (см. вин. незав. 3 Aa²); я предпочитаю приведенное выше объясненіе, имѣя въ виду аналогію скрта и зенда.

такъ и вин. направляемаго звука (26¹); оба эти винительные могутъ являться при одномъ глаголѣ; а такъ какъ съ подобными глаголами близко соприкасаются глаголы *учить*, *показывать* (26^{1δ}), то и при этихъ послѣднихъ также возможны два подобныхъ вин. (β²).

Въ скр. очень обыкновенное явленіе, напр. *mâtur bhaginim idam vaçanam abravît*—онъ сказалъ такую рѣчь къ сестрѣ матери, *Nal. 17, 17, b*; рѣже на мѣстѣ вин. лица встрѣчается также дат. и даже род. β²) *tvân çikšjami tat*—я научу тебя этому, *Kathâ. 6, 146*; также *ibid. 2, 79*.

Въ зендѣ *aomem... amravî humnem*, см. выше Заг; но чаще дат. лица; β²) также и при глаг. *учить* чаще дат. лица, напр. *Jaçna 29, 1, c. и s. v. vâçtrja*.

Въ греч. ἔπος τέ μιν ἄντιον ἤρδα—сказалъ къ нему слово, *E 170*; ταυτί λέγεις σὺ τὸν στρατηγόν; *Mathiä 929*; болѣе упорно сохранялся двойной вин. въ оборотахъ *κακὸν λέγω*, *ἀγαθὸν λέγω*, *κακολογέω τινα*, *Курц. § 402*; β²) *διδάσκω τινά τι*, *Курц. ibid.*

Въ лат. β²) *aliquem aliquid doceo*, *Шульцъ-X. § 255*, ср. впрочемъ ниже 2А вин. при *verba facit*.

Въ нѣм. сюда, вѣроятно, относятся въ готск. вин. при *thiuth-spillon*—говорить, возвѣщать кому хорошее и *vaja—merjan*—говорить кому *vaja* (презрительное восклицаніе), напр. *thiuth-spilloda managein*—благовѣствовалъ толпѣ, *Лук. 3, 18*; *vajamaridedun ina*—ругались ему. β²) *ahd. wisan=weisen*—показывать кому что, учить кого чему; гот. *laisjan=lehren*, *Grimm, s. 621*.

Въ лит. сомнительно, см. *1Bb16¹*; β²) два вин. при *mokinti*—учить объясняются вѣроятнѣе изъ фактитивнаго значенія, ниже 2Ab².

Другіе случаи двойнаго вин. представляют болѣе спорадическія явленія:

d¹) (1Bb2β+3b²), ἔλκος, ὅμε αὐτασεν βροτὸς ἀνὴρ — рана, которую мнѣ нанесъ смертный мужъ, E 361.

d²) (1Bb16¹+3aχ), говорить кому о чемъ, напр. urvānem jātem paitigaidhjēinti — говорятъ къ душѣ о поведеніи (спрашиваютъ), Vend. 19, 96.

d³) (1Bb16¹+3b²), называть кого именемъ, ὁ περ χαλοῦμεν ἄνομα ἕκαστον — какимъ именемъ называемъ каждаго, Kratyl. 383, B.

e) (1 или 2+3aδ), глаголы, означающіе скриваніе (3aδ) кромѣ вин., означающаго предметъ, отъ котораго происходитъ скриваніе, могутъ имѣть при себѣ другой вин. для означенія предмета, который скриваютъ:

Въ греч. при κεῖσθαι, κρύπτω, ὅσα κεῖσθαι, οὐδέ σε κεύσω — что знаю, не скрою отъ тебя, γ 187.

Въ лат. при celo, lateo, Шульдцъ-X. § 255.

Въ нѣм. гот. helan = celare, ahd. pergān = bergen — скривать что отъ кого, Grimm 622.

f) (3a+3b²), οὐδ' αὖ τοσοῦτον ἔχθος ἐχθαίρω σ' ἐγώ — я не такую ненавистью ненавижу тебя, Electra 1034.

Какъ можно видѣть изъ этого изложенія, двойные вин. почти исключительно являются въ болѣе древнихъ формаціяхъ аrioевропейскихъ языковъ; позже они путемъ дифференцированія вытѣсняются.

В. Вторые (предикативные) винительные (параллельные вторымъ именительнымъ).

Въ то время какъ двойные винительные представляютъ лишь сложеніе простыхъ вин. зависимыхъ, въ оборотахъ со вторыми винительными только первые винительные возводятся къ разсмотрѣннымъ вин. завис., вторые же винительные

являются аппозиціями къ нимъ, употребленными предикативно.

Предикативными аппозиціями называются такія опредѣленія, которыя означаютъ признакъ не какъ данный, существующій готовымъ въ опредѣляемомъ, а какъ дающійся, возникающій въ моментъ рѣчи. Такъ напр. *Sâvitrîm pitâ adât snušâm*—букв. отецъ далъ невѣстку Савитри: если это значить, что С. и прежде (чѣмъ была отдана) была невѣсткой, то *snušâm*—невѣстку есть простая аппозиція; если же С. дѣлается невѣсткой только послѣ того, какъ дается (признакъ возникающій), то *snušâm* есть предикативная аппозиція (въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ болѣе новыхъ языкахъ необходимо прибавить частицу *какъ* или употребить какую-нибудь замѣну втор. вин.). При перемѣнѣ оборота изъ дѣйствительнаго въ страд. второй вин., какъ аппозиція, долженъ вмѣстѣ съ первымъ вин. переходить въ именной: *Sâvitrî pitrâ dattâ snušâ, Sâv. 4, 27.*

Предикативныя аппозиціи (вторые имен. и вин.) являются при глаголахъ, означающихъ: а) дѣйствіе, б) рѣчь, в) душевное явленіе (ощущеніе, мысль, чувство, желаніе)⁸⁾.

а) *Давать, посылать, дѣлать, ставить, брать, избирать* кого (что) *чѣмъ* (какъ вообще, такъ и чрезъ какое-нибудь дѣйствіе напр. чрезъ помазаніе и т. п.).

Въ скр. При *dâ* см. выше; *dûtanî mâi prešâjâm âsa*—онъ послалъ меня вѣстникомъ; *somânaî svaganâî kṛṇuhi*—сдѣлай приготовляющаго сому голосистымъ, R. V. 1, 18, 1 а; *devaî patin varaja*—избирай бога супругомъ, Nal. 3, 23; *viçitravîrjaî râgânam abhjaśinîçan*—я помазалъ В. царемъ, Amb. 1, 6; *açobhajanta nagaram patâkâdhvagamâlinam*—украсили городъ имѣющимъ знамена и вѣнки, Nal. 25, 6

⁸⁾ Миклошичъ опредѣляетъ ихъ какъ глаголы *zu Etwas zu Machens, durch die That, durch die Rede, im Gedanken* (Vgl. Gr. 4, 388); какъ показываютъ факты, послѣдній признакъ требуетъ расширения.

(т. е. городъ сдѣлался имѣющимъ знамена и вѣн-
ки только послѣ украшенія).

Въ zendѣ *tūm zemargūzō ākerenavō*
vīsrē daēva—ты всѣхъ девоу сдѣлалъ скрыв-
шимися подъ землю, Ясна 9, 46; *dā, dath*—
дѣлать кого (что) чѣмъ, Hübsch. 194.; въ др.
персид. *Dārajavum khsajathijam akunaus*—
сдѣлалъ Дарія царемъ, Schleich, Indg. Chr.
s. 151.

Въ греч. *δίδωμι, ἵημι, πέμπω, ποιέω,*
λαμβάνω, αἰρέω, καθίστημι, Курц. § 403; *τὸν*
οἶόν ἰππέα μὲν ἐδιδάξατο ἀγαθόν—букв. воспи-
талъ его (въ) хорошаго наѣздника, Menon 93 Д.

Въ лат. *do* (*te isti virum do*—я тебя даю
ей мужемъ, какъ мужа, Andr. 295), *mitto, facio,*
creo, eligo, sumo, instituo, Шульцъ § 254.

Въ нѣм. *senden, bringen, machen, thun*
преимущественно въ болѣе древнихъ нарѣчійхъ,
Grimm s. 622—629.

Въ лит. на мѣстѣ втор. вин. является за-
мѣна его (обыкновенно твор.); но въ латыш. до
сихъ поръ употребляется второй вин. напр. *пате*
мате саву дѣлу кара-виру сатайсія—сама мать
готовитъ *воина*, т. е. воиномъ, Спрог. 274.

Въ слав. нар. второй вин. является только
въ болѣе древнихъ формаціяхъ, а изъ современ-
ныхъ нар. удерживается преимущественно въ
сербск. Mikl. 388; Потеня, Изъ зап. 2, 230—
2, Данич. Синт. 408—410.

а) Изъ болѣе частныхъ отгѣнковъ слѣдуетъ отмѣтить
здѣсь одну особенность при глаг. *дѣлать*. Предметъ, кото-
рый дѣлають *другимъ*, съ другой точки зрѣнія есть ма-
териаль, изъ котораго дѣлають другой предметъ, такъ что
дѣлать что чѣмъ—*дѣлать изъ чего что*. Отсюда объяс-
няются нѣкоторые обороты со вторымъ вин., въ которыхъ
первый вин. удобнѣе переводить аблятивомъ, а второй
оставлять объектомъ.

Въ скр. ahañpi se mialoanâe titthamittian duvvâkisalâñitti mañgalasamâlabhañâni vi-raemi = aham api asjâ mṛgaloçanâjâs tirthamṛttikâñ dârvâkisalajâni iti mangalasamâlabhañâni viracajâmi—я также (с)дѣлаю ей изъ мргалочаны, или священныхъ купалень и вѣтвей дурвы мазь, приносящую счастье, Çak. 48, 18; такъ какъ avatañsajâmi значитъ avatansâni kṛñomi—дѣлаю серьги, то сюда же относятся и такіе обороты: odañsaanti daamânâ pamadâo sirîsakusumâñ=avatansajanti dajamânâñ pramadâñ çirîsakusumâni—влюбленные дѣвушки дѣлають серьги изъ цвѣтовъ сириши, Çak. 4, 10.

Въ греч. πράττομαι ἀργύριον τοὺς παρόντας—присутствующихъ дѣлаю для себя деньгами, Курц. § 402; τί οὖν ποιήσω Ἰησοῦν—что же сдѣлаю изъ Иисуса, съ Иисусомъ Mat. 27, 22 (Отсюда грецизмъ въ Острог. Ев.: что же сътворишь Иисуса, Mikl. s. 389); въ лат. abl. quid igitur faciam Jesu, ср. quid illo facias, Terent. Heaut. 317; quid eo fecisti puero, Delbrück, Ablat. loc. s. 17, Ablativ des Stoffes.

а²) Нѣкоторые изъ относящихся сюда глаголовъ въ оборотахъ съ вторымъ вин. теряють свое конкретное значеніе и приближаются къ значенію глаг. считать, думать (ср. ниже с). Наиболѣе сходства въ этомъ отношеніи представляютъ глаголы съ значеніемъ *брать, держать, имѣть*. Такъ скр. grah—брать: te...na doñañ grahiñjati kulapatiñ—глава рода не вмѣнитъ тебѣ этого въ вину, Çak. 40, 5; греч. ἔχω, лат. habeo, нѣм. halten, haben, неммен, лит. laikyti—держатъ и считать, русск. принимать, ср. вин. 10.

б) Называть, говорить, (о комъ какъ о...), объявлять, показывать. При глаголахъ *говорить* и сродныхъ съ ними, какъ мы видѣли выше, возможенъ вин. лица, какъ перваго рода (1Bb16¹, говорить къ кому, кричать на кого), такъ и третьяго (Заа, говорить о комъ). Если при

вин. перваго рода нужно обозначить самое имя, то при этомъ возможны два случая: это имя или (b¹) остается стоящимъ внѣ грамматической связи (я говорю на него „дуракъ“), или, что бываетъ гораздо чаще, на ряду съ другими предикативными аппозиціями дѣлается вторымъ вин. (*stultum eum dico*). Если предикативная аппозиція является при вин. третьяго р., то оборотъ получаетъ такое значеніе: *я говорю о немъ какъ о глупомъ, какъ о дуракѣ*, т. е. почти тоже, что *я говорю, что онъ глупъ, дуракъ*. Подобное же значеніе предикативная аппозиція имѣетъ и при другихъ сродныхъ глаголахъ, какъ напр. *показывать, объявлять* (ср. вин. завис. 1Bb16¹).

Въ скр. b¹) именительный, стоящій внѣ граммат. связи, при глаголахъ *называть, говорить*, является довольно часто; при такомъ именительномъ обыкновенно ставится частица *iti*—такъ, соответствующая кавычкамъ европ. языковъ, напр. *jām āhuḥ sarvaṁīgaprakṛtiḥ*—которую называютъ источникомъ всякаго сѣмени, *Çak. 3, 3. b) uta naḥ subhagaṇ voṣejuḥ*—пусть называютъ насъ счастливыми, *R. V. 1, 4, 6*; это также можетъ значить „пусть они говорятъ, что мы счастливы“; *jam āhuḥ ekaruruṣaṇ—quem dicunt unicum, Urvaçî 1, 2.*

Въ зендѣ b) при *mrû aog*—называть, *Hübschm. 195.*

Въ греч. b¹) *ὄμεις φωνεῖτέ με ὁ διδάσκαλος καὶ ὁ κύριος*—вы зовете меня „учитель и господь“, *Іоан. 13, 13*; b) при глаг. *καλέω, ἐνομάζω, ἀποφαίνω.*

Въ лат. *nomino, appello, voco, dico, saluto; loquor, Holtze 272.*

Въ нѣм. b¹) *jus voreid mik laisareis jah frauja, Іоан. 13, 13, см. въ греч. b) въ*

болѣе древнихъ нар. при глаг. звать, называть, говорить, Grimm 622.

Въ лит. b¹) svėts manę tare valininkelis — свѣтъ называетъ (говоритъ на) меня „своевольникъ“, Nesselm. 180. b) на мѣстѣ второго вин. имени существительнаго является обыкновенно болѣе поздняя замѣна—твор. (Schl. Gr. s. 270); второй вин. именъ прилаг. и причастій употребляется и въ историческое время; такъ „въ литовскомъ переводѣ Библии второй вин. прилагательныхъ также обыченъ, какъ и въ древнерусскомъ“ (Потебня, Изъ зап. 2, 238); sakė tavę szokią, sakė tavę tokią—говорили тебя сякую, такую, т. е. что ты сякая, такая⁹⁾; arsaakyk mano tėveliui nuskendusį sunužytį— глаголи моему отьцу сынъ утопъшь, т. е. что сыночекъ утопъ, Nesselm. 75, (обыкновенно такое причастіе теряетъ флексію и дѣлается дѣеприч.).

Въ латыш. b) sak ožolu cītu koku—говорятъ дубъ (вин.) крѣпкимъ деревомъ, т. е. называютъ крѣпкимъ, или „говорятъ, что дубъ кр. д.“, Спрог. 233; сака мані лѣну, рāму—говорятъ меня тихую, скромную, ib. 152; причаст. Biel. § 761, 771.

Въ слав. b¹) прозваша Ольга вѣщій; zwali go „Piotr“ Потебня, Изъ зап. 2, 75; b) какъ и въ рубрикѣ а.

c¹) Ощущать (видѣть, слышать кого какимъ, т. е. что онъ...) замѣчать (α); узнавать, сознавать, думать, находить (кого какимъ), считать¹⁰⁾ (β); почи-

⁹⁾ При этомъ не слѣдуетъ предполагать никакого опущенія, какъ справедливо утверждаетъ проф. Потебня (Изъ зап. 2, 238) вопреки Шлейхеру (Lit. Gr. 263).

¹⁰⁾ Нѣкоторые изъ относящихся сюда глаголовъ получаютъ способность сочиняться со вторымъ вин. только въ переносномъ значеніи, такъ скр. гац, лат. numeto, русск. считать

татъ (γ). Сообразно съ предикативно-аппозитивнымъ значеніемъ втораго вин. такіе обороты, какъ *ṣṛṇomi, bodhami, mañje puruṣaṅ hataṅ* не значатъ я слышу, узнаю, думаю объ убитомъ человѣкѣ, но я слышу, узнаю, думаю о человѣкѣ какъ объ убитомъ, т. е. что человѣкъ убитъ.

Въ скр. α) *tuljaṅ hi lakṣaje ḡṅānan vāhukasja nalasja ča*—aequalem conspicio potitiam V—i Nalique, вижу что одинаково значеніе В. и Н. Nal. 19, 31, *bhiṣaktamaṅ tva bhiṣagaṅ ṣṛṇomi*—я слышу о тебѣ какъ о цѣлительнѣйшемъ изъ лѣкарей, т. е. что ты...., R. V. 2, 33, 2; *na bubodha hataṅ sūtaṅ sa rāgā*—царь не замѣтилъ, что возница убить (ср. въ др.р. видѣвше людье князя бѣжавша), Dṛāp. 8, 25. β) *amañjata nalan prāptam*—мнѣяше Наль пришьдъшь=думала что пришелъ Наль, Nal. 23, 18; *taṅ mene nalam*—того считала она Налемъ, ib. 5, 12; *ṣaṅkamaṅa bhartāran nalan bāhukarūṛinam*—думая (подозрѣвая), что супругъ Н. принялъ видъ Б.=считая супруга Н. принявшимъ видъ Б. ib. 23, 19; *akasmāt sahasā prāptaṅ ṣṛimantan na sma vindati*—онъ не находилъ (думалъ, считалъ) славнаго (царя) пришедшимъ безъ причины, ib. 21, 20; *mañ rak-khobhīruaṅ gaṇesi*=*mañ rakṣobhīrukaṅ gaṇajasi*—ты считаешь меня за труса предъ ракшасами, Ṣak. 30, 6; γ) *tvām.... dūtaṅ saparjati*—почитаеть тебя какъ посла, R. V. 1, 12, 8.

Въ вендѣ, α) *zarathustrem paoirim vahistem āhuirim ṣuṣṛuma ṭkaēsem*—мы слышали о З., какъ о наилучшемъ послѣдователѣ закона Агуры, s. v. ṭkaēša; *vātem hubaoidhitemem ḡigaugva*—я обоняю вѣтеръ какъ благовоннѣй-

собственно значатъ *исчислять*; скр. *vind*, лат. *invenio*, герегіо, нѣм. *finden*, рус. *находить*; *disco*—собств. вести; полагать—собств. *власть*.

шій, s. v. kudadhaja; iriçtem upaberere-thwõtarem avazanân—находятъ мертвого довольно легко несомымъ, т. е. что мертвого легко нести, s. v. upaberethwa. β) man, Hübsch. s. 195.

Въ греч. α) εἶδον αὐτοὺς πελάζοντας—увидѣли, что они приближаются, Курц. § 591; другіе прим. ib. и Havest. s. 157, 158. β) πυνθάνεται Κύρον προσελαύνοντα—узнаеть, что Киръ приближается (а не приближающагося К.), Anab. 1, 7, 16; εὐρίσκω ταύτην ἄν μόνην γενομένην τῶν μελλόντων κακῶν ἀποτροπήν—я нахожу это средство противъ предстоящихъ бѣдъ единственно возможнымъ (бывающимъ), Havest, ib. ἡγέομαι, νομίζω. γ) σὲ δ' ἔγωγε νέμω θεῖν—я почитаю тебя за бога, Electra 150.

Въ лат. α) рѣдко; обыкновенно только для означенія непосредственнаго воспріятія, напр. audiivi te dicentem, Шульцъ-Х. § 387, прим. 13; на мѣстѣ втораго вин. большею частью является i nfin. β) agnosco, cognosco, puto, arbitror, e xistimo, ducō, numero, ib. § 254

Въ нѣм. α) saihvan=sehen, hausjan=hören (Ulfil. Лук. 5, 2, 18, 36); β) bigitan—находить, Марк. 7, 30; finden, rahnjan=rechnen.

Въ лит. вмѣсто втораго вин. причастія является уже дѣеприч.; въ болѣе древнемъ: žinojei mane riaujanti,—зналъ меня жнущимъ, Mat. 25, 26.

Въ латыш. вм. втораго вин. причастія является обыкновенно дѣеприч. Потербня, Изъ зап. 2, 248; второй же вин. существительныхъ обыченъ и теперь: pazinu Madīnu raganas meitu—признаю Магдалину дочерью вѣдьмы, Спрог. 207, церей мані tāду мультюю—считаетъ меня за такую дуру, ib. 39.

Въ слав. нар. лишь въ болѣе древнихъ формаціяхъ; изъ современныхъ—въ серб. и спорадически въ другихъ нар., напр. млр. бачиш мене гожу, хорошую, Метл. 46, Пот. 238; на мѣстѣ вин. причастій, какъ въ латышско-литовскомъ, позже являются дѣеприч. Потебня 244—246; примѣры см. Mikl. 388, Данич. 408—410, Потебня 230—250.

с²) *Хотѣть кого* (что) *какимъ, чѣмъ*. Анпозиція при объектѣ глаг. *хотѣть* можетъ быть простая и предикативная. Въ первомъ случаѣ оборотъ представляетъ обыкновенное явленіе, напр. на aham ičchâmi bhîšmena gṛhîtâi tvâm—я не хочу тебя похищенной Бхишмой, т. е. которую похитилъ Бх. Amb. 3, 6. Во второмъ случаѣ признакъ, означаемый вторымъ вин., представляется не даннымъ, а возникающимъ вслѣдствіе желанія, т. е. означаетъ цѣль желанія, напр. dattam âhâram ičchâmi tvajâ—я желаю пищу данною тобою, Коссов. Çарап. 8, т. е. не данную пищу, а пищу, которая должна быть дана, желаю чтобы пища была дана тобою.

Въ скр. mâm ičchasi ġivantîm—желаешь меня живущею, живою, Nal. 17, 29 (тоже, что mâi ġivitum ičchasi—me vivere cupis, Sâv. 5, 100); ičchasi tvañ vinaçjantañ râmañ—ты хочешь гибнущаго Раму, Sitâ 51, 11, т. е. чтобы Р. погибъ; upadištam iha ičchâmi târasjam—желаю благочестіе здѣсь изученнымъ, т. е. чтобы здѣсь было изучено, Amb. 3, 44 (Bf. 9); ср. также выше dattam âhâram.....

Въ зенд. vaçen zâm raodhajâm—желаютъ землю увлажненною, т. е. чтобы была увл., s. v. raodhaja; jém âvaçemi îšâkhšathrem—котораго я хочу безграничнымъ владыкой, т. е. чтобы онъ былъ б. вл. Jaçna 29, 9, b; akhšafni khšafnîm îšemno—das Nächtliche nachtlos wünschend, Hübschm. 196.

Въ лат. hoc factum volo—я хочу это сдѣланнымъ, т. е. чтобы это было сдѣлано; hoc non dictum volo—хочу это не сказаннымъ, т. е. отказываюсь отъ своихъ словъ; patriam extinctam cupit, Cic. Шульцъ-X. § 3-8, пр. 3. ¹¹⁾).

Въ нѣм. готск. ni viljau izvis unvitans—не хочу васъ незнающими, въ греч. οὐ θέλω ὑμᾶς ἀγνοεῖν, 1 Кор. 10, 11.

Въ лит. veliczau atskirtą kuną nū duszelės—я лучше хотѣлъ бы тѣло отдѣлившимся отъ души, т. е. чтобы тѣло отд. отъ д., Nesselm. 84 ¹²⁾).

Обороты этого послѣдняго вида не пользуются большимъ распространениемъ: при глаг. *хотѣть* является обыкновенно вин. съ неопред., такъ какъ для означенія цѣли болѣе умѣстно неопред. наклоненіе, чѣмъ второй вин., ср. *вин. съ неопред.*

Вторые именительные. Если слово, къ которому относится предикативная аппозиція, является подлежащимъ, т. е. стоитъ въ именительномъ пад., въ такомъ случаѣ и предик. аппозиція также должна стоять въ именительномъ. Сюда прежде всего относятся предикативныя аппозиціи при именительныхъ, которыя являются подлежащими въ страд. оборотахъ (А), соотвѣтствующихъ тремъ главнымъ видамъ только-что рассмотрѣнныхъ дѣйствительныхъ

¹¹⁾ Въ подобныхъ оборотахъ «esse большею частію опускается» (ib.); но такъ какъ скръть и зендъ не даютъ никакого права предполагать въ подобныхъ оборотахъ опущеніе, то вѣрнѣе сказать, что infinitiv'a вспомогательнаго глаг. обыкновенно еще не бываетъ; о болѣе позднемъ появленіи inf. вспом. глаг. при вторыхъ ср. няже: *замѣны вторыхъ вин. и вин. неопред.*

¹²⁾ En pendant къ такому употребленію втораго вин. въ лит. и латыш. находимъ второй именый при глаг. *хотѣть* ся: asz velijūs tris nedeles dirbēs—я хочу себя три недѣли работающимъ (какъ *явишисѣ постѣсѣ* при *явити кою постѣмитсѣ*), латыш. vēlejšs nepinusi—я желаю себя невившею, т. е. лучше мнѣ было-бы не вить. Потербня, Изъ зап. 2, 77, 78.

оборотовъ (а, b и с). Но такъ какъ вообще кругъ оборотовъ, состоящихъ изъ подл. и сказ., гораздо шире, чѣмъ кругъ оборотовъ, состоящихъ изъ подлежащ. сказ. и прямого объекта, то отсюда уже а priori слѣдуетъ, что и кругъ употребленія предикат. аппозицій при подлежащихъ долженъ быть гораздо шире, чѣмъ при вин. объекта. Так. обр. кромѣ указанныхъ предик. аппозицій въ страд. оборотахъ сюда относятся также многочисленные случаи, когда въ предложениіи кромѣ подл. и сказ. является другой именительный, означающій признакъ, который представляется возникающимъ вмѣстѣ съ дѣйствіемъ сказуемаго (В).

Въ скр. Аa) Sāvitrī pitrā datā snuṣā mama—С. дана мнѣ отцомъ какъ невѣстка, Sāv. 4, 27. b) rāgā dharmo 'bhīdhījatē—царь называется справедливостью, Will. 191; ṣruto hitopadeṣo 'jam—эта (книга) называется Хитопадесей, Hit. 3; и т. п. В) devatā pratibhāsi me—ты кажешься мнѣ божествомъ, Sitā 52, 42 (Bf. 80).

Въ греч. и лат. А) извѣстные вторые имен. при глаголахъ *избираться, называться, казаться* и т. п. В) въ греч. сюда относятся вторые именительные причастій при глаг., означающихъ ощущеніе, чувство, обнаруженіе и нѣкот. другіе, Курц. § 591, 592, 593, 590, напр. ὄρω ἐξαρτάνων—я вижу (себя) ошибающимся =вижу, что ошибаюсь, Хен. Мет. 2, 4.

Въ лето-слав. отрасли оба рода (А и В) вторыхъ именит. очень употребительны (преимущественно въ болѣе древнихъ формаціяхъ); см. первую половину капитальнаго труда проф. Поттебни „Изъ зап. по р. гр.“ II ¹³⁾.

¹³⁾ Въ настоящемъ изслѣдованіи относительно вторыхъ имен. я ограничиваюсь лишь этими замѣчаніями и примѣрами. Подроб-

Замѣны вторыхъ винительныхъ и именительныхъ. Обороты со вторыми вин. и имен. съ точки зрѣнія точности и опредѣленности языка являются далеко неудовлетворительными: они не различаютъ формально очень важныхъ оттѣнковъ, какъ напр. *онъ не замѣтилъ, что возница убитъ* и *онъ не замѣтилъ убитаго возницы; я не хочу тебя, которая была похищена* и *я не хочу, чтобы ты была похищена* (выше с¹ и с²). Поэтому совершенно естественно то явленіе, что уже въ древнѣйшемъ языкѣ аріоевроп. отрасли—санскритѣ проявляется замѣтное стремленіе разграничить вторые вин. и имен. отъ простыхъ опредѣлений. Для такого разграниченія представлялись довольно разнообразныя средства, вытекавшія изъ свойствъ оборотовъ со вторыми вин. и имен.

1) Въ противоположность простому опредѣленію, которое означаетъ признакъ, данный въ опредѣляемомъ, и так. обр. составляетъ съ нимъ одно понятіе (ср. *добрый человекъ* и *добрякъ*), предикативныя аппозиціи означаютъ признакъ, возникающій совмѣстно съ дѣйствіемъ сказуемаго, и потому стоятъ гораздо ближе къ сказуемому, чѣмъ къ своему опредѣляемому, отчасти даже составляютъ одно понятіе съ сказуемымъ (ср. *εὐθείας ποιείτε τὰς τρίβους*—правы творите стѣз., въ лат. *complanate semitas*, ¹⁴). Сообразно съ этимъ предикативныя аппозиціи могутъ или вовсе сливаться съ сказуемымъ въ одно слово (α), или, теряя согласованіе съ своимъ опредѣляемымъ, являются при сказуемомъ въ видѣ нарѣчій (b) и непрямыхъ объектовъ (b²), соединяясь иногда даже съ предлогами (b³).

ное изложеніе вторыхъ именительныхъ нарушило бы цѣльность этого изслѣдованія и слишкомъ увеличило бы его объемъ. (Разсмотрѣніе вторыхъ именительныхъ должно войти въ составъ предполагаемаго мною изслѣдованія о типахъ предложенія въ аріоевроп. отрасли и составныхъ его частяхъ, ср. гл. I вин. 25).

¹⁴) Такъ какъ вторые именительные и вин. вслѣдствіе этого составляютъ существенную часть—сказуемыхъ, то глаголы, при которыхъ они являются, въ значительной степени теряютъ свое конкретное значеніе и приближаются къ роли глаголовъ вспомогат.

а) Въ эпическомъ (еще довольно рѣдко) и въ классическомъ (очень часто) скрѣѣ тема слова, которое должно бы стоять въ качествѣ втораго вин. или имен., принимаетъ окончаніе *î* и сливается въ одно слово съ сказуемымъ ¹⁵⁾, напр. *ijañ kathâ mām eva lakṣīkaroti*—эта рѣчь дѣлаетъ меня цѣлью, цѣлитъ въ меня, *Ṣak. 104, 3* снизу; *vāsantikāis tarubhir api devasja çāsanañ pramanīkṛtañ*—даже весенними деревьями приказаніе царя сдѣлано авторитетомъ (т. е. принято во вниманіе), *Ṣak. 78, 5*; ср. также частое сложеніе *aṅgī-kartum* (напр. *Benf. 101, 22*); *adrīkṛta*—сдѣлавшійся влажнымъ, *Косс. Çarañ. 13*; *bhasmībhavati*—дѣлается пепломъ *ib. 6*; *ekībhutas*, *Arg. 3, 29*; ср. также нѣкоторые *verba denominat.* напр. *drumajate*—онъ считается за дерево и лат. глаг. *calefacio*, *terefacio*.

б) нарѣчія на *sāt, ças, vat*: *te pitarañ bhasmasāt kariṣjāmi*—отца твоего превращу въ пепель, *Раіч. Vf. 110, 8*; *khañḍaças kṛtaḥ*—разорванъ въ куски, *ib. 120, 9*; *khañḍaço bhaviṣjasi*—превратишься въ куски, *ib. 125, 16*. *Kar' cum vocibus in adverbium v at exeuntibus: putare, aestimare, rāgjañ tṛṇavat kṛtvā* (*Ворр, s. v. kar*)—цѣня царство какъ траву. При глаг. *man*—считать *laghu* и *bahu* остаются безъ измѣненія, какъ нарѣчія, напр..... *çajanam laghu manjante*—низко цѣнятъ ложе (собств. думаютъ легко). *Раіч. Vf. 101, 18*; *bahu man*—высоко цѣнить, *Kathā. 5, 27*.

б²а) мстный: *asja duṣkhasja ça utpattāu bhīsmam eva iha manjate*—она считаетъ здѣсь причиною несчастія именно Бхишму, *Amb. 5, 27*; *gīvatsu gañ*—считать жи-

¹⁵⁾ Что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ не одно только графическое вліяніе, а дѣйствительное соединеніе въ одно слово, очевидно изъ того, что дѣепричастія такихъ глаголовъ оканчиваются на *ja*, а не на *tva* (что бываетъ только въ глаг. сложныхъ, Шерцль, *Скр. гр. § 190*), напр. *aksinī ākulīkṛtja*—сдѣлавши глаза мутными, *Ṣak. 21, 15*, формы на *î* темнаго происхожденія; не представляютъ ли они именительнаго пад. муж. р. прилагат. на *in*, застывшего въ нарѣчіе?

вымъ, собств. въ живыхъ, Hitop. ср. въ греч. λεγόμενος ἐν τοῖς ἀρίστοις Персῶν—считающійся лучшимъ (храбрѣйшимъ) изъ Персовъ, собств. между лучшими, Anab. 1, 6, 1; mantrivte kartum—дѣлать министромъ, Kathā. 4, 117.

b²3) творит. pariḥāsaviḡalpitaṅ paramārthena na grhjatāṅ vaśah—рѣчь, сказанная въ шутку, да не будетъ принята, считаема серьезною, Śak. 30, 17; ahiṅṅānasaundalan ṅātaaṅ paoeṅa adhikarīadu=abhignanaçakuntalaṅ nātaṅ prajogeṅa adhikrījatām—драма Сякунтала да будетъ сдѣлана предметомъ представленія, ib. 4, 15; въ зенд. ujamna anujamnāis daçta—machtet das mangelnde zu nicht mangelnden s. v. anujamna. Этихъ трехъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, что зачатки столь распространеннаго лето-славянскаго твор. предикативнаго существовали въ скртѣ и зендѣ.

b³) косвенные пад. съ предлогами: tām... tvaṅ snu-ṣārthaṅ grhāṅa—прими ее въ невѣстку, собств. для невѣстки, за невѣстку, Śāv. 3, 8; çiśjārthe pradadāu—далъ (его) ученикомъ, Amb. 22, 61 (Bf, 62); въ зендѣ: ārem āi anārem kereṅaoti—воду въ безводность творить, s. v. āi; ср. косвенные пад. съ предл. eis, гот. du (=nhd. zu), für, слав. за, съ на мѣстѣ вторыхъ вин. и имен. ¹⁶⁾.

2) Такъ какъ вторые вин. и имен. имѣютъ предикативное значеніе и так. обр. близки къ роли сказуемыхъ, то для отличія ихъ отъ простыхъ опредѣленій достаточно было прибавить къ нимъ слова, которыя явственнно указывали бы ихъ предикативное значеніе, приближая ихъ къ роли полусамостоятельныхъ предложеній; такими словами являются союзы съ значеніемъ какъ (а) и причастія глаголовъ, означающихъ бытіе (b)—

¹⁶⁾ Ср. гл. II независим. вин. отношенія В². Къ этому же виду замѣнъ вторыхъ им. и вин. (хотя и съ нѣкоторою особенностью) принадлежатъ германо-лето-славянскіе обороты типа «что за...», см. мою ст. «оборотъ что за... и сродные съ нимъ», Филолог. Зап. 1879 г. вып. II.

особенно употребительно въ лит. Γινώσκω ἀγαθὸς ὄντας τοῖς στρατιώταις τοὺς ἀγῶνας—я знаю, что состязанія полезны для воиновъ, собств. я знаю о состязаніяхъ, какъ о бывающихъ полезными для в.; οἶδα ἄνθρωπον θνητὸν ὄντα—вѣмъ чловѣкъ сѣмьртнь сжштъ; οἶδα θνητός ὢν—знаю, что я смертенъ, Кюнерь Греч. гр. § 175, 2; цсл вѣдѣхъ Христа самого сжшта—ἤδεισαν τὸν Χριστὸν αὐτὸν εἶναι, Лука 4, 41 (ср. ниже лит.), Mikl. 394¹⁸⁾, вѣдяше духъ Богъ сжштъ, дпр. видячи его болна суца, Ипат. 214,

¹⁸⁾ Въ объясненіе этого оборота Миклошичъ говоритъ: «Въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто неопред. склоненія является причастіе, слѣдуетъ дополнять (supplieren) неопред. *быти*» Mikl. 394. При такомъ объясненіи мы должны предполагать такіе неслыханные болѣе древніе обороты, какъ οἶδα ἄνθρωπον θνητὸν ὄντα εἶναι = вѣмъ чловѣкъ (а) сѣмьртнь (а) сжштъ (а) быти. Между тѣмъ скртъ и зендъ не только такихъ оборотовъ не представляютъ, но въ нихъ ко вторымъ вин. не прибавляются вовсе ни причастіе, ни inf. существительнаго глагола: въ скртѣ еще нѣтъ того различія, какое является въ лат. оборотахъ: dico, puto te celereг и dico, puto te celereг esse; тому и другому и лат. обороту въ скртѣ соотвѣтствуетъ оборотъ со вторымъ вин. bravimi manje tvam аsum. Это указываетъ на то, что обороты со вторыми вин. болѣе первоначальны, чѣмъ ихъ усложненія. Объясненіе Миклошича, проведенное послѣдовательно, повело бы 1) почти къ полному отрицанію вторыхъ вин. и 2) къ предположенію опущенія infin. существ. глагола даже тамъ, гдѣ его еще никто не предполагалъ, и гдѣ такое предположеніе совершенно излишне. Такъ въ оборотахъ: dico, declaro, puto, agnosco (и т. п.) te celereг мы должны бы предполагать опущеніе esse и так. обр. отнести всѣ подобные обороты къ accus. cum infin. 3) Такъ какъ на мѣстѣ перваго вин. при нѣкоторыхъ verba sentiendi можетъ стоять род. и съ этимъ род. должно согласоваться, какъ анпозиція, причастіе. то и при род. причастія нужно было бы предполагать опущеніе inf., напр. ἤκούσαμεν αὐτοῦ λέγοντος, Марк. 14, 58 = слышавомъ ѿ глаголющъ, Острож. въ лат. audivimus eum dicentem; въ лит. tu ne girdėsi seseliu dainojenczū—ты не слышиши сестрицъ дайнующихъ т. е. поющихъ (род. при отрицаніи), Nesselm. 207.

Потебня, Изъ зап. 2, 249, 250; лит. žinojo jį Kristų ėsan-
tį, Лука 4, 41, см. также Потебня ib. 251 и 46. Прича-
стіе часто теряетъ въ лит. согласованіе и дѣлается дѣепри-
частіемъ jus ką sakot manę ėsant, букв. кого глаголете
мене сжштъ, Мат. 16, 15.

Въ лат. почти всегда, въ греч. большею частью на
мѣстѣ такого причастія является неопред. накл., т. е.
вмѣсто вин. съ прич. является одинъ изъ видовъ вин. съ
неопред., къ объясненію которыхъ мы и должны теперь
перейти.

СРЕДНЕБОЛГАРСКИЙ СЛУЖЕБНИКЪ 1532 г.

Опытъ палеографико-глоттологическаго изслѣдованія.

(Окончаніе.)

Особенности въ лексическомъ составѣ.

Въ разсматриваемомъ памятникѣ нерѣдко встрѣчаются слова, отличающіяся или оригинальностью своей конструкціи, или отступленіемъ отъ формъ тѣхъ же словъ въ другихъ памятникахъ, часто даже своею неудобопонятностью и т. п. Мы приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ словъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они находятся въ рукописи, съ указаніемъ контекста, содержащаго эти слова. При объясненіи этихъ словъ главнымъ руководствомъ для насъ служилъ

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ Отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ С.П.В. 1847.

анаѠемиса — проклялъ, произпесъ анаѠему: самъ секе
анаѠемиса (72).

архїерарха: — иже въ стѣхъ ѡца илшего архїерарха и ѡю-
творца никола (150).

блгостинныи — благий: гн въсѣхъ творуе и вѣко, истоуни-
уе блгостинныи (82).

бытенстыи: — и спѡки и въкрѣма блгопѣкно, бани пакы
бытѣнстыи, т. е. пакы кытїи, какъ встрѣчается это со-
четаніе словъ въ исправленномъ славянскомъ переводѣ Би-
блии и богослужебныхъ книгъ. Въ данномъ примѣрѣ обра-
щаетъ на себя вниманіе оригинальность производства отъ
существительнаго бытїе прилагательнаго бытенскы(и), отъ

котораго родит. (?) падежъ единств. числа ж. р. будетъ бытеистыи. Кроме того, въ контекстѣ замѣчается неправильная интерпункція: дополненіе отдѣлено запятою отъ дополняемаго.

БѢЛѢЗНИИЕМЪ (89): — елма ниже илшими бѣлгыими, ниже бѢЛѢЗНИИЕМЪ БЛИЖШИИМИ ЛУШІИ БЫХОМЪ

ВЪЗЛОУДОВА: — непокнаа възлоудова (73).

Лудъ — безумный, глупый, шальной. Слов. Берн., Сл. Ак. Наукъ т. II, стр. 266.

ВЪНАПРАТЬ — на напертя: илѣикшесъсѣ. и постави вънапратъ. итворѣ иереи блвеніе (144).

ДѢТЪЛИ: — дѣбзкъсъскоа иепрѣмзѣныа дѣтѣли пѣще с (вино) слави текъ (70).

Дѣтель — дѣло, дѣйствіе: всяко озлобленіе претерпѣвая, добрыя дѣтели якоже оиміамъ благовоненъ и жертву благопріятну Богу принеслъ еси. Мин. мѣс. Мая 14. Сл. Ак. Наукъ I, 386.

Елма — примѣры см. выше. Елма — когда уже. Сл. Ак. Наукъ I, 394.

испоганикъшѣса: — **М** отроуицоуѣвръгшѣ. испоганикъшѣса. и клѣцоуѣса (83). испоганитиса отъ лат. слова *paganus* (которое сначала имѣло значеніе: деревенскій житель, поселянинъ, мужикъ, впоследствии, когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею въ греко-римской имперіи, а язычество пріютилось только въ деревняхъ и вообще захолустьяхъ, стало употребляться въ значеніи язычникъ) значить: стать язычникомъ = сдѣлаться нечистымъ. Въ первомъ изъ этихъ двухъ значеній разсматриваемое слово употреблено въ цитованномъ мѣстѣ нашей рукописи, какъ видно изъ содержанія молитвы, въ надписаніи которой поставлено это слово. Для опредѣленія его

значенія здѣсь особенно важна слѣдующая фраза: прѣими ра-
ка своего къ щедротѣ бѣимъ притѣкающаго. и прѣиша оу-
ко изъ юности правыя и непорочныя теквѣтъры, стѣкр-
щѣнѣемъ. ѿпаша же ѿ сѣе младенство къзвращающа же
нѣтъ Въ Россіи слово raganus явилось со времени вве-
денія христіанства и также сначала употреблялось въ зна-
ченіи: язычникъ, языческій, принявъ форму пога-
ннѣй, по общему закону, требующему перемѣны гласнаго а
на о въ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ славянскіе
языки (ср. σατανᾶς — сатана въ Остр. Ев.). Въ настоя-
щее время слово поганнѣй употребляется въ русскихъ
говорахъ въ значеніи: — нечистѣй.

истицѣнѣ — истеченіе: своѣ тѣло сътвори истицѣнѣ (73).

ласкрѣсѣкова (73). Слово это употреблено при перечи-
сленіи различныхъ грѣховъ. *Ласкрѣсѣковать* есть
сокращеніе слова: ласкосердѣствовать — предаваться нѣгѣ,
сластолюбовствовать: — Спашѣи на одрѣхъ отъ костей
слоновыхъ и ласкосердѣствующи на постеляхъ своихъ,
Амос. 6, 4. Сл. Ак. Наукъ I, 276.

многаци (152) — многожды, много разъ.

мѣнилъ: — ни мѣнилъ есмь даѣи никомѣ что лико (100).

Мѣнилъ отъ мѣнити, мѣнити — значитъ: вздумалъ,
рѣшился.

мѣросажѣе — обходѣ црѣковъ мѣросажѣе (123).

мѣросати — мазати мѣромъ.

напасткованны: — може напасткованны помощи (148).

Напасткованный: — подверженный несчастіямъ, бѣ-
дамъ: напасткованъ и различно искушенъ бывъ, муче-
нице Христовъ Евстафѣе, и ко свидѣтельства теклъ
еси тризницу. Мин. мѣс. Сент. 20. Сл. Ак. Наукъ
II, 328.

нж (74; 89) — но.

обавляіе: — къ уародѣнїа и влѣхѣ и отровнїко и тво-
раційнѣмъ обавнїа сѣмѣсїа (72—73).

Обаваніе — заговариваніе, колдованіе. Сл. Ак. Н. Ш, 1.
оновыи (91) — оныхъ.

оцѣстилище (146) — очищалище.

оцѣшенїе (94) — очищенїе.

палежа: — ѳгньнаго палежа. и горькаго пѣненїа же и
поракоченїа выш'ши (sic) показавъ (92).

Палежъ — костеръ. Сл. Ак. Н. Ш, 156.

паствїти: — поржуенижъ паствж паствїти доврѣ (100).

Паствїти — пасти стадо. Сл. Ак. Н. Ш, 162.

побнїка: — сѣтвори быти побнїка истинномоу пасты-
роу (61).

Подобнїкъ — поступающій подобно другому. Сл. Ак. Н.
Ш, 267.

попльзжтїе (75) — поползновенїе.

скровнѣ мѣстѣ: — поставлѣжъ в'прїборѣ на деснои страиѣ
скамь. и въскровнѣ мѣстѣ (98).

Въ скровнѣ мѣстѣ — въ тайномъ мѣстѣ.

скїптро — скипетръ: дажъ въ десницѣ смъ скїптро
спсенїа (64).

стѣмж — носѣ стемж на глакѣ своен (65).

Стема есть греч. слово *στέμμα* (или *στέλμα*) [отъ
глагола *στέρω*] — *velamentum, infula, mitra, corona.*
Lexic. Hederic. Petropoli. 1834, pag. 952.

трици — трижды (ср. выше многоци): знаменлетъ его
трици (85).

тимѣніе клаткы:—сын незлобивъ, спобивъ прѣзрѣти въ
 нашіи въ тимѣніе клаткы. ѿпоустѣ семоу раку тво-
 емъ имъ, кляншоу дръзостѣж (75).

Тимѣніе означаетъ обыкновенно тинистое мѣсто, бо-
 лото, топь; напр.: углѣбохъ въ тимѣніи глубины, и
 нѣсть постоянія. Пс. 68, 3. Сл. Ак. Н. III. 280.
 Какое значеніе имѣеть это слово въ приведенномъ
 мѣстѣ разбираемой рукописи, опредѣленно сказать
 трудно.

ююевствѣное — чувственное, чувствующее:

дѣежъ ѣмножъ и ѿбръзомъ свои бжтвны поуѣ. въсе
 ююевствѣное създаніе (91).

До сихъ поръ мы анализировали памятникъ, подле-
 жащій нашему разсмотрѣнію. Теперь отъ анализа перей-
 демъ къ синтезу и попытаемся полученные путемъ анали-
 тическимъ данныя обнять въ ихъ общности, въ цѣломъ.
 Разумѣется, полный и въ собственномъ смыслѣ синтезъ из-
 ложенныхъ особенностей памятника представляетъ самый
 памятникъ. Но можно дать отвлеченный синтезъ характе-
 ристическихъ чертъ памятника, подводя отдѣльныя част-
 ности подъ нѣкоторыя общія положенія. Такой синтезъ, да-
 вая законченное представленіе о памятникѣ, не можетъ,
 однако же, съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать это представленіе на-
 гляднымъ. Чтобы достигнуть, по возможности, и той и
 другой цѣли, мы постараемся синтезировать характери-
 стическія особенности памятника двоякимъ образомъ: 1) *in*
concreto и 2) *in abstracto*. Взятый наудачу отрывокъ изъ
 рукописи даетъ наглядное представленіе о ея особенностяхъ,
 какъ въ отношеніи глоттологическомъ, такъ и въ собствен-
 но палеографическомъ отношеніи. Но характеръ всякаго
 предмета можно понять только посредствомъ опредѣленія

его отношенія къ другимъ предметамъ того же рода, путемъ сравненія съ однородными предметами. Поэтому, чтобы особенности разсмотрѣннаго памятника могли выступить рельефнѣе, мы считаемъ нужнымъ представить переводъ нижеприведеннаго отрывка рукописи на древне-церковно-славянскій языкъ, приблизительно къ тому его состоянію, въ какомъ онъ является намъ въ Остромировомъ Евангеліи.

При этомъ мы приводимъ отрывокъ рукописи такъ, какъ онъ находится въ ней, т. е. съ тѣмъ же переносомъ словъ, съ тѣми же надстрочными знаками и интерпункціей, съ тѣмъ же раздѣленіемъ словъ и пр.

Текстъ рукописи на лиц. и оборот. стор. 108 листа.

аѿлъ къ ѳвреѡ посланіе стго

Братіе, стѧ нѣ ѡсѣлемѣи
 ѡ єдїного вѣсн. ѳже ра^а
 винѣ, нестыдѣтса братї
 а тѣ нарицати. глѧ. въ
 звѣщѣ иматвоє брати
 моєи. посрѣ црѣкве вѣспож
 та. и пакѣ, ѧзь бждѣ надѣ
 аса нанѣ. и пакѣ сѣ ѧзь
 идѣти ѧжеми да бѣ. понѣ
 оубодѣти приѡещишжса
 пакѣи и крѣви. и тѣ прии^ѣ
 скрънопрнѡѡстїсатѣ. да
 сѣ мрѣтїж оупрѡзїи дрѣжа
 вѣ и мацагосѣмрѣти, сї ра^а. ²⁶⁾
 дѣвола. и и зѣмѣнѣт сї хѣ.
 ѣлицѣ страхѡ сѣмрѣти вѣ

сегдѣ жити, покиньны бѣ
 хж рѣкоть. не ѿѣгъль бѣ ко
 гдѣ пріемлѣ. н ж ѿ сѣ менеѣ
 враамѣ пріемлѣ. ѿн ж дѣ
 длъ жень бѣ по вѣсѣмоу бра
 тиоу покинути. да мати вѣбѣж
 ден вѣренъ прѣвосѣенникъ
 ѣже къ коуѣже оуѣсти ти
 грѣхы людѣ. имже бѣ по
 страдасѣ искоушенъ бѣвъ
 моужѣ и напаствоуанни по
 мощи.

Переводъ на древне-церковно-славянскій языкъ.

Посл. къ Евреямъ 2 гл. 11—18 ст.

братіе, скатаи и оскаштаемни отъ юдиногѣ вѣси,
 ѣже рди кинѣ нестыдѣтѣса (въ Зографскомъ Евангеліи
 было бы написано нестыдѣтѣса *) братіеж тѣхъ нари-
 цати, галгома: „вѣзвѣштѣж (въ Зогр. Ев. было бы вѣзвѣштѣж)
 има твоѣ братіи моѣи, посрѣдѣ црѣкѣе (црѣкѣе) вѣ-
 спож та“. и пакты: „азъ бѣждъ надѣясѣ на нѣ“. и пакты:
 „се азъ и дѣти, ѣже ми дастъ (далъ ѣсть) богъ“. по-
 неже оуко дѣти приобѣштишасѣ пѣти и крѣе, и
 тѣ приискрѣно приуастисѣ тѣмъ, да смъртиѣж оупраз-
 нить [оупразднѣтъ] (въ Зогр. Ев. было бы оупразднѣтъ
 или оупразднѣтъ) дрѣжакѣж (дрѣжакѣж) имѣштаго смър-
 ти (смърѣти) сирѣуѣ. дивкола, и измѣнить сѣхъ, ѣлицѣ
 страхомъ смърѣти вѣсегдѣ жити (въ новыхъ печатныхъ

*) Какъ здѣсь, такъ и ниже въ другихъ мѣстахъ, за неимѣ-
 ніемъ глаголитскаго шрифта, не могутъ быть помѣщены приводимыя
 въ текстѣ слова глаголитскими буквами.

изданіяхъ Библіи вмѣсто послѣднихъ двухъ словъ стоятъ слова: урезъ, все житіе) повинни бѣдахъ работъ. не отъ аггелъ бо когда (къгда) приемлютъ (принемлютъ), нѣ отъ сѣмене авраамла приемлютъ. отъиждоуже длѣжнѣ бѣ по въсемоу братин оуподобитиса. да милостивѣ бждеть (въ Зогр. Ев. было бы бждеть) и кѣрнѣ прѣвоскаштенникъ (прѣвоскаштенникъ) иже къ богоу, иже оунстити грѣхы людѣмъ. иже бо пострада самѣ, искоушенѣ быкъ, можетъ (можетъ) илпасткованымъ помощи (въ печатномъ изданіи Библіи вм. слова илпасткованымъ поставлено исквшлемымъ).

Заглавіе этого отрывка, а равно и большая буква в писаны киноварью. Въ заглавіи писецъ не дописалъ словъ: алла пакла. Приведенный отрывокъ ясно и наглядно показываетъ, какими особенностями отличается нашъ памятникъ въ палеографическомъ отношеніи; изъ него отчасти можно видѣть и главнѣйшія глоттологическія его особенности. Но характерныя черты нашего памятника обнаружатся еще сильнѣе, если мы сравнимъ приведенный отрывокъ рукописи съ прилагаемымъ переводомъ на древне-церковно-славянскій языкъ. Въ этомъ переводѣ относительно интерпункціи и раздѣленія словъ мы слѣдуемъ теперь принятому обычаю. Наконецъ, считаемъ нужнымъ прибавить, что въ данномъ случаѣ подъ именемъ древне-церковно-славянскаго языка мы разумѣемъ то нарѣчіе, которое разсматривается въ грамматикахъ старо-славянскаго языка.

Разумѣется, изъ одного и притомъ такого небольшаго отрывка рукописи нельзя видѣть всѣхъ главныхъ особенностей памятника. Этотъ пробѣлъ можетъ быть восполненъ абстрактнымъ синтезомъ, который покажетъ, какое общее впечатлѣніе производитъ на читателя разобранный памятникъ. Обобщая данныя, изложенныя нами при анализѣ рукописи, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Какъ языкъ, такъ и графика рукописи не отличаются тою устойчивостью, послѣдовательностью и строгимъ проведеніемъ опредѣленныхъ началъ (принциповъ), какими характеризуются такъ называемые паннонскіе памятники, а также древнѣйшіе памятники русской редакціи.

Въ разсмотрѣнномъ памятникѣ начертанія буквъ и формы языка употребляются часто смѣшанно. Въ одномъ случаѣ поставлено извѣстное начертаніе для обозначенія какого либо звука, въ другомъ такомъ же случаѣ—иное. Такъ, по видимому, нѣтъ никакого постоянства и правильности въ употребленіи знаковъ носовыхъ гласныхъ, еровъ, йотированныхъ и нейотированныхъ гласныхъ.

Тоже самое нужно сказать и о формахъ языка. Древнія формы употребляются въ перемежку съ позднѣйшими. Часто на одной и той же страницѣ одно и тоже слово написано то въ древней, то въ позднѣйшей формѣ. Вообще главною отличительною чертою, характеризующею разобраннѣйшій памятникъ, служитъ смѣшеніе, непослѣдовательность въ употребленіи элементовъ графики и формъ языка. Это смѣшеніе объясняется, конечно, тѣмъ, что при списываніи съ оригинала рукописи писецъ находился подъ вліяніемъ живаго, современнаго ему говора. Отсюда отраженія (рефлексы) болѣе древняго состоянія языка не рѣдко уступаютъ мѣсто явленіямъ, принадлежащимъ къ позднѣйшей формациі языка; наоборотъ, эти послѣднія переимѣшиваются съ остатками древнѣйшаго состоянія языка, съ его, такъ сказать, окаменѣlostями, съ различными рудиментарными принадлежностями, которыя уже не имѣютъ функцій въ живомъ организмѣ языка. Если Максъ Мюллеръ сравниваетъ развитіе языка съ наслоеніемъ земной коры²⁷⁾, то памятники письменности, насколько они отражаютъ на себѣ прошлую жизнь языка, можно сравнить съ пластами земной коры, принадлежащими къ различнымъ геологическимъ формациямъ. Продолжая это сравненіе, мы позволимъ себѣ назвать разобраннѣйшій нами памятникъ продуктомъ переход-

ной формаціи, потому что въ немъ еще отражается древній слой языка, и въ то же время въ очень значительной степени даетъ себя чувствовать вліяніе живаго говора, на которомъ говорилъ писецъ. Но такое смѣшеніе было бы не объяснимо, если бы между языкомъ оригинала, съ котораго списана наша рукопись, и языкомъ живымъ, на которомъ говорилъ писецъ, не чувствовалось еще близкаго сходства, связи. Вѣдь смѣшивать можно только вещи сходныя между собою въ какомъ нибудь отношеніи, похожія одна на другую. Такимъ образомъ тотъ періодъ развитія языка, къ которому относится разобранный нами памятникъ, былъ переходнымъ періодомъ, такъ какъ въ это время еще чувствовалась живая связь между древнимъ состоящимъ языка и новымъ его видоизмѣненіемъ т. е. тѣмъ живымъ діалектомъ, на которомъ говорилъ писецъ. Именно, по всѣмъ признакамъ, нашъ памятникъ относится къ средне-болгарскимъ памятникамъ, слѣдовательно къ переходной эпохѣ въ развитіи болгарскаго языка. Мы постараемся доказать это положеніе. Но прежде всего остановимся на самомъ названіи: средне-болгарскій. Билярскій относитъ къ средне-болгарскимъ памятникамъ такія произведенія, которыя, еще не потерявъ свойствъ древняго языка, въ то же время представляютъ опредѣленные особенности своего времени и посредствомъ ихъ примыкаютъ къ позднѣйшему состоянію болгарскаго языка ²⁸). О томъ же названіи Лескинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Я не знаю, что можно возразить противъ выраженія „средне-болгарскій“. Принявъ даже за вѣрное, что древне-церковно-славянскій языкъ не есть „древне-болгарскій“, все-таки выраженіе „средне-болгарскій“ можно употреблять въ противоположность выраженію „ново-болгарскій“; собственно „древне-болгарскаго“ мы въ такомъ случаѣ не могли бы знать, вслѣдствіе недостатка въ памятникахъ (aus Mangel an Ueberlieferung)“ ²⁹).

Для доказательства того положенія, что разобранный

памятникъ принадлежитъ къ средне-болгарскимъ, мы возьмемъ только тѣ особенности его, которыя относятся къ области вокализма. ³⁰⁾

Прежде всего остановимся на знакахъ ѣ и ѣ, слѣдуя тому порядку, въ какомъ разсматриваетъ элементы средне-болгарскаго вокализма Билярскій

Въ среднеболгарскихъ памятникахъ ѣ и ѣ часто пропущены въ срединѣ словъ безъ всякой замѣны. Напр. *изгнаніе, послати, растати* ³¹⁾. Тоже самое замѣчается и въ нашемъ памятникѣ: множество (90), жителства (65), положшаго (61). Далѣе, въ средне-болгарскихъ памятникахъ ѣ и ѣ постоянно смѣшиваются между собою, и очень часто одинъ знакъ ставится вмѣсто другаго какъ въ корняхъ съ однимъ согласнымъ, такъ и въ особенности при сочетаніяхъ л и р съ предшествующимъ согласнымъ ³²⁾. Подобное же смѣшеніе замѣчается и въ нашемъ памятникѣ (см. выше стр. 12. sq.). Это смѣшеніе можно объяснить тѣмъ, что въ средне-болгарскомъ (и въ новомъ болгарскомъ) нарѣчій древне-славянскія (предполагаемыя древне-болгарскія) краткое у (ѣ) и краткое и (ѣ) частію совсѣмъ не произносились, напр. въ словахъ:

приуѣтъ (97), приуѣтеноу (97),

частію же замѣнялись неопредѣленнымъ гласнымъ, который на письмѣ можно было обозначить какъ тѣмъ, такъ и другимъ знакомъ, напр. въ словахъ:

дждъ (94), лѣстѣж (82).

Что же касается до смѣшенія знаковъ краткихъ гласныхъ (ѣ и ѣ) при сочетаніяхъ л и р съ предшествующимъ согласнымъ, то оно лучше всего можетъ быть объяснено такимъ образомъ, что въ этихъ случаяхъ л и р имѣютъ вокальный характеръ, т. е. самостоятельно, безъ помощи гласнаго, образуютъ слогъ. Такая вокализация л и р существуетъ въ ново-болгарскомъ и въ нѣкоторыхъ дру-

гихъ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ, также въ чешскомъ. При вокализованныхъ л и р знаки краткихъ гласныхъ ставились для того, чтобы означить, что сочетаніе этихъ согласныхъ съ предшествующимъ согласнымъ составляетъ особый слогъ. Для этой цѣли безразлично могъ быть употребленъ какъ тотъ, такъ и другой знакъ, а потому смѣшаніе ихъ въ такихъ случаяхъ вполне естественно и понятно.

Въ средне-болгарскихъ памятникахъ ѣ часто уступаетъ свое мѣсто ѣ на концѣ словъ, напр. въ словахъ: **вєсь**, **квєсть**, **камєнь**³³). Такая замѣна имѣетъ мѣсто во многихъ словахъ и въ нашемъ памятникѣ: **аминь** (74), **здєсь** (16). Для обозначенія гласнаго выговора знаковъ ѣ и ѣ въ отличіе отъ безгласнаго въ нашемъ памятникѣ, какъ и въ другихъ средне-болгарскихъ памятникахъ, употребляется особый надстрочный знакъ ("): **сѣ"** (4), **тѣ"** (66), ср. въ лѣтописи Манассія **тѣ"**, **кѣ"**, **сѣ"**³⁴). Этотъ же знакъ ставится нерѣдко, какъ въ нашемъ памятникѣ, такъ и въ разобранной Билярскимъ лѣтописи Манассія, надъ начертаніями гласныхъ въ односложныхъ словахъ: **є"** (3), **мы"** (89), **си"** (99), **ты"** (82), **ты"**³⁵), **нж"**³⁶).

Последній изъ представленныхъ признаковъ, конечно, самъ по себѣ не важенъ, но вмѣстѣ съ другими и онъ получаетъ нѣкоторое значеніе. Гораздо болѣе важнымъ основаніемъ для отнесенія разобраннаго памятника къ числу средне-болгарскихъ служить употребленіе въ немъ юсовъ смѣшаннымъ образомъ: въ средне-болгарскихъ памятникахъ, какъ извѣстно, знаки носовыхъ гласныхъ (л, ж) смѣшиваются между собою³⁷). Впрочемъ, по замѣчанію Лескина, о смѣшеніи ихъ можно говорить только выходя изъ предположенія о древне-болгарскомъ нарѣчій, какъ томъ нарѣчій, на которомъ написаны древне-церковно-славянскіе памятники; напротивъ, въ средне-болгарскихъ памятникахъ употребленіе юсовъ подчинено особымъ правиламъ, и не представляетъ безпорядочнаго явленія, состоящаго въ томъ,

что писецъ ставилъ извѣстные знаки на удачу, гдѣ попадо³⁸). Къ числу такихъ правилъ относятся напр. слѣд. обобщенія. Послѣ знаковъ согласныхъ: л, м, н, р, д, т, з, в, п въ коренныхъ слогахъ постоянно сохраняется тотъ же юсъ, какой имѣется въ этомъ мѣстѣ въ памятникахъ древне-церковно-славянскаго языка³⁹). Это обобщеніе относится собственно къ лѣтописи Манассія, но и въ разобраннымъ нами памятникѣ мы не замѣтили случаевъ отступленія отъ этого правила^{*}). Эта правильность доказываетъ, по мнѣнію Виларскаго⁴⁰), что въ означенныхъ случаяхъ юсы были отличаемы одинъ отъ другаго въ произношеніи. Послѣ ж, ш, шт въ лѣтописи Манассія ставится то ж, то л, какъ бы безъ различія, но при болѣе внимательномъ наблюденіи открывається, что въ однихъ случаяхъ предпочтительнѣе является ж, въ другихъ л; напр. въ причастіяхъ послѣ этихъ согласныхъ пишется большею частію ж вм. л⁴¹). Тоже самое замѣчается и въ нашемъ памятникѣ. Послѣ согласнаго ј въ отрывкѣ Тырновскаго Евангелія, опубликованнаго проф. Срезневскимъ⁴²) и относящагося къ 1273 году, и въ лѣтописи Манассія, юсы употребляются безъ различія⁴³). Тоже нужно сказать и о нашемъ памятникѣ.

Переходимъ теперь къ другой также очень важной примѣтѣ, по которой разобранныя рукописи должны быть отнесены къ средне-болгарскимъ памятникамъ. Эта примѣта есть употребленіе ѣ вм. а.

Въ средне-болгарскихъ памятникахъ послѣ согласныхъ буквъ и очень часто замѣняется чрезъ ѣ, но только именно послѣ согласныхъ, что составляетъ особенность болгар-

А ѣмщаго въ приведенномъ выше большемъ отрывкѣ изъ разбираемой рукописи?

скихъ памятниковъ, которою они отличаются отъ памятниковъ сербской редакціи, въ которыхъ ѣ (или е) замѣняетъ и всюду, не только послѣ согласныхъ, но и послѣ гласныхъ и даже въ началѣ словъ, напр. ѣко, ѣкисе ⁴¹).

Изъ болгарскихъ памятниковъ только очень немногіе допускаютъ употребленіе ѣ вм. и послѣ гласныхъ; къ такимъ памятникамъ относится напр. Хиландарскій Паремейникъ Григоровича, принадлежащій ко второй половинѣ XIV столѣтія ⁴⁵). Въ разобранной нами рукописи ѣ очень часто ставится вм. и, но всегда только послѣ согласныхъ; въ началѣ словъ такой замѣны нѣтъ, напр. пишется ико (3, 4, 4, 5, 6, 6, и др.), а не ѣко. Случаи замѣны и чрезъ ѣ въ нашемъ памятникѣ почти тѣже самые, какіе указаны Виларскимъ относительно лѣтописи Манассія ⁴⁶); поэтому было бы излишне исчислять ихъ здѣсь.

Буква е въ нашемъ памятникѣ, также какъ и въ лѣтописи Манассія ⁴⁷), имѣетъ два начертанія: е и Є. Первое употребляется въ срединѣ словъ (въ лѣтописи Манассія только послѣ согласныхъ), второе же въ началѣ словъ (а въ лѣтописи Манассія и въ срединѣ послѣ гласныхъ). Относительно этого явленія, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Виларскаго, который говоритъ, что „въ двухъ начертаніяхъ е напрасно было бы искать фонетическаго различія между чистымъ и йотированнымъ е“ ⁴⁸). Нашъ памятникъ даетъ рѣшительное доказательство въ пользу этого мнѣнія, такъ какъ въ немъ въ срединѣ словъ, какъ послѣ согласныхъ, такъ и послѣ гласныхъ, ставится одно и тоже начертаніе буквы е; между тѣмъ, если бы писецъ хотѣлъ отличить йотированное произношеніе буквы е отъ чистаго, то онъ послѣ гласныхъ въ срединѣ словъ ставилъ бы тоже самое начертаніе буквы е, какое ставитъ въ началѣ, а этого нѣтъ. По нашему мнѣнію, начертаніе Є, поставляемое въ началѣ словъ и отличное отъ начертанія е, поставляемаго въ срединѣ, писецъ употреблялъ для того, чтобы, при писаніи словъ serie continua, показать, что

далѣе начинается новое слово. Это объясненіе, разумѣется, приложимо только къ нашему памятнику.

Буква **ы** въ нашемъ памятникѣ иногда, какъ мы видѣли, замѣняется буквою **и**; оказывается, что эта замѣна является въ тѣхъ же самыхъ словахъ, въ какихъ она замѣчена и Билярскимъ въ лѣтописи Манассія, напр. въ словахъ: **иниѣ** (7), **възсилаѣ** (5) и немн. др. ⁴⁹).

Начертанія **и** и **ї** оба употребляются, какъ въ лѣтописи Манассія, такъ и въ разобранномъ нами памятникѣ, предъ знаками гласныхъ звуковъ, но послѣднее гораздо чаще употребляется предъ гласными и рѣже предъ согласными ⁵⁰).

Наконецъ, признакомъ средне-болгарскаго происхожденія нашего памятника служитъ крайне рѣдкое употребленіе въ немъ йотированныхъ гласныхъ. Такое же отвращеніе къ йотации замѣчается въ лѣтописи Манассія и въ нѣкоторыхъ другихъ болѣе древнихъ памятникахъ средне-болгарскихъ ⁵¹). Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы въ нашемъ памятникѣ, какъ и въ лѣтописи Манассія, сочетанія: **ю**, **и**, **ж** и др. вовсе не встрѣчались. Напротивъ, они изрѣдка встрѣчаются, и это, по мнѣнію Билярскаго ⁵²), служитъ доказательствомъ ихъ несомнѣнности съ выговоромъ писца, потому что „еслибы вовсе не было въ памятникѣ сочетаній: **ю**, **и**, **ж**, тогда можно бы было подозрѣвать условную систему правописанія, несогласную съ выговоромъ“ ⁵³).

Теперь слѣдовало бы перейти къ морфологіи нашего памятника и сравнить ее съ морфологическими особенностями средне-болгарскихъ памятниковъ, по намъ кажется, что и на основаніи изложенныхъ особенностей вокализма нашего памятника мы имѣемъ полное право признать средне-болгарское происхожденіе разобранной рукописи.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1). т. е. Зографскій, безъ сомнѣнія, тотъ самый, въ которомъ найдено извѣстное Зографское глаголическое Евангеліе.

2). Мы удерживаемъ правописаніе памятника, но слова этой замѣтки выписаны нами вполнѣ, а не въ сокращеніи, какъ они написаны въ самой рукописи. Что же касается до примѣровъ, которые мы будемъ приводить при разборѣ рукописи, то они выписываются съ возможною точностію.

3). Это очевидно недописка; въ соответствующемъ мѣстѣ оглавленія поставлено слово „деснота“. Такихъ недописокъ не мало въ рукописи.

4). Въ текстѣ на листахъ 85—86 помѣщена еще молитва, озаглавленная такъ: „егда хощеть кто огласити азычника“.

5). Это слово не разобрано; вѣроятно оно есть прилагательное „славянскій“.

6). Надпись начинается словами: „служебникъ писанный уставомъ . . .“

7). По мнѣнію проф. Срезневскаго, памятникъ этотъ относится по начертаніямъ буквъ къ XIII вѣку.

8). Подобный же фактъ замѣчается и въ Супрасльской рукописи. Напр.

имъ же, к'нимъ

См. Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi. Edidit F. Miklosich. Vindobonae. 1851. p. 266, 56.

9). Monumenta linguae palaeosloven. p. 124: отъ вьськоа.

10). Kopitar. Glagolita Clozianus. Vindobonae. 1836. p. 13 съмирѣжштѣи.

¹¹⁾. Monumenta linguae palaeosl p. 119: смодръжець, 198: испръка, 435, покръже.

¹²⁾. Напр. жрътвѣи (р. 9), кръстьномъ (р. 3), покръже (р. 6), пръкъе (р. 13), совръшенж (р. 11), смъръти (р. 8 и 15), чръмноє (р. 8 и др.).

¹³⁾. Ср. въ Glagolita Clozianus: силънъ (р. 6).

¹⁴⁾. Ср. въ Супр. ркц. аминъ (Monum. linguae palaeoslovenicae, pag. 203).

¹⁵⁾. Эта классификація принадлежитъ И. А. Бодуэну-де-Куртенэ. См. его рецензію на книгу Лескина: Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache, Weimar. 1871. Отдѣльный оттискъ стр. 8—9.

¹⁶⁾. Въ томъ мѣстѣ рукописи, изъ котораго взяты приведенные примѣры, рѣчь идетъ только объ одномъ лицѣ; слѣдовательно, въ этихъ примѣрахъ разумѣются только двѣ, а не многія руки и ноги.

¹⁷⁾. Съ окончаніемъ *омъ* въ означенной формѣ прилагательныя являются и въ нѣкоторыхъ изъ древнихъ памятниковъ, напр. въ Саввиной книгѣ. Ср. добромъ сердцемъ и блгомъ. Срезневскій. Древніе славянскіе памятники юсоваго письма. СПб. 1868. стр. 33.

¹⁸⁾. Ср. въ Супрасльской рукописи форму
мыслштемъ

(Monumenta linguae palaeoslov. e codice Suprasliensi p. 160).

¹⁹⁾. Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, стр. 1.

²⁾. По общему фонетическому закону въ великорусскомъ языкѣ *і* (*и*, *ї*) предъ *ј* переходитъ въ *е*. Напр. вм. шии имѣется слово *шем*. Точно также вм. *си* — *сен*.

²¹⁾. См. Grammatik der Bulgarischen Sprache von Kyriak Sankof. Wien. 1852 S. 10 und folg.

²²⁾ Ср. въ Саввиной книгѣ форму
обращъ

(Срезневскій. Древн. Слав. памятн. юсоваго письма, стр. 6).

²³⁾. Ср. въ Остромировомъ Евангеліи форму
одръжнмъ (Ѹва ѿ ѳоаниа глава Ѹ)

24). Этотъ знакъ является въ формѣ 3-го лица *sing.* и *plur. indicat. activi praes.* не во всѣхъ древнихъ памятникахъ. Такъ въ Саввиной книгѣ эти формы всегда имѣютъ на концѣ знакъ ѣ. См. Древн. слав. памятники юсоваго письма: *сикѣтъ* (стр. 9), *погоуѣтъ* (10), *оуѣикѣтъ* (23), *оставитъ* (23), и др.

25). Ср. въ Остромировомъ Евангеліи

окрътаѣтъ | ѣва отъ матѣ-ѣа
понерѣтъ | глава ѣ.

26). Здѣсь мы имѣемъ по всей вѣроятности описку писца, а не фонетическій фактъ, потому что юсы въ нашей рукописи вообще не смѣшиваются съ знаками другихъ гласныхъ. Другой случай подобной описки представляетъ написаніе къ имѣ (65) вм. къимѣ.

27). Лекціи по наукѣ о языкѣ. Первая серія. СПб. 1865 стр. 50.

28). О средне-болгарскомъ вокализмѣ по патриаршему списку лѣтописи Манассія. Изд. 2-е. СПб. 1858 стр. 22.

29). A. Leskien. Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler. Archiv für slavische Philologie herausgegeben von V. Jagić. Zweiter Band. Zweites Heft, Berlin 1877. S. 269. Anmerkung.

30). Свѣдѣніями относительно средне-болгарскаго вокализма въ его отношеніи къ ново-болгарскому вокализму мы обязаны частію прекраснымъ лекціямъ И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, частію заимствуемъ ихъ изъ цитованныхъ уже нами сочиненій Билярскаго и Лескина.

31). Билярскій. О средне-болгарскомъ вокализмѣ стр. 67.

32). Ibidem стр. 68.

33). Ibidem стр. 69.

34). Ibidem стр. 71.

35). стр. 45.

36). 50, 51, 60, 61 и др.

37). A Leskien. Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler, s. 207. Билярскій, стр. 80.

38). Leskien, l. c.

39). Билярскій, стр. 81.

40). l. c.

41). Ibidem, стр. 82.

42). Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № 18 (въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ).

43). Leskien S. 276. Билярскій стр. 82.

44). Билярскій стр. 109.

45). Ibidem стр. 109 примѣч.

46). Ibidem стр. 110 и сл.

47). Ibidem стр. 115.

48). Ibidem стр. 116.

49). Ср. у Билярскаго стр. 123.

50). Ibidem стр. 124.

51). Ibidem стр. 126.

52). l. c.

53). Тамъ же.

В. Плотниковъ.

Поправки. Цифры, указывающія выноски къ примѣчаніямъ Среднебол. служ. съ 22-й по 49 стр., ошибочно поставлены въ текстѣ, вм. общеупотребительныхъ ¹⁾ ²⁾ и т. д. обозначены двумя скобками (). Указываемъ соответствующія страницы и строки.

вын. стр.	строк.	вын.	стр.	строк.	вын.	стр.	строк.
(1)(2)	— 22	6, 17	(9)(10)	— 32 — 20, 29	(17)	— 45 —	2
(3)(4)	— 25 —	4, 20	(11)(12)(13)	— 34 — 24, 26	(18)(19)	— 46 —	3, 18
(5)	— 26 —	21	(14)	— 35 —	5	(20)(21)	— 47 —
(6)(7)	— 27 —	18, 22	(15)	— 40 —	9	(22)(23)(24)	— 48 —
(8)	— 9 —	24	(16)	— 44 —	6	(25)	— 49 —

ПРОИЗВОДСТВО СЛОВА „ЧЕЛОВѢКЪ“,

Извѣстно три производства слова „человѣкъ“: Павскаго, Миклошича и Потебни. Первый производитъ его отъ санскр. слова *kula* и дѣлитъ такъ: *челов*—*ѣкъ*; второй — отъ сан. корня *shru* (*shravami*, слышу) и находитъ въ немъ тѣ же части, какъ и Павскій; наконецъ третій, Потебня, дѣлитъ: *чел-о*—*вѣкъ* т. е. видитъ въ немъ сложное слово изъ двухъ знаменательныхъ корней: *цѣл* и *вѣк* (сила).

Противъ производства Павскаго должны быть сдѣланы слѣдующія возраженія: 1) темнота первичнаго значенія слова *человѣкъ*. Санскр. суффиксъ *êka*, въ которомъ видитъ Павскій, а съ нимъ и Миклошичъ, наше *ѣкъ* значить: одинъ, *kula*—племя. Что же значить „человѣкъ“?—Одинъ изъ племени? Но развѣ скр. *kula* обозначаетъ племя въ значеніи всѣхъ людей, а не части только? Или первобытные предки Славянъ людьми называли только лицъ своего племени? а лицо не ихъ племени какъ они называли?—не *человѣкомъ*? а откуда это извѣстно? Мы только знаемъ, что словомъ *человѣкъ* обозначалось и обозначается всякое существо, одаренное словомъ и умомъ, въ противоположность прочимъ животнымъ.—Вотъ нѣмцы весьма основательно производятъ слова *mensh* и *maпп* отъ того же корня, который заключается въ ихъ же родномъ словѣ *meіnen*—думать. По этому производству *mensh* и *maпп* имѣютъ полный смыслъ, ясный, солидный: *mensh*—кто имѣетъ умъ, *maпп*—кто имѣетъ умъ и думаетъ, заботится о семействѣ: женѣ, дѣтяхъ. Но производство Павскаго не даетъ слову *человѣкъ* такой опредѣленности и ясности. Павскій

отъ слова *kuła* производить еще рус. челядь. Правда ли это? Вѣдь извѣстно, что суф. *идь*—*идо*—*адо* имѣютъ значеніе собирательное: рус. *рухлядь*; хорут. *živad*—животныя, живность, *zelenjad*—овощь. Что же бы значило челядь? Понятно: нѣсколько племенъ; стало быть совсѣмъ не то, чего желалъ Павскій: нѣсколько людей. Нѣсколько людей = *человѣк* + *идь* = *человѣч-адь* а не *чел-идь*. Итакъ, если невозможно производить челядь отъ *kuła*, то значить между корнемъ *чел* въ *человѣкъ* и кор. *чел* въ челядь нѣтъ родства, что по первому даже взгляду невѣроятно. 2) Производство Павскаго противорѣчитъ законамъ славянской морфологіи. Павскій и Миклошичъ погрѣшаютъ противъ русской и славянской вообще морфологіи, утверждая что въ слав. языкахъ есть суф. *ѣкъ*. Нѣтъ еще другихъ словъ, которыя бы заключали этотъ суффиксъ. Миклошичъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Будиловичъ, хотя и приводятъ еще слово *risek*, но оно сомнительно. — Если ужъ искать въ слав. языкѣ суффикса, соответствующаго скр. *eka*, то не въ *ѣкъ*, котораго нѣтъ въ славянскомъ языкѣ, а въ *икъ*: *здоров—икъ* = одинъ изъ здоровыхъ; *больш—икъ* = одинъ изъ большихъ, *степн—икъ* = одинъ изъ степныхъ; *листв—икъ* = одинъ изъ обитателей въ листвѣ дерева и проч.

По производству Миклошича (см. „*Radices*“ 1845. „*Vergl. Gram.*“ 1875 г. П т. 246 стр.) слово *человѣкъ* тоже не выигрываетъ въ ясности значенія, если сравнить его съ производствомъ Павскаго. Что значить *человѣкъ*, произведенный отъ скр. кор. *shgu* слышать? — Одинъ изъ слышащихъ? Положимъ даже, что слово *человѣкъ* означало бы, какъ желаетъ Миклошичъ, того, кто позволяетъ себя слышать, а не того, кто самъ слышитъ. Но вѣдь и соловей, корова, волкъ тоже позволяютъ себя слышать. Почему же *человѣкъ* названъ *человѣкомъ* по тому же самому признаку, который одинаково принадлежитъ большинству животныхъ? Противъ того,

чтобы производить соловья отъ shgu, мы не имѣемъ ничего сказать: соловей поетъ громче и пріятнѣе всѣхъ птицъ и своимъ пѣніемъ приобрѣлъ себѣ извѣстность, славу: славій, соловей. т. е. по преимуществу слышимый изъ всѣхъ птицъ, или же славная, знаменитая птица. Затѣмъ, не говоря уже о томъ, что отъ shgu въ славянскомъ языкѣ было бы имя тоже съ суф. *икъ*, а не *ѣкъ*, можно возразить Миклошичу: почему санскр. корень shgu во всѣхъ словахъ являющийся въ видѣ слу, слов, слы, въ одномъ только словѣ чловѣкъ принялъ ни съ того ни съ сего форму чьлу съ весьма сомнительною (если не безпримѣрною) замѣною скр. звука sh славянскими ч=к и не менѣе сомнительнымъ паразитнымъ ь, е? (Микл. хотя и пишетъ: чловѣкъ, но безъ ь онъ не можетъ объяснить пререхода къ въ ч).

Обратимся къ производству г. Потебни. Потебня въ первой половинѣ слова чел—о—вѣкъ видитъ тотъ же корень, который заключается въ цѣл-ный, а во второй половинѣ корень вѣк, находящийся въ словѣ у-вѣч—ь—е, у-вѣч-и-ть. Увѣчить значитъ, по словамъ этого ученаго, лишать силы („Къ Ист. звуковъ русс. языка.“) Слѣд. вѣк-ъ=сила. Противъ этого производства опять таки прежде всего говоритъ неясность, темнота первоначальнаго значенія, придаваемого слову. Почему же это чловѣкъ, и здоровый и нездоровый, умный и дуракъ, уродъ, идіотъ и краспорѣчивый силачъ, однимъ словомъ всякій—всякій чловѣкъ называется и назывался чловѣкомъ, хотя бы онъ и не „обладалъ цѣлыми силами“? Во-вторыхъ, какъ понимать „цѣлыя силы“? Всякое животное можетъ обладать цѣлыми силами: почему же они не называются „чловѣками“? Вообще это толкованіе, судя аргіогі, въ вышей степени невѣроятное. Мы не знаемъ, что собственно значать, по точной этимологіи, слово увѣчить и нѣкоторыя другія, приводимыя Потебнею, очевидно родственныя съ увѣчье слова: быть можетъ увѣчить

дѣйствительно по точной этимологіи значить лишать силы (а не уродовать, ломать, какъ понимаемъ мы теперь). Но возразимъ противъ приравненія чел корню цѣл: почему въ этомъ одномъ словѣ ѣ ослабилось въ ъ и гдѣ другіе примѣры, которые бы подтверждали, что цѣл, равняющійся скр. *kaīl*, лит. *kaīl*, дѣйствительно существовалъ бы въ формѣ цѣл (цловѣкъ), чѣл (чьловѣкъ, человѣкъ), кромѣ даннаго слова? Примѣровъ этихъ нѣтъ. Это возраженіе въ связи съ предыдущимъ увеличиваетъ невѣроятность производства Потебни.

Мы дѣлимъ слово чловѣкъ такъ же, какъ и Потебня: чел—о—вѣкъ; но обѣ половины этого слова производимъ совсѣмъ отъ другихъ корней. Чело=*frons*, а какъ *pars pro toto*: лицо, голова и вѣкъ=*vos-s*, *ῥεπ-ω*, сан. *va k-a shi*. Вѣк=*vēt*: от—вѣт—ить, вѣщій. *) *Vos-o*-зову; *επω*—говорю, *οψ*—лицо; *va k-a shi*—говорю; вѣщаю—говорю будущее, отвѣчаю—говорю на вопросъ—всѣ эти слова происходятъ отъ того же самаго корня, который заключается во второй половинѣ слова чловѣкъ.— По этому производству чел-о-вѣкъ собственно значить: говорящее чело, т. е. говорящее лицо, голова. Такимъ образомъ по нашему словопроизводству получается тотъ самый результатъ, котораго желали Миклошичъ, Будиловичъ, стремившіеся отыскать въ чловѣкъ названіе, характеризующее его по главному, отличительному признаку. Челядь, по нашему толкованію, есть собраніе нѣсколько лицъ, нѣсколько головъ.

Что вѣк, вѣт по фонетикѣ равно скр. *va k*, это и доказывать не стоитъ труда. Мы сошлемся на *Compendium* Шлейхера стр. 101, гдѣ приведенъ рядъ примѣровъ подобнаго соотвѣтствія первоначальнаго (*Ursprache*) и санскритскаго *a* славянскому *ь*, причемъ предполагается

*) Другіе примѣры на переходъ *k* въ *m*: наукъ—наугина; блескъ—блестѣть; вопреки—запретить и т. п.

для объясненія, что этотъ *л* есть вторичный звукъ, образовавшійся на славянской почвѣ изъ *с*, ближайшимъ образомъ соотвѣтствующимъ звуку первоначальному и санскритскому *а*: \sqrt{sad} = лат. *sēd* (*sed-ēre*), греч. $\epsilon\delta$ ($\epsilon\zeta\omicron\mu\alpha\chi\acute{\alpha}\delta\text{-}\eta\delta\text{-}\rho\alpha$), $\eta\delta$ ($\eta\mu\mu\alpha\iota$), слав. *сед* (село = сед-ло) сѣд (сѣс-ти, сѣль = сѣд-ль); \sqrt{sa} = лат. *se* (*se-men*), литов. *se-ti*, готт. *sa-ia*, = слав. сѣ (сѣ-мя); \sqrt{va} = слав. вѣ-тръ, вѣ-мяти; \sqrt{dha} = дѣ-ти, дѣ-ло; \sqrt{ad} = ѣс-ть вм. ѣд-ть; \sqrt{gak} = рек-ж, рѣ-хъ вм. рѣк-хъ; \sqrt{tag} = у-мер-ль, мрѣ-ти и пр.

Саратовъ, Сент. 6

Василій Добровскій.

1880 г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

О нарѣчїи Венеціянскихъ Словенцевъ.
Сочиненіе А. Клодича. Санктпетербургъ. Типографія
Императорской Академіи наукъ. 1878. 8°, 27 стр.

Трудъ этотъ былъ составленъ г. Клодичемъ (въ настоящее время инспекторомъ народныхъ училищъ въ Триестѣ) еще около 1870 г. первоначально только для Миклошича и вовсе не предназначался для печати. Миклошичъ (Miklosich) пользовался имъ въ своей „Vergleichende Grammatik“ (конечно, въ тѣхъ ея частяхъ, которыя вышли послѣ 1870 г.). Только по предложенію пишущаго эти строки авторъ согласился обнародовать свое сочиненіе. Оно было передано покойному И. И. Срезневскому и помѣщено имъ въ его изданіи — „Фриульскіе Славяне. Статьи И. И. Срезневскаго и приложенія. СПб. 1878,“ — въ которомъ напечатана тоже статья Валенте „О Славянскомъ языкѣ въ Резьянской долинѣ во Фриуль“ и „Образцы говоровъ Фриульскихъ Славянъ“, сообщенныя Срезневскому изъ собранныхъ мною матеріаловъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется русское заглавіе отдѣльныхъ оттисковъ какъ разсужденія Клодича, такъ и статьи Валенте, не смотря на то, что самый текстъ въ первомъ — словенскій, во второй же — италіанскій.

Въ теоріи Клодичъ безусловно придерживался Миклошича со всѣми его достоинствами и недостатками. Порядокъ же изложенія заимствованъ взъ Янежича (*Slovenska slovnica za domačo in šolsko rabo. Spisal Anton Janežič, etc. Četerti popravljeni natis. V Celovcu 1869*). И даже все сочиненіе г. Клодича состоитъ изъ перечня

отступленій описываемаго имъ нарѣчія отъ словенскаго языка въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ въ названной книгѣ Янежича.

Не все тутъ схвачено вѣрно, и даже, пожалуй, главные отличія нарѣчія Венеціанскихъ Словянъ отъ языка Словенцевъ вовсе не замѣчены нашимъ авторомъ; но тѣмъ не менѣе по его изложенію можно составить себѣ довольно ясное понятіе о многихъ характеристическихъ чертахъ описываемаго имъ нарѣчія, хотя формулировка этихъ особенностей далеко не всегда удовлетворительна. Но иначе и быть не могло, если авторъ безусловно придерживался Миклошича и Янежича.

Полной признательности со стороны специалистовъ заслуживаетъ г. Клодичъ за приложеніе къ самому сочиненію нѣсколькихъ рассказовъ на описываемомъ имъ нарѣчіи (стр. 25—27). Эти тексты, записанные относительно очень точно, даютъ конкретное представленіе объ этомъ нарѣчіи. Жаль только, что не во всѣхъ словахъ обозначено удареніе, что вовсе не отличены разновидности ударенія и что, наконецъ, вовсе не обозначена долгота и краткость гласныхъ.

Карл Апцель: 1) Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ.

2) Къ славянскому народному словопроизводству.

5) Библиографія. *Zarés do Grammatikj Kašébsko-Slovjnskjè Mòvé napisèl é védèl Dr. Florjan Cenòva. v Poznanju. 1879. — 8°, 44 стр.*

(Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ т. III, годъ 2 й, 1880, стр. 1—35, 86—90, 141—144).

До названныхъ трудовъ г. Апцель напечаталъ только

статью „О говорахъ польскаго языка“ (Русскій Филол. Вѣстникъ, т. II, 1879, стр. 47—64), и нельзя отрицать, что онъ весьма удачно началъ свою литературную дѣятельность въ области языковѣдѣнія. Не часто можно встрѣтить такое вѣрное и мѣткое пониманіе явленій языка и такое строго научное къ нимъ отношеніе. Нашъ авторъ сразу сталъ на ту высоту научныхъ воззрѣній, до которой довольно часто не въ состояніи добраться, даже послѣ многолѣтнихъ странствованій по дебрямъ памятниковъ и схоластики, разные маститые ученые съ вѣсомъ и авторитетомъ. Чтеніе написаннаго г. Апцелемъ не наводитъ вовсе скуки и не заставляетъ сожалѣть о потерѣ времени; напротивъ того, оно доставляетъ истинное удовольствіе и побуждаетъ къ мысленію. Г. Аппель очень искусно сопоставляетъ разбираемые факты; формулировка же обобщеній и выводовъ у него вполне научная, иногда почти образцовая. Въ особенности достойна вниманія глава „Нѣкоторые случаи дифференцірованія флексій“, а въ ней то, что находится на стр. 27—31. Затѣмъ см. стр. 10¹⁾, 14¹⁾, 35, 42, 42,) и т. д.

Не смотря на всѣ достоинства, въ произведеніяхъ г. Апделя можно замѣтить и нѣкоторые болѣе или менѣе крупныя недостатки.

Такъ напр. онъ слишкомъ много вѣсу придаетъ моей магистерской диссертациі „О древне-польскомъ языкѣ до XIV° столѣтія“, 1870. Сочиненіе это, и въ свое время удовлетворявшее далеко не всѣмъ требованіямъ *положительнаго, не фантастическаго* языковѣдѣнія; теперь уже нѣсколько устарѣло. Въ немъ высказаны разныя положенія и „выводы“, являющіеся не обобщеніями, строго вытекающими изъ фактовъ, и какими-то туманными догадками болѣе или менѣе апріорическаго и догматическаго свойства. Это было обусловлено внѣшними обстоятельствами. Тема эта (сбораніе матеріала для исторіи польскаго языка изъ латинскихъ грамотъ) была мнѣ предложена покойнымъ

И. И. Срезневскимъ, не желавшимъ вовсе понимать задачъ и метода настоящаго языковѣдѣнія въ частности же не понимавшимъ приѣмовъ и выводовъ моего разсужденія „Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination“ (въ „Beiträge zur vergleichenden sprachforschung“, томъ VI, 1868), и не добивавшимся отъ молодыхъ чернорабочихъ (какими были для него люди, „занимавшіеся подъ его руководствомъ“) ничего другаго кромѣ словаря, да и то обыкновенно словаря съ какимъ нибудь курьезнымъ порядкомъ словъ. Подобная работа не могла удовлетворять ума, хоть сколько нибудь живаго и желающаго понимать настоящіе научные вопросы. Она дѣйствовала на крѣпостнаго почтеннаго палеографа подавляющимъ образомъ и вызывала потребность хоть кое-какъ вознаграждать все безмысліе и чисто механической трудъ навязанной работы, трудъ, который впрочемъ не былъ бы такъ тяжелымъ, еслибъ „руководившій“ согласился дать хоть какія нибудь указанія относительно приѣмовъ, дѣлающихъ возможнымъ самое скорое и цѣлесообразное производство подобныхъ работъ. Отсюда-то и появились въ сочиненіи „О древне-польскомъ языкѣ до XIV стол.“ недостаточные обдуманые выводы, незрѣлыя и чрезвычайно смѣлыя объясненія и обобщенія фактовъ, не дающихъ сами по себѣ никакого права на это, и вообще то странное несоотвѣтствіе, какое замѣчается, съ одной стороны, между самымъ тщательнымъ, самымъ строгимъ и самымъ добросовѣстнымъ сопоставленіемъ и обработкою всевозможныхъ мелочей изъ грамотъ и другихъ древне-польскихъ памятниковъ, а съ другой стороны, между большою смѣлостью и отчасти фантастичностью общихъ выводовъ. Впрочемъ, не смотря на всю подавленность ума этою египетскою работой, мнѣ все таки удалось сдѣлать нѣсколько совершенно вѣрныхъ и до того неизвѣстныхъ объясненій. Но подъ другими объясненіями я уже вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ названнаго сочиненія не захотѣлъ бы подписаться. Поэтому г. Аппель

напрасно такъ церемонится съ выводами этой книги, и, не соглашаясь въ сущности съ нѣкоторыми изъ нихъ, прибѣгаетъ къ столькимъ оговоркамъ и деликатностямъ (см. нпр. стр. 15).

Теперь перехожу къ частнымъ критическимъ замѣчаніямъ о трудахъ г. Аппеля.

Стр. 2: Авторъ слишкомъ рѣзко оцѣниваетъ грамматическіе труды ксендза Малиновскаго, въ особенности считая труды Сухецкаго „гораздо ближе подходящими подѣ уровень современной науки“ (стр. 3). Въ этомъ отношеніи Сухецкій не многимъ лучше Малиновскаго, а иногда даже хуже его.

Стр. 3.⁷): Сколько мнѣ извѣстно по рассказамъ самаго Сухецкаго, „Przegląd form gramatycznych języka staropolskiego“ былъ написанъ имъ, Сухецкимъ, и только напечатанъ безъ его участія.

Стр. 4: „Лучшее „вообще“ пособіе къ изученію польскаго яз.“ („Сравн. грам.“ Миклошича) стоитъ собственно гораздо ниже современнаго уровня языковѣднія, а право не многимъ выше трудовъ кс. Малиновскаго и Сухецкаго.

Стр. 6: Трудно говорить о „сохраненіи первоначальной подвижности ударенія“ въ полабскомъ и кашубскомъ. *Разнообразіе* ударенія и его (конечно, морфологическая) подвижность — вещи, совершенно различныя.

Стр. 7—8: Сопоставляя, относительно ударенія, слова полабскія съ сербскими, слѣдовало въ сербскомъ кромѣ ударенія отличать тоже временное количество (долготу или краткость) гласныхъ.

Стр. 7: Полаб. *górnjĕt* и *dá'ra* наврядъ-ли можно прямо сопоставлять съ серб. *говдрити* и *дѣра*.

Стр. 8: Нѣтъ данныхъ для того, чтобы въ полаб. словахъ средн. р. въ родѣ *jeutrú*, *šonú*, *slůvú* и т. п. видѣть, относительно ударенія, непрѣмьно аналогію къ *zâgnú*, *vâknu*, *selú* и т. п.

Стр. 9—10: Сокращеніе польск. *im'éc, igrać, iz* и т. п. въ *m'éc, grać, z* и т. п. произошло вѣроятно подъ вліяніемъ не столько неударяемости *i*, сколько морфологической ассимиляціи (аналогіи) и, можетъ быть, свойственнаго всѣмъ языкамъ фонетическаго стремленія къ исчезновенію начальныхъ гласныхъ и даже цѣлыхъ слоговъ, не поддерживаемыхъ чутъемъ ихъ необходимости для полноты знаменательнаго корня. Ср. нпр. подобнаго рода сокращеніе собственныхъ именъ во всѣхъ языкахъ (Лизавета, Ляксандеръ, Лексѣй и т. п.), с е т р а или и т. п. в м. о с е т р а въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ, и т. д. Примѣнительно къ названнымъ тремъ словамъ, можно замѣтить слѣдующее: Въ *im'éc i igrać* начальное *i* (или *ji*) не поддерживалось чутъемъ принадлежности къ знаменательному корню, а напротивъ того напоминало очень часто употреблявшійся союзъ *i*, такъ что стало въ чутѣ народа какою-то несущественною прибавкой къ главному тѣлу слова, отъ произнесенія которой значеніе слова вовсе не измѣняется. Ср. тоже *skra* в м. *iskra* (*jiskra*), *mianować* (= *imionować*, —аналогія и смѣшеніе корней), *wumienić* и т. д. Предлогъ же *iz*, тоже подъ вліяніемъ подобнаго фактора, смѣшался вполнѣ съ предлогомъ *s* (съ), т. е. они, путемъ не фонетическаго, а морфологическаго процесса, слились въ одинъ предлогъ *z*. Ср. тоже анекдотическое сокращеніе русскими чиновниками польскихъ фамилій *Pan-czykowski, Pan-kiewicz* и имени *Pan-kracy* въ *Czykowski, Kiewicz i Kracy*.

Стр. 10 и 11: Процессъ сокращенія *alibo* въ *albo*, *veliki* въ *velki*, *každy* въ *každy*, *Infiniti* *ci* въ *ć*, *Imperat*, *i* въ *o* (нуль) и т. п., на сколько онъ былъ чисто фонетическимъ процессомъ, могъ совершиться только при отсутствіи противодѣйствія подобнымъ звуковымъ процессамъ со стороны прогибитивной морфологической ассимиляціи (аналогіи).

Стр. 11: Сомнительна столь тѣсная связь ударяемо-

сти съ развитіемъ „глухихъ гласныхъ“ *z, o* въ другіе гласные и ихъ неударяемости съ исчезновеніемъ.

Стр. 14: *z-boŕić*, вѣроятно, древнѣе, а *z-buŕić* появилось, какъ продуктъ лексической ассимиляціи (народнаго словопроизводства) къ слову *burza* (буря). Ср. тоже чешское *boŕiti* рядомъ съ *boŕiti*.

Стр. 14—15: Наврядъ ли можно допускать въ польскомъ вліяніе ударенія на замѣну гласнаго *e* гласнымъ *o*. Въ то время, когда совершался этотъ процессъ ($e = o$), въ польскомъ удареніе не было вѣроятно на столько сильнымъ, чтобы производить столь значительныя измѣненія въ вокализмѣ языка. Польскій языкъ, какъ и всѣ вообще сѣверо-западные языки словянскіе, принадлежитъ къ числу языковъ, характеристическую черту которыхъ составляетъ между прочимъ зависимость качества гласныхъ отъ сочетающихся съ ними (а прежде всего слѣдующихъ за ними) согласныхъ, въ противоположность нпр. русскимъ нарѣчіямъ, гдѣ первенствующую роль въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать за удареніемъ, вліяніе котораго только видоизмѣняется (сдерживается) противодѣйствіемъ со стороны вліянія согласныхъ (нпр. мягкихъ или твердыхъ). Стало быть, въ польскомъ *ŕode, ŕose, ŕosło, ŕoło* появились не по аналогіи съ *nosł, vozł, ŕoła*, а точно тѣмъ же чисто фонетическимъ путемъ: *o* вм. *e* совпадаетъ здѣсь съ слѣдованіемъ за нимъ твердаго переднеязычнаго согласнаго; между тѣмъ какъ въ русскомъ *o* появляется вм. древнихъ *e* и *ĭ* (ь) при удареніи и при слѣдующемъ твердомъ согласномъ какого бы то ни было разряда. Вм. *ĕ* (ѣ) въ русскомъ *o* фонетически не появилось, тогда какъ въ польскомъ, при слѣдующемъ твердомъ переднеязычномъ согласномъ, вм. *ĕ* (ѣ) видимъ *a*. Моя „гипотеза“, по которой *o* вм. *e* предполагаетъ-де предварительное „растяженіе“: *e* въ *ĕ* (О древне-польскомъ яз. до XIV° ст., § 85), и съ которою авторъ хочетъ согласить свое объясненіе (переходъ *e* въ *o*

подъ вліяніемъ ударенія), совершенно не выдерживаетъ критики и является простою, ни на чемъ не основанною догадкой, а не научною гипотезой. Точно такъ же болѣе чѣмъ сомнительно предположеніе, что въ польскомъ языкѣ долгота гласныхъ нерѣдко является замѣнителемъ прежняго ударенія.

Стр. 14—15²): Объясненіе, почему губные не обусловили въ польскомъ замѣны предшествующаго имъ *e* гласнымъ *o*, слишкомъ искусственно и должно быть замѣнено болѣе простымъ. Вопросъ слѣдуетъ поставить на оборотъ и доискиваться не того, какіе согласные не произвели вліянія въ этомъ отношеніи, а только какіе его произвели? Тогда станетъ яснымъ, что вліяніе это, какъ чисто фонетическое явленіе, было свойственно однимъ только твердымъ передне-язычнымъ.

Стр. 15¹): Въ словахъ польскаго языка вообще, а въ словѣ *Va g̃ś a va* въ особенности нельзя вовсе говорить о „перегласованіи *a* въ *e*“. Впрочемъ, это примѣчаніе (15¹) совсѣмъ туманно и непонятно.—Точно то же относится къ „перегласованію“, упомянутому на стр. 16.

Стр. 16: Въ виду выше изложеннаго совершенно нельзя допустить слѣдующаго объясненія: „тѣ же причины которыя обусловили въ извѣстныхъ случаяхъ смѣну *e* на *'o*, вызвали въ случаяхъ тождественныхъ переходъ *ê* въ *'a*; какъ *e : 'o = ê : 'a* — и это очень естественно: *ê* какъ „долгій“ гласный по отношенію къ *e* и, слѣдовательно, психически, равный по вѣсу гл. *o* (подъему для *e*), долженъ — подобно сему послѣднему — „перейти“ въ *a*“.

Стр. 16—27. Наблюденія по синтаксису не менѣе интересны, нежели фонетическая часть перваго разсужденія г. Аппеля. Въ систематизаціи матеріала замѣтна извѣстная доля схоластики; но отъ нея трудно освободиться даже самымъ свѣтлымъ умамъ, такъ какъ до сихъ поръ никто еще не пробовалъ дѣлать синтаксическія изслѣдованія безъ

схоластической подкладки, состоящей въ смѣшеніи грамматики съ логикою и въ навязываніи языку того, что въ немъ не въ состояніи открыть даже самый строгій анализъ, и что, стало-быть, въ немъ вовсе не полагается.

Стр. 18—19: Слово *vaŋovaé še*, какъ и „стсл.“ *karovati sa* (встрѣчаемое, впрочемъ, только въ позднихъ памятникахъ, писанныхъ кириллицею, хотя и помѣщенное въ будто-бы старословянскомъ словарѣ Миклошича) усвоено изъ германской области и видоизмѣнено подъ вліяніемъ лексической ассимиляціи (народнаго словопроизводства).

Стр. 27—35. Какъ выше замѣчено, самымъ интереснымъ слѣдуетъ признать отдѣлъ III. „Нѣкоторые случаи дифференцированія флексій“. Относительно его можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Стр. 27—28: Выраженіе „по психологическимъ причинамъ“ („Когда вм. вин. ед. сущ. одушевленныхъ, по психологическимъ причинамъ, сталь входитъ въ употребленіе род. пад.“) слишкомъ общее. Причины эти не всѣмъ извѣстны, и поэтому не мѣшало бы назвать ихъ поименно, тѣмъ болѣе, что процессъ этотъ состоитъ въ прямой связи съ морфологическимъ вопросомъ, рассмотрѣніемъ котораго занимается здѣсь нашъ авторъ. А ужъ совершенно туманно и невѣрно, съ легкой руки сочиненія „О древнепольск. яз. до XIV“ ст.“, считать *e* „гласнымъ, психически, равнымъ по вѣсу гл. *o* (подъему для *e*)“ (стр. 16).

Стр. 29: и въ *Los.* и *Vos.* „гортанныхъ“ основъ появилось не потому, что эти основы „потеряли способность сочетаться съ окон. *e* (*ъ, е*)“, а только влѣдствие стремленія къ морфологической ясности и однообразію основы во всѣхъ падежахъ даннаго имени. Съ окончаніемъ *e* было связано значительное измѣненіе послѣдняго согласнаго основы (*e, dz, sz* или *cz, ź, sz* вм. *k, g, ch*), и поэтому оно было замѣнено окончаніемъ *u*, какъ единствен-

нымъ окончаніемъ тѣхъ же падежей того же рода, сочетающимся съ сохраненнымъ послѣднимъ согласнымъ основы изъ категоріи задне-язычныхъ. Въ русскомъ языкѣ произошло распространеніе на мѣстный падежъ (такъ какъ звательнаго здѣсь не имѣется) основы другихъ падежей (съ сохраненіемъ послѣдняго заднеязычнаго) безъ измѣненія окончанія (берегѣ, духѣ, богѣ, человѣкѣ). Ср. рукѣ, ногѣ, пеки, бѣги, жи Иначе въ малорусскомъ, который въ этомъ отношеніи консервативнѣе великорусскаго.

Стр. 31: Предположеніе, что „Locativ’ы и Dativ’ы (мужескихъ) а-основъ въ началѣ праславянской эпохи должны были быть тождественны“ — далеко не доказано.

Стр. 33: „Въ польскомъ яз. ок. -e“ (въ Gen. s. f.) „лишилось ринезма (zém’e duše)“ не чисто фонетически, но какъ окончаніе, уступившее мѣсто, путемъ морфологической ассимиляціи (аналогіи), окончанію e того же падежа отъ рефлексовъ общепаріоевропейскихъ согласныхъ основъ (матерс, крѣке, камне, словесе ...). Невозможно же говорить о „перегласованіи“ въ русскомъ окончанія и въ e (ѣ); при чемъ принимать окончаніе и значить смѣшивать буквы и звуки. Сомнительно, чтобы Genitiv’ы zém’e duše „впервые открыли окончанію -e (ѣ) доступъ къ ja-основамъ въ Dativ’ѣ и Locativ’ѣ“.

Стр. 34: Въ русскомъ Gen. земли... имѣется результатъ двойнаго ассимилирующаго вліянія формъ (двойной аналогіи): съ одной стороны исконныхъ Gen.-овъ съ ок. -и (пути, кости ...), съ другой же Gen.-овъ съ -ы (воды, рыбы ...).

Общій недостатокъ перваго, главнаго, разсужденія г. Аншеля слѣдуетъ видѣть въ постановкѣ самой задачи. Матеріаль, собранный имъ изъ польскихъ памятниковъ, не совсѣмъ вяжется съ тѣми общими вопросами, которыхъ авторъ касается, или по крайней не представляетъ достаточныхъ данныхъ для ихъ удовлетворительнаго рѣшенія. Матеріаль этотъ представляетъ весьма драгоцѣнный вкладъ

въ общій инвентарій матеріаловъ для исторіи польскаго языка; тамъ ему и мѣсто. При разсмотрѣніи же затронутыхъ г. Апелемъ вопросовъ должно бы быть изъ него (этого матеріала) взято самое существенное и поставлено на ряду съ такимъ же извлеченіемъ изъ матеріаловъ ко всей исторіи польскаго языка. Въ такомъ видѣ, какъ теперь, работа г. Апеля должна быть озаглавлена: или „нѣсколько общихъ замѣчаній о развитіи языка въ фонетическомъ, синтаксическомъ и морфологическомъ отношеніи по поводу матеріаловъ, собранныхъ изъ древне-польскихъ памятниковъ“, или же „матеріалы для исторіи польскаго языка, избранные изъ нѣкоторыхъ древне-польскихъ памятниковъ, съ присоединеніемъ общихъ замѣчаній о развитіи языка въ фонет., синтакс. и морфол. отношеніи“. Заглавіе: „Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ“ говорятъ слишкомъ мало *). Конечно, это вовсе не умаляетъ замѣчательныхъ достоинствъ сочиненія нашего автора.

Перехожу теперь къ замѣчаніямъ, касающимся двухъ другихъ, болѣе короткихъ, статей г. Апеля.

Стр. 36—40: „Къ славянскому народному словопроизводству“

Стр. 37: Въ бѣлорусскомъ колоннѣ наврядъ ли можно допустить „явленіе фонетическое (metathesis)“. То же относится и къ слову п а л я р у ш в м. пар а л ю ш (параличъ).

Стр. 37—38: Объясненіе слова с л ю т а (слякоть) припоровленіемъ къ названію мѣсяца (февраля) „лютый“ кажется мнѣ нѣсколько натянутымъ; хотя, конечно, производство этого слова, с л ю т а, отъ $\sqrt{\text{л ю т}}$ —совершенно невысказано.

Стр. 38: С ѣ к у ц і я и с ѣ к у т о р ь в м. э к з е к у ц і я и э к з е к у т о р ь употребляются тоже Великоруссами. Ср. тоже польск. s e k u t n i c a (вѣроятно, в м. * e g z e k u t n i c a).

*) Еще болѣе это относится къ разсужденію г. Апеля «О говорахъ польскаго языка» (Русск. Филол. Вѣст. т. II, 3 й 1879, стр. 47—64), которое собственно должно бы быть озаглавлено: «О нѣкоторыхъ явленіяхъ въ говорахъ польскаго языка».

Стр. 39: Развитие влуж. *bloto* (*silva*) изъ нѣм. *Wald*, путемъ народнаго словопроизводства, по моему, не вполне убѣдительно.

Стр. 41—44. По поводу кашебской грамматики д-ра Ценовы.

Стр. 42'): *zãgłõ* могло развиться изъ *žãdłõ* путемъ чисто фонетическимъ. Во многихъ языкахъ сочетанія *tl*, *dl* и т. п. становятся со временемъ неудобными и замѣняются сочетаніями *kl*, *gl* и т. п. Но это фонетическое стремленіе обыкновенно не на столько сильно, чтобы одолѣть прогибитивную морфологическую ассимиляцію (аналогію), состоящую въ присутствіи чутья родства данной формы съ другими формами, въ которыхъ звуки *t* или *d* и *l* и т. п. являются не въ сочетаніи другъ съ другомъ, а только въ условіяхъ, благоприятствующихъ ихъ сохраненію безъ всякихъ измѣненій.

Оканчиваю эти замѣтки пожеланіемъ, чтобы г. Аппель продолжалъ свои интересныя изслѣдованія въ области словянскихъ языковъ и общаго языковѣдѣнія.

Вишневь (Свенцян. у.)

Іюль 1880 г.

Р. С. Уже написавъ свою замѣтку, я получилъ разсужденіе г. Аппеля

„О бѣлорусскомъ нарѣчій. Замѣтки Карла Аппеля. Особый оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“. Варшава. 1880“ 8", 28 стр.

Это разсужденіе еще лучше выше разобранныхъ, потому что систематичнѣе и всестороннѣе. Въ особенности достойна одобренія полнота собраннаго здѣсь матеріала изъ имѣющихся источниковъ для изученія бѣлорусскаго нарѣчія.

Весьма мѣтко схвачены нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ отличія и сходства бѣлорускаго нарѣчія съ великорусскимъ и малорусскимъ.

Главный недостатокъ этого разсужденія состоитъ въ не совсѣмъ точной формулировкѣ нѣкоторыхъ соответствій звуковъ. Такъ напр., говоря о „смѣнѣ неудареннаго *e* на *я*“ (стр. 2) ср. тоже „передне небное *a*“, стр. 6) и т. п., авторъ какъ будто смѣшиваетъ звуки и буквы. Точно такъ же невѣрную формулировку нужно видѣть въ принятіи суффиксовъ *-ніе*, *-нія* (стр. 16) и т. д.

Стр. 2): „Стремленіе къ сохраненію равновѣсія неударенныхъ слоговъ“ представляетъ что-то думанное и непонятное. Можетъ быть, со временемъ можно будетъ вывести изъ фактовъ подобное стремленіе, но пока нѣтъ для этого достаточныхъ данныхъ.

Стр. 6—7: По поводу замѣны конечныхъ *o* и *e* гласнымъ *a* (*я*) слѣдовало бы отмѣтить частное смѣшеніе рода женскаго съ среднимъ. Стало-быть, существительныя средняго р. въ им. вин. мн. подчиняются скорѣе вліянію аналогіи жен. р., нежели муж. (стр. 13).

Стр. 11¹⁾: Выводъ изъ „отношеній гласныхъ: *o* : *a* = *a* : *ы* (1), *e* : *я* = *я* : *и* .. (2), откуда“ (?) „: *a* (*o*) : *ы* = *я* (*e*) : *и*.... (3)“ — не понятенъ.

Стр. 12—13: Какое можетъ имѣть значеніе для опредѣленія времени развитія *ы* изъ *o* „уже послѣ перехода неударяемаго *o* въ *a*“ слѣдующее соображеніе: „2. въ говорахъ „акающихъ“ измѣненію въ *ы* никогда не подвергается ударенное *o*“? Развѣ ударенное *a* подобному измѣненію подвергается?

Стр. 22: Instr. *s. jоjи* (ёю) могъ развиться изъ *jeju* подъ вліяніемъ непосредственной аналогіи *toju* (тою), точно такъ же какъ Dat. *jоj* (ёй) изъ *jej* подъ вліяніемъ *toj* (той), и совершенно излишне принимать посредничество „пропорціональной“ аналогіи:

„Instr. *ею* : Dat. *ёй* (изъ *ей*) = Instr. *тою* : Dat. *той*“.

Стр. 24: Не совѣмъ понятно, какимъ образомъ „къ случаямъ вліянія *аналогіи*“ могутъ „тѣсно примыкать формы, въ которыхъ, въ большей или меньшей степени, сказалось иностранное вліяніе“.

Стр. 25: Для объясненія „сѣдзѣць = сидѣть“ (сѣдзѣла) и „дзѣця = дитя“ совершенно не нужно принимать польскаго вліянія. Это скорѣе древній видъ этихъ словъ, сохранившійся въ бѣлорусскомъ, а измѣненный въ великорусскомъ.

Островець (Любартов. у)

Августъ 1880 г.

И. Бодуэнъ-де-Куртенѣ.

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзій, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлыя курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствѣ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красота языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно цѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старинны и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной міеологіи и народной психологіи.